

ЦЛЦОН

Законы Нижнего мира

Евгений Сысоев

Клубок интриг распутывается, Лекс и Эмилия идут по следу организации, которая своими беспринципными действиями намеревается поставить все живое в Илионе под угрозу уничтожения. Кто руководит культом и какие цели преследует? И самое главное — что ждет героев в их нелегком приключении?

Синему алхимику предстоит открыть нелегкую правду и принять сложные решения, Эмилии же — научиться нести ответственность за себя и решать свои проблемы самостоятельно. Да и другим героям еще предстоит наметить свой путь: кому — искупления, кому — становления.

Все это вас ждет в заключительном томе цикла: "Законы Нижнего мира"

Глава 1

Морские волны лениво лизали галечный пляж, заунывно напевая свою вековую песню. Шуму моря подпевали суетливые чайки, бестолково носившиеся по округе и радовавшиеся наступлению теплых деньков. Яркое весеннее солнце окончательно отогнало, затянувшуюся зиму, и нежно баюкало в своих объятьях, оправляющуюся после спячки, природу. Светило игралось блестками в морской воде, грело прибрежную гальку и булыжники, разбросанные по пляжу, отражалось в окнах симпатичного двухэтажного домика с просторной, белоснежной верандой и небольшим вишневым садом в дворе.

На берегу резвились обитатели дома. Две хорошенькие девочки лет восьми — десяти, очень похожие, но у одной волосы цвета воронова крыла, другая же была пепельной блондинкой. Брюнетка внешне была постарше.

— Рика! Ну чего ты там? — в нетерпении звала младшая девочка сестру, которая стояла у самой кромки моря и, надувшись, смотрела вдаль.

Пепельноволосую звали Камина или сокращенно — Ками, она стояла возле гнедой, молодой кобылки, нежно поглаживая ее по загривку, и тревожно смотрела в сторону сестры, искренне не понимая, почему та ушла. Но Рика никогда бы и не призналась в причине, потому что та была банальна и постыдна. Зависть.

Каково это, иметь младшую сестру, у которой получается все лучше, чем у тебя? Да и к тому же Ками была обаятельна — любимица публики. Никого не оставит равнодушным эта не по годам мудрая, милая девчушка. Нет, Рика тоже не являлась посредственностью, она была умна, красива, не лишена талантов, имела твердый характер. Но все, что у младшей получалось естественно, играючи, для старшей — требовало усилий и старания. Отличало сестер еще и то, что Рика была несколько угловатой, резкой, прямолинейной. А эти качества не слишком нравятся окружающим.

Но, несмотря ни на что, сестры были очень дружны. Любили друг друга: Ками — самозабвенно и безотчетно, Рика, на правах старшей — степенно и ответственно. Она всегда считала своим долгом защищать и оберегать младшую сестру. И, может, оттого Рике было еще большее, что помимо зависти к успехам Ками, она понимала — сестра все меньше и меньше нуждается в ее помощи.

Каждый год с началом весны, семья — девочки с отцом, мама умерла четыре года назад, перебиралась в свой особняк на берегу моря. Старое родовое поместье, построенное почти полтора века назад, напоминало домик сказочных эльфов и очень нравилось Рике и Ками. Все здесь было ярким, легким и воздушным: пестрая, диковинная мебель, полукруглые дверные проемы, фантазийные витражи, вишневый садик с белой беседкой. А в этом году радость от поездки приумножилась оттого, что отец подарил сестрам лошадку. Началось их обучение верховой езде.

Собственно, с этим и связано было нынешнее плохое настроение Рики. Шел только четвертый день обучения, а Ками уже сидела в седле, как будто всю жизнь верховой ездой занималась. Старшая же сестра как бы не торопилась за младшей, как бы не старалась, пока выходила не очень. А сегодня упрямая Ряска (так называли лошадь) скинула Рику с седла. Ничего серьезного, отделалась ушибом, но было до слез обидно. Винить в этом некого, сестра уж точно ни в чем не виновата. Но на душе кошки скреблись. И Рика выбрала лучший, по ее мнению, вариант — отойти в сторону, в надежде, что чувства постепенно успокоятся.

— Рика! — не унималась Ками. — Ну, ты что, на Ряску обиделась? Она же не со зла, глупая еще. Мы ее воспитаем! Ты очень плотно ноги сжимаешь, нужно... — девочка осеклась, увидев, что сестра резко обернулась, взгляд Рики был холодным и острым, так бывало, когда она сдерживала злость.

— У меня идея, — старшая сестра улыбнулась и зашагала к Ками. — Давай поиграем в атаку на логово ужасов.

«Логово ужасов» — это каменная россыпь в форме гнезда, на противоположном от дома конце пляжа. Девочки все время придумывали, что там живет различная нечисть и монстры. И отважные рыцари должны были уничтожить их базу. Рыцарем, правда, предпочитала быть младшая сестра, старшая непременно выбирала роль волшебницы.

— Хорошо, — неуверенно протянула Ками. Ей очень не нравилось это хищное выражение лица сестры, обычно оно не сулило ничего хорошего окружающим.

— Только так, — Рика подняла палец в воздух. — Я, как всегда — волшебница, а ты — рыцарь кавалеристского полка, — девочка многозначительно взглянула на лошадь.

— Что? — растерялась Ками. — Но Рика, нам не разрешают ездить верхом без инструктора!

Их учитель — старый отставной офицер, много лет служил семье кем-то вроде мажордома. В летнее время он управлял прислугой, в зимнее — следил за поместьем. А в этом году согласился обучать девочек верховой езде. Каждое утро, два часа. После того, как Рика упала с лошади, мужчина объявил перерыв и удалился в дом по своим непосредственным обязанностям.

— Ой, да брось ты! Морти вернется еще не скоро, ему нужно распорядиться по обеду, к отцу сегодня приезжают важные гости! Ну, что? Испытание! Кто доберется быстрее? Обворожительная колдунья, с помощью своей магии, — Рика очертила руками над головой полукруг. — Или отважный рыцарь на самом быстром в королевстве скакуне.

Ками исподлобья смотрела на сестру. Отказывать не хотелось — Рика надуется еще больше и будет дразниться, но и нарушать запрет чревато — Мортид человек суровый и строгий, узнает — мало не покажется.

— Ну, что? — подзадоривала старшая сестра. — Струсил что ли, отважный рыцарь?

— Ничего не струсил, — пробубнила Ками и неохотно полезла в седло.

— В атаку!

Рика не стала дожидаться сестру и с места рванула в сторону камней. Ками устроилась в седле и осторожно прищипывала лошадку, двигаясь следом. Девочки никогда не упускали шанс посоревноваться. Зачинщицей почти всегда была Рика, Ками же, хоть и неохотно принимала вызов, но очень быстро входила в азарт и не за что не хотела уступить сестре. Вот и сейчас, видя, что соперница оторвалась на приличное расстояние, а до камней осталось всего ничего, Ками все больше подгоняла лошадь, пока та не пошла галопом.

Рика услышала хруст гальки под копытами совсем близко, а камни вот они, рукой подать. Нужно поднажать. Здесь она проиграть не может. Уж в физических соревнованиях Рика почти никогда не уступала, потому как была сильнее, ловчее и выносливее.

Ноги уже двигались сами собой, подгоняемые мыслью о победе. Быстрее, быстрее. Храп лошади чуть не над самым ухом. До импровизированной базы монстров оставалось метров десять. Но вдруг левая нога Рики потеряла опору. Ступив на скользкий камень, девочка полетела куда-то в сторону и вперед. Ободрать руки и колени о камни и гальку не так страшно. Самое ужасное — девочка падала прямо под копыта.

Послышалось шуршание гальки, истошное ржание лошади, что-то прокричала Ками. Рика в ужасе зажмурилась, не в силах пошевелиться. Но вдруг все затихло. Снова только плеск волн и крики чаек. Через минуту Рика осторожно приподняла голову и осмотрелась. Ряска недовольно прогарцевала полукругом и подошла к лежащей на камнях Ками, виновато ткнув ее мордой в плечо. Девочка не шевелилась, лишь тихонько постанывала. Рика рывком поднялась с земли и побежала к сестре.

— Ками, ты как? Не расшиблась?

— Я... — слабо ответила Ками и со слезами в глазах посмотрела на Рику.

Внешне вроде все было не очень плохо. Разодранные руки, ссадина на подбородке — все это ерунда. Почему же в глазах сестры столько страха?

— Ну, ты что? — нежно проговорила Рика, протягивая руку. — Испугалась, дуреха. Давай помогу встать, нужно пойти, промыть ссадины.

Но Ками не пошевелилась, слезы потекли по ее щекам, она разомкнула слипшиеся губы и все так же тихо сказала:

— Рика... Я не могу встать.

— Ну так, говорю же, давай помогу.

— Нет, я... я не чувствую ног.

Рика несколько секунд не могла осознать, что сказала сестра, затем в ее глазах тоже появился ужас. Девочка стала медленно, спиной, отходить от Ками.

— Я... я за помощью, — срывающимся голосом заговорила она. — Лежи, не двигайся.

— Рика, нет, — прошептала младшая сестра, сдерживая рыдания. — Не оставляй меня...

— Я мигом. Ты только не двигайся.

— Сестренка, пожалуйста...

Но Рика уже со всех ног неслась к дому. Никогда ей еще не было так страшно. Происходящее казалось не реальным — дурным сном. Девочка мало, что понимала. Не соображала, что говорит слугам, а потом отцу. Не осознавала себя в поднявшейся суматохе. Помнила только страх в глазах окружающих и холодную пустоту в груди.

Вечером приехал доктор. Они с отцом пошли в комнату Ками и не выходили оттуда вот уже два часа.

В доме воцарилась зловещая тишина. Пустые коридоры, оранжевые блики заходящего солнца и мерный стук часов. Рика стояла в холе у лестницы и неотрывно смотрела на портрет своей прабабушки. Цельсия Рай-Лин. Для Рики она была словно богиня: красивая властная, волевая. Портрет это хорошо передавал. Девочка не знала, какой прабабушка была при жизни, отец не слишком охотно рассказывал о ней. И потому, Рика, очарованная, внешним видом предка, сама придумала себе героя. И в любой сложной ситуации молилась прабабушке словно святыне.

Но сейчас взгляд с портрета не обещал облегчения, не обещал помощи. Глаза смотрели строго и осуждающе. Рика знала, прощения ей не будет и жизнь уже никогда не станет прежней.

Цельсия и сама не заметила, как задремала под мерное покачивание фургона. Последние дни были напряженными. Со времен Обетованной суматоха в жизни шпионки не прекращалась ни на минуту. И, видимо, это напряжение перекечвало в нервное состояние. Главным его признаком были сны.

Цельсия приложила лоб к холодному стеклу окна. Когда она последний раз

просыпалась не в разбитом состоянии, полном мрачных мыслей и плохого предчувствия? А сны и размышления о прошлом всегда вызывали такой эффект. Травма Ками по ее вине, скорая смерть отца от туберкулеза, долги. В то время только Мортид от них не отвернулся. Старый, верный Морти... Сейчас и его уже нет в живых. Страшно подумать, как бы все обернулось, сложись судьба Цельсии по-другому. Став шпионкой, она смогла спасти от продажи последнее имущество — фамильный дом у моря. Смогла оплачивать содержание и ремонт, прислугу, врачей. Много смогла, не смогла только вернуться. Посмотреть сестре в глаза. Она безумно скучала по ней, но боялась встречи. После травмы, они толком и не общались, а когда умер отец, Цельсия вовсе покинула дом и больше не видела Ками.

Это были тяжелые воспоминания. Конечно, странный алхимик прав — эту пропасть Цельсия создала сама. Но так много времени прошло. Что будет, если она сейчас вернется? Как посмотрит на нее сестра?

Шпионка оторвала голову от стекла и посмотрела в окно. Подъезжали к городу.

Каменные дома, большинство в несколько этажей, башенки, маленькие фабрики, мастерские, причудливые магазины. Многие города Инамии были промышленными, но, не смотря на это, выглядели они, по большей части, не как заводской цех со всеми своими трубами, механизмами, скрипами, лязгами, маслянистым чадом, как это было заведено в промышленных центрах Адэ и Верисии. Нет, в Инамии с незапамятных времен, считалось что любое людское поселение должно приносить радость. Поэтому в городах, в большом количестве, цвели парки, насколько позволял климат, конечно. Дома и улицы регулярно мылись специальной техникой. Фабрики и заводы, которые по роду своей деятельности не могли не портить экологию, выносились далеко за черту городов.

И пусть многим не нравились инамийцы за их безэмоциональность, чопорность и фанатичное следование правилам, что, впрочем, было несколько надуманно и отражало скорее отношение жителей Инамии к иностранцам, но города «страны севера» никого не оставляли равнодушными своей замысловатой и необычной красотой. Сложные технологические механизмы, заменили здесь магию и подарили жителям удобство и комфорт. Эстетика архитектуры — своеобразное смешение металла, камня и дерева, обилие мелких деталей, сочетание стилей разных эпох и уют.

Цельсия с удовольствием потянулась, наконец-то можно будет немножко отдохнуть, снять дорогой номер, принять ванну или сходить в купальню, затем в ресторан. Эх...

Но фургон, огибающий город окраинными улицами и не думал останавливаться. Женщина недовольно потянулась к окошку, отделяющему ее от кучера.

— В чем дело? Давай остановимся, поздно уже, утром поедем.

— Приказ, госпожа, — не оборачиваясь, ответил извозчик. — Всех, оказавшихся рядом агентов, доставить срочно.

Цельсия задумчиво опустила обратно на сиденье. Странно это все.

Пять дней назад ей так и не удалось выйти на след группы перехватившей Камень страданий, поэтому девушка приняла решение возвращаться в особняк Канора — единственную известную Цельсии базу организации. На почтовой станции, в паре десятков километров от Сторна, взяла дилижанс с несговорчивым бородатым кучером. Мужичок был не простой — один из нанятых организацией наемников, не посвященных в ее дела. Нужны были такие люди для выполнения мелких поручений, чтобы не привлекать внимание посторонних, например, когда нужен был номер в гостинице, срочная медицинская помощь или, как сейчас — перевозка. Спрашивать возницу о том, что происходит, бесполезно — сам

ничего не знает. Однако и так было понятно одно — что-то значимое случилось, похоже план организации вступал в завершающий этап.

Цельсию привлекло движение на улице. Какое-то время за дилижансом бежал мальчишка, продающий газеты. Девушка открыла окно.

— Отстань, — прогремел грубый голос извозчика. — Не надо нам!

— Госпожа! — оживился паренек, увидевший, появившуюся в окне Цельсию. — Купите газету. Свежие новости Инамии!

— Давай, — лениво махнула рукой шпионка. Взяла газету и кинула продавцу монетку. Мальчик поклонился и тут же убежал по делам. Цельсия, конечно же узнала паренька, за долгое время нахождения в этой области, она обзавелась маленькой агентурной сетью.

— Хочу посмотреть, что нового случилось, пока меня не было, — весело сказала девушка, хмуро смотрящему вознице.

— Да, че у нас нового, — буркнул тот. — Все, как всегда.

Цельсия спряталась в кабину спешно стала распаковывать газету. Из нее вывалился маленький листок. На нем короткая записка: «Ты больше не нужна. Уходи».

Девушка смяла записку и приложила ее к губам. Плохо. Предупреждение от кого-то из дружественных агентов было однозначно — ее двойную игру раскрыли. Убивать, похоже, не собирались, по крайней мере, пока. Везли на базу, видимо, хотят допросить. О чем? Или о ком? Наверняка о Лексе.

Цельсия хмуро посмотрела в окно. Дилижанс выезжал из города. Надо решать, что делать. Шпионка, как всегда, выбрала рискнуть. Она достала из кармана два камня: один — круглый зеленый, другой — розовый, в форме подковы. Провела рукой по полукруглому артефакту и убрала его назад, в карман. Над зеленым стала долго колдовать, нашептывая разные формулы, если бы в кабине был алхимик, он бы увидел, как десятки золотых нитей тянутся от камня ко лбу волшебницы. Нити переплетались, завивались в спираль, пока не соединились в один плотный пучок. Только после этого Цельсия открыла глаза, взяла артефакт в руки, намереваясь тоже убрать в карман, но в этот момент карета остановилась.

Девушка выглянула в окно. Так, слева — ничего, а справа, на лесной опушке, полукругом выстроилось пятеро наемников, главаря, стоящего в центре, Цельсия знала, видела в особняке.

Шпионка на мгновение задумалась, затем быстро спрятала зеленый камень под скамейкой и пошла наружу.

— Мальчики, вас подвести? — томным голосом начала она.

— Что вы?! — безуспешно, копируя тон Цельсии, ответил главарь. — Это мы имеем честь, вас сопроводить.

— О-о, — наивно пропела шпионка, внимательнее разглядывая наемников. — В смысле, дальше — я с вами?

Двое — волшебники, причем с заряженными боевыми заклинаниями. Один, самый юный, с неестественно синими глазами, несомненно — алхимик. Юноша подошел к главарю и что-то прошептал на ухо, видимо заметил магический след, тянущийся от Цельсии к фургону. Шпионка, не давая обстановке накалиться, тут же проговорила:

— Ладно, мальчики, у меня там, — она махнула рукой на дилижанс, — багаж. Поможете? Только, осторожнее, на нем защита.

Видно было, как наемники несколько расслабились. Один из мужчин показушной, вальяжной походкой направился к Цельсии.

— О, надо думать, самый сильный?

Шпионка обворожительно посмотрела на наемника, положив руку ему на грудь. Когда мужчина самодовольно усмехнулся, Цельсия ребром ладони ударила его в шею, а затем — ногой в пах. Не теряя времени, побежала за карету, но, сделав пару шагов, остановилась и резко обернулась. В руках у нее сиял розовый камень. Рой парализующих игл растворился в нескольких метрах от шпионки. Та же участь постигла и магическую сеть, пущенную следом. Артефакт стал нестерпимо горячим, Цельсия, поморщившись, бросила его в снег и скрылась за дилижансом. За спиной послышались крики:

— Че встали? За ней! А вы готовьте защитные заклинания!

Отбежав от дилижанса метров тридцать, Цельсия остановилась и развернулась. Успела заметить испуганное лицо извозчика, который полез прятаться под повозку. «Не поможет», — лениво подумала девушка и выставила перед собой руку.

Из-за дилижанса выбежали наемники, сначала командир, следом алхимик. Цельсия послала магический импульс. Один из волшебников неправильно оценил ситуацию и накрыл алхимика оболочкой, второй маг не поспевал. Но Цельсия не атаковала нападающих, даже не целила в них. Поток измененной энергии звезд, серебряными струнами протянулся к повозке. Наемники на секунду растерявшись, остановились. Алхимик своим зрением видел магический импульс, но объяснить происходящее не мог. Внутри дилижанса растеклось изумрудное свечение, поднялась вибрация. Энергия, накопленная в артефакте, который Цельсия оставила под скамейкой, сдетонировала от простенького заклинания шпионки. Взрыв был такой силы, что части дилижанса раскидало по всей поляне. Волшебник, главарь и еще один солдат, погибли на месте. Алхимик лежал в лужи крови и постанывал, даже не пытаясь подняться. Второго волшебника, поскольку он стоял дальше, просто контузило. Маг бестолково протягивал руки, пытаясь создать заклинание. Цельсия прошептала формулу, сделала два паса руками, и волшебника сшибла с ног шаровая молния. Шпионка подошла к алхимику, схватила его за грудки и строго спросила:

— Куда вы должны были меня отвезти?

— Не... знаю... — простонал юноша.

— Я могу сделать так, что твои мученья продлятся очень долго, — сладко пообещала Цельсия.

— На север, — выдавил из себя алхимик.

— Куда?!

— В Ринт... дальше — не знаю...

В руках Целисии сверкнул кинжал. Юноша резко вздохнул и через мгновение глаза его стали стеклянными.

Шпионка оттерла об одежду убитого кинжал, убрала оружие за голенище и медленно поднялась, задумчиво глядя вдаль. Что ж на север, так на север. В Ринт.

— Навевает воспоминания.

Лекс оторвался от блокнота и удивленно посмотрел на Эмилию. Девушка положила голову на ладонь и мечтательно смотрела в окно поезда. После встречи в деревеньке Мита, они отправились в Атиа-Мин. Решение было принято, несмотря на риск быть пойманными. Время играло против Лекса. Он рассчитывал, что из-за всей этой суматохи с Камнем страданий, его преследование отойдет на второй план. И так уже организация наделала шумихи в Адэ. Что же касается Эмилии, ее вообще, вряд ли кто-то будет искать, по крайней

мере, пока. Лекс хотел посадить графиню на поезд до Мисурии, но та наотрез отказалась, сказав, что пойдет с ним дальше, пока не разберется со всей этой историей. Девушка неожиданно проявила, несвойственное ей, мрачное упорство, и Лекс сдался, взял ее с собой.

Алхимик посмотрел по сторонам, взглянул в окно и тут до него дошло: Эмилия говорит о времени, когда они познакомились. Поездка на поезде со станции Рапана. Действительно, вагон выглядел так же, хотя они почти все однотипны, юноша и девушка заняли примерно те же места, и пейзаж за окном был очень похож, особенно, если убрать снег.

— Да, — улыбаясь, ответил Лекс. — Только, надеюсь, с поезда прыгать в этот раз не придется.

— Угу, — Эмилия вернула улыбку.

Лекс внимательнее присмотрелся к девушке. На протяжении двух дней после их встречи, она почти не разговаривала, была уныла и задумчива. События последних недель сильно на нее повлияли. Эмилия кратко рассказала обо всем, что с ней случилось. О хитрости Сельтуса, о встрече с сумеречными, о том, что учитель отправился к Атонским горам, искать убежище организации, о их нелегком путешествии с Эркатой. После рассказа девушка замкнулась и больше почти никаких разговоров не начинала. Лекс не настаивал. Так было до настоящего момента. Сейчас Эмилия напоминала себя прежнюю: немножко наивную, романтически настроенную, любопытную, открытую девушку. Только глаза очень грустные.

Эмилия заметила взгляд Лекса, и алхимик, смущенно почесав пальцем щеку, отвернулся к окну.

— Эм, знаешь, — через минуту заговорил он. — Я все хотел спросить, но как-то... Эрката... мм... — алхимик повернулся к Эмилии, но взгляд его все равно бегал. — Перед смертью она сказала... назвала свое имя?

— Да, — тихо ответила графиня. — Лина.

— Лина, — прошептал Лекс и снова уставился в окно.

Теперь уже Эмилия принялась рассматривать алхимика. Лицо его, вроде бы, ничего не выражало. Девушка вдруг вспомнила рассказы о Лексе Риона, Альта и Эркаты. Что скрывает эта легкая улыбка и задумчивый взгляд? Что он чувствует? Может, ничего...

— Лекс, — неожиданно сказала Эмилия. — Кем для тебя была Эрката?

— Мм, кем?

Поезд стал с противным визгом тормозить. «Станция Ришира», — неразборчиво объявил динамик.

— Ладно, — вздохнула Эмилия, вдруг передумав услышать ответ. — Выходим? — вставая с места, спросила она и направилась к выходу. Лекс кивнул и пошел следом.

Поскольку на станцию прибыли утром, задерживаться не стали, позавтракали и отправились в путь. Прямых поездов до Сторна не было — какие-то неполадки на путях. Услугами почтовых станций тоже решили не пользоваться. Хватит испытывать удачу, тем более под носом у врага. Пошли пешком.

Лекс с беспокойством, украдкой, поглядывал на Эмилию. Девушка по-прежнему была молчалива, правда, в глазах появился живой огонек. Некоторые люди, пережив травмирующую ситуацию, никогда уже не смогут оправиться и, в худшем случае — изменятся навсегда, забьются в панцирь, в лучшем — не найдут в себе сил приблизиться к источнику травмы. Другим нужно время, чтобы забыть и оправиться. Эмилия, несомненно, относилась ко вторым. Пока алхимик думал над этим, девушка вдруг сказала:

— Эм, Лекс, а сколько нам идти до Сторна?

— Дня два, если нигде не задержимся, — растерянно ответил юноша, не понимая, к чему ведет Эмилия.

— А до того места, которое указала тебе твоя шпионка?

Лекс тоже рассказал графине о результатах своих приключений, умолчав, правда, о случившемся в верхних кварталах Мисурии и, не сильно углубляясь в свои собственные выводы по поводу целей организации и способов их достижения.

— Не знаю, это я планирую выяснить в городе. Но полагаю, плюс-минус, столько же, — алхимик остановился и внимательно посмотрел на девушку, призывая, говорить дальше.

— Просто я подумала, может быть, в свободное время, на привалах, например, ты будешь обучать меня драться? — Эмилия потерла пальцем висок, скосив взгляд в сторону и вверх.

— Драться? — изумился Лекс.

— Ну, да. Я понимаю, мое основное оружие — магия. Но для нее нужно время и... дистанция. А ждать нас может всякое. Вот я и подумала, неплохо было бы научиться защищать себя в разных ситуациях. Меня, конечно, учили основам фехтования и некоторым приемам ближнего боя. Но это было давно и занятия те малопригодны к использованию в жизни. А твоя техника не раз показывала свою эффективность...

— Ах, вот оно что, — Лекс слегка расслабился и возобновил путь. — Понимаешь, проблема в том, что моя техника фехтования требует длительной предварительной подготовки, да и, строго говоря, мой уровень владения ей, оставляет желать лучшего.

— Ты учился ей в Альдире?

— Да, — Лекс удивленно обернулся.

— Эрката рассказывала мне, — пояснила Эмилия.

— А-а, ну да, мы познакомились с ней, когда я ехал встретиться с мастером.

— Он умер?

— Его убили, — кивнул Лекс. Лицо опять ничего не выражало, сложно было понять, что он чувствует. Трогают ли его несчастья, случившиеся с близкими ему людьми. Считает ли он вообще кого-то близким человеком? — Амон-ри — сложная техника, требующая системы.

— Амон-ри, — мечтательно протянула Эмилии. — Танец ласточки, кажется. Красиво...

— Угу.

— Как насчет интенсивного курса. Я старательная ученица — схватываю на лету!

— Хм, — невесело усмехнулся алхимик. — Ты сейчас как раз говоришь с жертвой интенсивного курса. Нет, Эми, боюсь, не выйдет. Это требует много сил и времени. К тому же, я и сам не овладел толком техникой. Как я могу учить?

Минуту шли молча. Эмилия опять приуныла. Лексу было жаль, что ее первый за долгое время эмоциональный порыв так быстро угас, и он, немного подумав, сказал:

— Амон-ри я тебя, конечно, не обучу. Но некоторым приемам... — алхимик немного сбился, столкнувшись с восхищенным взглядом Эмилии. — Пару советов могу дать, — еле слышно закончил он.

— Отлично, то, что надо! — Эмилия по-мальчишески махнула кулаком.

Солнце, завершая свой по-зимнему короткий путь по небосводу, окрасилось в оранжевый цвет и потихоньку клонилось к горизонту, делая окружающий пейзаж таинственным и даже зловещим. Могучие ели, вековые валуны, цепкий, колючий кустарник,

унылые белые просторы — все казалось чужим миром. Лекс вспомнил, как когда-то десять лет назад, он пробивался сквозь эту суровую, дикую природу к центральной части Инамии, более дружелюбную к путникам, не только благодаря климату помягче, но и развитой инфраструктуре со всевозможными благами цивилизации.

Погруженный в свои мысли, Лекс не сразу заметил отсутствие звука шагов за спиной. Он обернулся. Эмилия стояла на месте со смесью страха и удивления на лице, взор ее был направлен куда-то вверх.

— Лекс... — только и смогла сказать она.

Алхимик проследил за взглядом девушки. На вечернем, темно-синем небе, по-прежнему сияла печать Ааса, только вот ее всегдашние нежно белые и голубые линии, были испещрены зловещими красными точками. Большие, маленькие, светлые, темные, насыщенные и еле заметные — их было около полусотни.

— Проклятье, — одними губами произнес Лекс.

Рейдберг — городок в сотне километрах от Скиты. Станный, несуразный и немислимый. Город контрастов. Как будто два мира соединили в одном месте и бросили бесформенной кучей.

Когда-то, когда Вольные земли только получили независимость, Рейдберг был маленьким промышленным городом. Здесь занимались нефтепереработкой для изготовления красок и лаков. Рассвет промышленности пришелся на то время, когда в Адэ и Инамии был совершён значительный прорыв в машинном производстве. Полет научной мысли привел к созданию новых видов транспорта, заводских станков и многого другого. А для функционирования всей этой чудо техники были как раз необходимы производные от нефти. И области, занимающиеся ее добычей и переработкой стали, значительно расти и развиваться.

Но рассвет Рейдберга длился недолго. С городом произошло самое плохое, что может случиться в период благоприятный для развития экономики. Он не выдержал конкуренции. Случилось это, в основном из-за отсутствия централизованной власти, скудного опыта в ведении дел и недостаточного количества деловых связей. В общем, город, только-только, расправив плечи, снова вернулся в свое скудное плачевное состояние. И так продолжалось, пока не начался второй этап развития транспорта — активное строительство железных дорог. Многие предприимчивые люди, увидев, как развивается Скита, расположенная на перепутье трех основных направлений, решили вложиться в Рейдберг. А что? Расположенный не так далеко от торговой столицы, он имел все шансы повторить ее успех.

Не вышло. И тут уже сложно сказать почему. То ли желающих главенствовать было много, то ли из-за происков недоброжелателей, которые не хотели, чтобы деньги шли мимо Скиты, то ли безграмотное руководство. Но вероятнее всего, статус двух торговых столиц на таком малом пяточке земли, просто невозможен. И победил тот, кто оказался опытнее, хитрее, выносливее.

Рейдберг же в те времена и обрел тот нелепый внешний вид, которым располагал и по сей день. Дорогие, помпезные районы, полные увядающей, пошлой роскоши, соседствовали с трущобами, населенными крысами, еле сводящими концы с концами, работягами и бездомными, кто есть кто, разобрать порой было невозможно. А еще в малообеспеченных районах господствовала преступность.

Лекс ни за что не остановился бы в этом городке без веских причин. А они, к сожалению, были. Через несколько месяцев после расставания с учителем с юным алхимиком стали происходить странные вещи. Все началось с повышенной рассеянности и сонливости. Иногда подводило зрение алхимика, предметы и их свойства сливались, путались, а иногда вообще, представлялись не тем, чем были. Позже добавились головные боли, слуховые галлюцинации. Лексу мерещился шепот, едва уловимый, на краю сознания. Стали мучать кошмары, их содержание после пробуждения, алхимик вспомнить не мог, сколько бы ни мучился.

Он планировал добраться до Скиты, оттуда поездом — до Паталы. Целью его путешествия было озеро Бимарк, Лекс хотел исследовать некоторые виды минералов и водорослей, встречающихся только там. Но пару дней назад мальчик понял, что долго в таком состоянии не протянет, нужно искать помощи. Ближайшим городом оказался

Рейдберг, туда Лекс и отправился.

Добрался поздним вечером. Тут случилась другая неприятность. Доктора в такое время искать было глупо, и Лекс решил снять номер в гостинице. О дорогих районах и речи быть не могло, накоплений алхимика едва хватало на транспортные расходы, да и доктору нужно было платить. Даже самый скромный номер в богатом районе Лексу было не потянуть, и потому решено было искать пристанище на ночь в трущобах. Да вот беда, ни на грязных, засаленных домах, ни на узких улочках, покрытых чем-то скользким и дурнопахнущим, не было никаких обозначений. Приходилось искать вслепую, заглядывая в похожие на постоянные дворы, дома. Но каждый раз его встречали злые, молчаливые взгляды, давая понять, что он здесь чужой. Лекс решил не испытывать больше судьбу и сменил тактику. Он отправился искать наиболее людное место и там поспрашивать местных обывателей.

Сквозь грязь, груды хлама (или спящих на улице людей), весело поддразнивающих женщин в откровенной одежде, Лекс пробрался к чему-то, отдаленно напоминающему торговую площадь. Немногочисленные латки и палатки были уже пусты, да и людей на рынке не осталось. Юноша заметил в темноте какое-то копошение — видимо запоздавший торговец убирал товар. Лексу становилось все хуже, бродить по вонючим улицам не было больше сил, и он решил попытать удачу здесь. Юноша неслышно подошел к торговцу и неуверенно позвал:

— Эм, простите.

Мужчина вздрогнул, будто не шепот услышал, а грохот грома, затравленно посмотрел по сторонам, а затем недовольно уставился на Лекса, и грубо сказал:

— Чего тебе?

— Не подскажите ли, где я могу найти гостиницу?

— Гостиницу? — торговец недовольно осмотрел юношу с ног до головы. — Больной, что ли? Какая гостиница, не видишь, где находишься?

— Ну, может, место, где можно переночевать. Видите ли, у меня некоторые затруднения с деньгами.

— Затруднения? — усмехнулся собеседник, возвращаясь к своей работе. — Если не заметил, тут у всех «затруднения» с деньгами.

— Шел бы ты парень отсюда, подобру-поздорову, — продолжил мужчина, заметив, что мальчик так и остался стоять за спиной. — Пока проблем себе на голову не накликал.

В этот момент на площади появились люди, человек пятнадцать. Развязной походкой они разбрелись по сторонам. А кучка из пяти человек направилась к палатке припозднившегося торговца.

— Фу, черт, сглазил, — досадливо обронил мужчина, устало уперев ладони в лавку.

— Смотрите-ка, Плешивый Гед обзавелся дружкой, — неприятным голосом протянул парень лет двадцати пяти, с жиденькими, зачесанными назад волосами и противным оскалом на лице. — Познакомишь нас?

— Сам едва знаком, — неприветливо буркнул торговец.

— О-о, — неоднозначно протянул собеседник, он, видимо, являлся главарем. — Ну, мы и не для того пришли. Деньги, — закончил он резко изменившимся тоном и холодно посмотрел на торговца.

Мужчина, чуть замешкавшись, полез под прилавок, достал худенький мешочек и положил перед главарем. Тот кивнул одному из своих шестерок. Долговязый, совсем еще юный, года на два старше Лекса, парень кинулся выполнять. Пересчитал деньги и противно,

явно копируя манеру речи главаря сказал:

— Че-то маловато. Слышь, Игла, мало. Половины не будет.

Предводитель банды сурово посмотрел на торговца, призывая к ответу. Тот нервно протер лоб и с раздражением сказал:

— Слушай, Игла, ну нет у меня больше. Торговля никакая, себе в убыток. Я потом остальное верну.

— Ох, Гед, — покачал головой главарь. — Ты ведь меня перед ребятами подставляешь. Это уже второй раз за неделю. Я как будто клянчить хожу. Хотя ты мне должен.

— Я не занимал, — еле слышно ответил торговец.

— Что? — глаза Иглы сощурились, тонкие губы изогнулись в хищном оскале.

— Я верну, — смиренно продолжил Гед.

— С процентами?

— С процентами.

Главарь протянул торговцу руку, тот не сразу понял, что от него требуется, но через несколько секунд робко ответил на рукопожатие. В этот момент Игла грубо схватил Геда за руку, прижал ее к стойке и со всего размаху вонзил в ладонь трехгранный стилет. Торговец взвыл нечеловеческим голосом. Но главарю разбойников этого показалось мало, он начал прокручивать лезвие в ране. Гед скулил и извивался, пытаясь избавиться от мучения, но сделать ничего не мог — хватка была сильна, а боль лишала воли. Так, под общий гогот своих шестерок, Игла продолжал издеваться над жертвой, пока, всеми забытый Лекс, не сказал:

— Зачем?

Сказал и тут же пожалел об этом, понадеявшись, что в общей суматохе его не услышали, но Игла тут же прекратил свои изувержения и холодно посмотрел на паренька.

— Что, зачем? — по буквам произнес он.

Лекс вздохнул, но он знал, что теперь молчать уже нельзя, отряд бандитов это еще больше раззадорит и разозлит.

— Зачем ты это делаешь?

— Этот парень должен мне денег, — улыбаясь так, будто затеял шалость, ответил Игла.

— И как это поможет вернуть их? — Лекс кивнул на окровавленную руку торговца.

— О, а мальчик не глуп! — издевательски воскликнул главарь, шайка тихонько рассмеялась. — И, что же мне делать? — Игла выдернул стилет из руки торговца, рывком сместился к Лексу и схватил его левой рукой за ворот куртки. — Или, может, ты сам хочешь заплатить за своего дружка?

— Нет, — ровно ответил Лекс, пытаясь не отвлекаться на все возрастающий шум в голове. — С финансами, это не ко мне, я и сам...

— А это, что у нас? — перебил главарь, поддевая стилетом значок синей птички на нагрудном кармане Лекса. — О, наш малыш, оказывается — алхимик! Слышал я, ваш брат легко справляется с изготовлением микстурок, которые, так сказать, повышают настроение.

— У вас, вроде как, — неуверенно сказал Лекс, — и так настроение не плохое.

Игла злобно рассмеялся, и хрипло сказал:

— Не дерзи малыш. А то может плохо закончиться, — он покрутил перед лицом собеседника окровавленным стилетом, затем отпустил Лекса и громко сказал, обращаясь к своей банде:

— Ну, что, как думаете, поработает на нас мальчишка?

Раздалились недружные слова одобрения. Лекс затравленно огляделся, на этот раз, похоже, он влип серьезно. Еще и все нарастающий гул в голове, да пробивающийся сквозь него шепот, мешали сосредоточиться. Но тут алхимику пришла идея, он виновато посмотрел на главаря и неуверенно произнес:

— Подождите, я вам кое-что покажу и вы, может, сами решите, что я вам не подхожу.

— Что такое? — нахмурился Игла, наблюдая, как рука Лекса тянется за пазуху.

Алхимик вынул из кармана прозрачную пробирку, неожиданно, резко оттолкнул от себя главаря и швырнул колбу в сторону бандитов. Слякянка разбилась о землю, из нее с шипением вырвался дурнопахнущий газ. При помощи этого средства Лекс отгонял хищников, но и тут оно показало свою эффективность. Почти все члены банды, согнувшись пополам, закашлялись, оттирая глаза руками.

Лекс же, не раз испытывающий на себе действие газа, задержал дыхание и, не обращая внимание на слезящиеся глаза, рванул в сторону ближайшего переулка. Дорогу ему тут же перегородил верзила с раскрасневшимся лицом, он бестолково попытался схватить алхимика, широко взмахнув рукой. Лекс без труда увернулся, ударив противника ногой в бок, громила повалился на рядом стоящие прилавки. На следующего бандита, стоявшего в отдалении от основной группы, газ не сильно подействовал, лицо его выглядело осмысленнее, хоть и было слегка шокированным. Этим Лекс и воспользовался, обманым рывком обманул противника, пнул его ногой в коленную чашечку и оттолкнул руками в сторону. Спасительный переулок был совсем близко, а там — смешаться толпой и покинуть этот чертов город, переночевать в лесу и поискать удачи на следующий день или, если станет полегче, отправиться в Скиту. Шаги позади становились все ближе, видимо бандиты отошли от дыма, но ничего — в узком пространстве у юркого алхимика будет преимущество. Только Лекс нырнул в переулок, как на него из темноты бросилась фигура. Юноша сумел различить черные глаза, бледное, как у мертвеца лицо, со звериным оскалом и треугольные, как у пилы, зубы. Лекс дернулся назад, врезался во что-то, его тут же схватили, развернули. Удар в живот лишил дыхания, в глазах потемнело. Юного алхимика вытащили назад, на площадь, окружили, стали бить, но Лекс почти не замечал ударов, весь мир поглотила страшная головная боль и шепот — можно было даже некоторые слова разобрать: «я», «иди» и «едины».

— Стоять! — послышался властный голос Иглы. — Не убейте его!

Алхимика подняли за локти с земли, поставили на колени, перед ним тут же возникло ухмыляющееся лицо предводителя шайки.

— Ай-яй-яй, — издевательски пропел он. — Вот всегда с вами, с молодежью так. Я с тобой по-хорошему, работу предложил, а ты... — видимо, отеческое поведение было стилем Иглы, выглядело это несколько нелепо, учитывая его возраст.

— Это не слишком было похоже на предложение, — проговорил, отплевываясь кровью, Лекс.

— Много ты понимаешь, — главарь поднял голову юноши за волосы, лицо алхимика было перемазано кровью. — Будешь работать на меня, делать дурь, — голос Иглы снова утратил былую мягкость, стал холодным, как сталь. — Пока не заплатишь за моральный ущерб, принесенный моим парням, а они, знаешь ли, очень чувствительные натуры, так что придется работать много, — главарь отпустил волосы Лекса и встал, намереваясь уйти, но его остановил голос алхимика:

— Я не смогу, — прохрипел он.

— Мы научим, от тебя требуется только способность твоих глаз.

— Не... не в этом дело, — Лекс покрутил головой, боль становилась все сильнее. — Кодекс...

— Кодекс? — Игла обвел насмешливым взглядом своих товарищей, послышались смешки. — И, как же нам противоречит твой кодекс?

— Один из первых его пунктов — не связываться с людьми, — Лекс с трудом поднял голову, — от которых за километр смердит дерьмом.

Лицо главаря вмиг стало холодным и непроницаемым. Последнее, что увидел Лекс — короткий взмах его ноги. А дальше лишь — спасительное беспамятство.

За сутки прошли большую часть пути, и это при том, что приходилось преодолевать снежные заносы. Шли без приключений и особых трудностей, с холодом и хищниками помогали справиться магия и алхимия. Демонов на пути пока не встречалось. Эмилия потратила пару часов, чтобы вычислить места появления швов по точкам на печати Ааса. Выходило, что в Инамии открылось одиннадцать швов. Точное их местоположение Эмилии выяснить не удалось, но девушка вычислила, что в радиусе, примерно, двухсот километров, находится один разрыв.

Интересно было, что за два дня новых точек на печати не появлялось. Зато исчезли три огонька, это означало, что власти стран начали действовать.

Причиной появления такого количества швов, безусловно являлась деятельность организации, тут и думать было нечего. Не понятно было только, что такого они сотворили. Эмилия попробовала обсудить с Лексом возможные варианты, но поскольку, ни у алхимика, ни у самой графини никаких предположений не было, тему быстро замяли, решив, что лучшее из того, что они могут сделать — побыстрее добраться до Сторна, а там выяснить местоположение таинственного особняка Канора.

На привалах, после небольшого отдыха, Лекс, как и обещал, обучал Эмилию некоторым приемам ближнего боя, с оружием и без него. Преодолев к полудню большое снежное поле, путники поднялись на пологий холм у леса и решили устроить здесь привал, чтобы отдохнуть и подкрепиться. Эмилия, как всегда, при помощи ветра, расчистила полянку, Лекс развел огонь и готовил суп. Быстро в тишине перекусили, и когда алхимик допил свой излюбленный чай, Эмилия бодро вскочила и сказала:

— Ну что, начинаем?

Лекс кивнул, протер чашку снегом, убрал ее в рюкзак и вышел на середину поляны, встав напротив Эмилии.

— С оружием? — девушка достала из-за пояса кинжал. — Или без?

— Нет, давай — без, — покачал головой Лекс. — Научу тебя сегодня одному приему, который мне в свое время показала Эрката.

— О! — удивилась Эмилия, поспешно убирая оружие в ножны. — Хорошо! Что я должна делать?

— Подойди ко мне. В ближнем бою не всегда что-то решает сила. Зачастую, гораздо важнее — ловкость, находчивость и — ты удивишься — некоторые анатомические знания. У сумеречных это одно из основополагающих правил боя, поэтому любой знает: подходить к сумеречному вплотную — смерть. Возьми меня за грудки.

Эмилия, увлеченно слушавшая Лекса, беспрестанно кивая, не сразу поняла, что от нее требуется. После некоторого замешательства, она подошла к алхимику вплотную и схватила

за ворот пальто.

— Нет, — поправил Лекс. — Одной рукой, во второй у тебя, как будто оружие, позже попробуем с двумя руками. Ага, так. Человек, когда встречается с внешне более слабым противником, подсознательно начинает делать ставку на свое превосходство в силе. Особенно это заметно по поведению мужчин, столкнувшихся с противником-женщиной. Они сразу стараются занять доминирующее положение, используя грубую силу: схватить за волосы, шею или, как сейчас, за грудки. Представь себе — ты в роли мужчины.

Эмилия смешно сдвинула брови и срывающимся, низким голосом сказала:

— Поняла. То есть — понял.

— Хе-хе, нет достаточно будет просто представить.

— О, — смутилась девушка, переходя на свой обычный голос. — Извини. Так, что дальше?

— Жертве. То есть — мне. Нужно, как можно быстрее вырваться из ловушки, иначе положение может стать безвыходным. И тут может быть несколько вариантов. Начнем с самого простого — оттолкнуть противника. Но сначала нужно избавиться от захвата. Для этого берем соперника за запястье здесь, большим пальцем надавливая сюда, выворачиваем руку в эту сторону, одновременно, сдавливая пальцем это место...

— Ай-ай-ай, — слабо запротестовала Эмилия.

— Ой прости, больно?

— Нет, это ты извини, просто не ожидала. Странная слабость в руке...

— Ага, — кивнул Лекс. — В этом и трюк! Каким бы сильным не был противник, ты сможешь высвободиться от захвата, используя этот прием. Тут главное, чтобы хватило длинны пальцев обхватить запястье.

— Угу, поняла. А дальше что? Ломаем руку?

— Нет, — улыбнулся Лекс. — Поднимаем ее выше и, либо плечом, либо ладонью другой руки бьем сюда, чтобы оттолкнуть противника.

— Так, — кивнула девушка, как всегда, во время занятий, она была крайне сосредоточена. — А дальше?

— А дальше — по обстоятельствам. Давай закреплять.

Они практиковались почти час, и только Лекс хотел заканчивать, как в лесу раздался низкий вой.

— Что это было? — обеспокоено спросила Эмилия, оборачиваясь.

— Не знаю, — задумчиво ответил Лекс, глядя на лес. — Но похоже... Так, собираемся, нужно уходить.

Эмилия спорить не стала, как и лезть с расспросами. Быстро собрали вещи и отправились в путь. Идти нужно было через лес, но Лекс старался все равно держаться от источника шума как можно дальше. Вой повторился еще трижды, последний раз — совсем близко.

Когда забирались на вершину пологого оврага, Эмилия не удержалась на ногах и, свалившись, скатилась вниз. Поднялась, хотела что-то сказать, но рядом с ней в секунду оказался Лекс. Он приобнял девушку за плечи и приложил палец к ее губам, напряженно всматриваясь вдаль. Через секунду Эмилия услышала треск веток, топот, злобное рычание, а к этим звукам, позже прибавился противный шелест и скрежет.

Лекс дал знак двигаться наверх. Они тихо, шаг за шагом, поднялись на вершину оврага и, пригнувшись, выглянули из-за веток жиденького кустарника. По ту сторону ложбина так

же полого, опускалась к поляне, поросшей худенькими березками. Там развязалась битва. Посредине лужайки стояло громоздкое, метра три в высоту, существо, покрытое густой, длинной шерстью. Мускулистое тело опиралось на две пары мощных, когтистых лап. Вытянутая морда имела высокий, лысый лоб, на котором громоздилась пара метровых рога. Зверь, очевидно, был хищником, о чем недвусмысленно говорила усеянная длинными, острыми зубами, пасть.

— Как я и думал, — зачарованно прошептал Лекс. — Гранак.

— О-о, — так же тихо произнесла Эмилия. — Я думала они вымерли.

Девушка была не далека от истины. Шкура гранака, из которой можно было шить теплую и легкую одежду, а также зубы и рога, чей состав обладал лечебными свойствами, очень ценились на континенте, и люди стали истреблять животных без меры. Несколько десятков лет назад, вид оказался на грани вымирания. Раньше громоздкие, хищные млекопитающие господствовали на всем севере, сейчас же их изредка видели только в некоторых регионах Инамии.

Однако сейчас, жизни животного угрожали вовсе не люди. Гранака окружили четыре, внешне — неповоротливые, твари. Тела существ состояли из шести шарообразных сегментов, покрытых сверху броней. Последняя часть, видимо — морда, была меньше остальных. На ней не было ни глаз, ни ушей, только большая, воронкообразная пасть, усеянная игловидными, кривыми зубами. С другой стороны, из последнего сегмента тянулось пять коротких жгутиков. Никаких сомнений — демоны!

— Что будем делать? — взволнованно прошептала Эмилия.

— Ничего, — спокойно ответил Лекс. — Уйдем.

Один из демонов с противным скрежетом свернулся в кольцо и с невероятной для его тела прытью, покатился к смотрящему в другую сторону гранаку. Монстр врезался в бок животного. Зверь взревел, развернулся и боднул обидчика рогами. Демон отлетел в сторону, но на гранака тут же напал другой. Он присосался, словно пиявка к ноге животного. Зверь снова взревел и стал отгонять второго противника.

— Почему он стоит на месте? — тихо спросила Эмилия, когда они с Лексом, потихоньку спускались по склону, с правой стороны от поляны.

Ответ пришел почти сразу. Между ног животного показался маленький, пушистый комок — точная копия взрослой особи, разве что рогов нет.

— Лекс, детеныш! — воскликнула графиня.

— Да, Эми, но мы не...

Гранак в этот момент откинул одного из демонов в сторону путешественников. Монстр свернулся в кольцо и хотел было вернуться в драку, но тут учуял (или услышал) новые цели, развернулся и сначала медленно, но все более набирая скорость, покатился на Лекса и Эмилию.

— Проклятье, — сквозь зубы прошипел Лекс. — Я уведу его в сторону, готовь заклинание!

Алхимик побежал от Эмилии в сторону и вниз по холму, демон покатился на него. Сион в последний момент прыгнул в сторону, перекатился через плечо и тут же бросился на противника, который неуклюже развернулся и снова, набирая скорость, ринулся в бой. Лекс пристроился рядом и, выждав момент, махнул мечом. Отсек два жгутика. Тварь зашипела и разорвала кольцо, повалившись на бок. Алхимик, не теряя время, накинулся на врага. Нижняя часть сегментов монстра была защищена значительно хуже. Толстая, желтоватая

кожа не могла выдержать колющие удары мечом. Хотя и с трудом, Лекс наносил все больше ран, пытаясь найти слабое место, и при этом не дать твари перевернуться. Демон проявлял все меньше активности, а когда Лекс вонзил меч в основание головы, прямо под пасть, монстр на мгновение вытянулся, изогнулся и замер.

— Эми, нужно бить в живот и в место под головой! — прокричал Лекс и затравленно обернулся — щелкающий звук был слишком близко. Так и есть, второй демон оторвался от гранака и на всей скорости мчался к алхимику. Их разделяло уже всего метров десять. Последний рывок и... Демон со всего размаха налетает на голубоватый, магический щит. В стороны полетели искры, раздался неприятный скрежет.

Лекс повернулся к Эмилии, хотел что-то сказать, но увидел, что девушка в трансе: глаза закрыты, лицо напряжено, губы что-то шепчут. Графиня вскинула правую руку вверх, щит лопнул, отбрасывая тварь назад. Левая рука сжимается в кулак. Снег на земле, воронками встал дыбом, превращаясь в сталагмиты из сосулук. Демон со всего размаха рухнул в этот лес кольев. Затрепыхался, задергался и обмяк.

Лекс не стал терять времени и побежал наперез к следующему монстру, который после неудачной атаки гранака, заложил вираж и набирал скорость для новой попытки. Лекс швырнул перед демоном склянку. Это зелье он использовал в доме Кроне, когда они с Цельсией убегали от охраны. Земля вздыбилась каменными конусами. Демона подкинуло вверх, он потерял равновесие и со всего размаха приложился о камень, разорвав кольцо. Лекс уже знал, что делать. Самое сложное было — подобраться к извивающемуся монстру. Сначала алхимик отрубил контакты. Существо изогнулось, юноша увернулся от сегмента хвоста, несколько шагов к голове, взмах меча, удар, еще удар, и существо в спазмах замирает на земле.

Лекс посмотрел по сторонам в поисках последнего противника. Обнаружил он его не сразу. Демон бился под передними лапами гранака. Зверь всем своим немалым весом вбивал существо в землю, ломая панцирь, сменяя сегменты.

Алхимик понял, что все уже кончилось и тихо, бочком, не привлекая к себе внимания, двинулся к Эмилии. Когда Лекс дошел до первого поверженного им противника, гранак закончил расправу со своим обидчиком, развернулся к Сиону и резко сорвался с места. В секунду сократил расстояние, остановившись в нескольких метрах от юноши. Оскалился, зарычал, затем посмотрел на труп монстра рядом, на другого демона, насаженного на сосульки, снова повернулся к Лексу. Алхимик внешне оставался спокойным, только правая рука потихоньку нырнула во внутренний карман куртки. Напряжение нарастало. Вдруг гранак спрятал зубы, несколько раз, рывками, задрал голову кверху, вернулся к детенышу, схватил его зубами за загривок и кинул на спину. Малыш тут же вцепился когтями в шерсть. После этого животное издало протяжный, низкий вой и умчалось в чащу.

— Фу-ух, — облегченно выдохнула, подошедшая Эмилия. — Бывает ли в твоей жизни хоть один день без опасных приключений?

— Вообще-то, — обижено ответил Лекс, хотя в тоне явно слышалась несерьезность. — Большая часть моей жизни размеренна и спокойна. Опасность в ней появляется, только когда я встречаю всяких сомнительных личностей.

— Что-о? — надула щеки графиня. — Кто это тут сомнительная личность? Слушай, — тут же перескочила на другую тему она, рассматривая поверженных монстров. — А из нас получается отличная команда. Не хочешь, как все закончится, переквалифицироваться в охотника на демонов? Только представь: высокородная дама, оставившая свет ради мести...

нет, не мести — помощи страждущим! Стала бесстрашным поборником добра и справедливости! А! Как?

— Отлично, — равнодушно ответил Лекс, начиная подниматься на холм. — И алхимик — наполовину человек, наполовину демон...

— О! Точно! — еще больше возбудилась Эмилия. — Это будет сенсация! Да нас завалят заказами!..

Девушка вдруг замолчала, за спиной снова раздался топот и треск деревьев. Из леса на поляну выскочил гранак, пасть и шерсть под головой в крови. Лекс схватился за меч, но вытаскивать его не спешил. Зверь остановился в десятке метров и что-то выплюнул из пасти. Это оказалось животное, кажется, козел. Гранак посмотрел на добычу, на людей и снова стал рывками закидывать голову вверх, будто подзывая кого-то.

— Что ему надо? — тихо спросила Эмилия, потянув Лекса за рукав.

— Не знаю, делится, наверное... Благодарит.

Гарнак издал нетерпеливый, не то стон, не то вой. Лекс вздохнул и сделал несколько шагов вперед, Эмилия пыталась удержаться за рукав, но он мягко высвободился. Алхимик подошел к туше козла, медленно присел и похлопал труп по шее. Гранак фыркнул, невысоко подпрыгнул на месте, развернулся и помчался в лес, только его и видели.

— Что за черт? — Лекс поднялся и в недоумении уставился на добычу.

— Ну, наверное, ты был прав — подарок нам, — Эмилия подошла к алхимику и из-за плеча взглянула на животное.

— Я не о том. Это же горный козел. Где он его достал?

— Не знаю, — медленно ответила графиня. — Важнее, что мы будем с ним делать? Приготовим?

Лекс, слегка морщась, осмотрел, облюбованное гарнаком тело, и неуверенно сказал:

— Да у нас хватает, вроде, еды. И до города недалеко. Опять-таки — время тратить...

— Жалко бросать... — так же неуверенно ответила девушка, всерьез раздумывая о том, что не хочет обижать гранака, принесшего подарок.

Повисло минутное молчание. Затем Лекс уверенно развернулся и зашагал на холм, бодро сказав:

— Не переживай — не пропадет. Зима же. Волки или лаголы подберут.

Эмилия слегка замешкалась у трупа козла, затем, спохватившись, побежала догонять Лекса.

— Алхимик-полудемон, — заговорила она, когда они поднялись на холм. — И таинственная графиня, нет — загадочная... нет... Ладно, над графиней надо еще подумать...

— Не отставай.

— Ага.

Видения вчерашних событий являлись во сне, хотя и наяву они были очень расплывчаты и сбивчивы. Серая пустая комната. Напротив стоит существо, похожее на Лекса, только черные глаза и острые зубы, не только отличают его от алхимика, но и выдают в нем явно потусторонние корни.

— Вот вы и встретились снова, Я, — прохрипел демон.

— Но я думал, ты... ушёл, — чтобы говорить приходилось прикладывать немалые усилия.

— Ушел? Оно не может уйти мы связаны, — существо хищно улыбнулось. — И скоро вы станете одним целым.

В глаза ударил мрак. Через темную вязкую кисею еле пробивались звуки и образы. Что-то Лекс видел отчетливо и ясно, что-то пропадало вовсе. Он помнил изуродованное лицо Иглы, без нижней челюсти. Помнил разорванное пополам тело долговязого парня, помощника гаваря. Глаза лавочника, полные ужаса. И злость. Много-много, злости. Река ненависти. Потом появились люди в белой военной форме и рясах. К гневу прибавилась боль и даже отчаянье. Однако все эти эмоции были как бы не Лекса, как будто юноша наблюдал за всем со стороны, но своими глазами. Сил оставалось все меньше, боли — все больше. Чем слабее становился демон, тем отчетливее являлось Лексу окружающее. Он почувствовал сильный удар в грудь, а затем в спину. Кажется, он лежал. Юный алхимик напряг все оставшиеся силы и приоткрыл глаза.

Над ним склонились двое мужчин в юнианских рясах: один — сухенький, но крепкий еще пожилой человек, другой — смуглолицый здоровяк с увесистым жезлом в руке.

— ...На данный момент, нужно набраться терпения и ждать, — мягким голосом говорил пожилой священник.

— Не знаю, Ваше святейшество, — хмурясь, отвечал смуглолицый. — Мне кажется, мы слишком рискуем. Он опасен, вы сами видели на что он способен. И это еще — демон недостаточно окреп! Представляете, что будет, если?!..

— Знаю, знаю, — спокойно отвечал собеседник. — Доверься мне, я чувствую, что мы поступаем правильно. Понимаешь, мальчик одержим сильнейшим демоном, потерял власть над собой, но все равно остался жив. Ничего подобного я не видел. Может, он ключ к лечению одержимости. Впрочем, — старик выпрямился и исчез из поля зрения Лекса. — Если появится хоть один намек на опасность, я сам освобожу его измученную душу.

— А пока, — после некоторой паузы продолжил священник. — Везите его в храм под Ар-Ни, я приеду позже. Это хорошее, тихое место, лучше для того, чтобы восстановить израненную душу, не придумаешь, — явно думая о чем-то другом, медленно закончил старик.

— А император? — удивленно спросил смуглолицый.

— Передам посыльным письмо, где...

Дальше Лекс не слышал, сознание, словно огонек тоненькой свечи на ветру, трепыхалось из последних сил, но все же уступило забвению.

Очнулся Лекс посреди просторной, светлой комнаты. Он лежал на узкой, старинной кровати с замысловатыми узорами на спинках. Из мебели: стул, круглый столик, два шкафа. Вокруг расставлено и развешано большое количество всяческих безделушек: бус, ваз,

амулетов, каких-то предметов непонятного назначения. И без зрения алхимика понятно — магические артефакты. Еще в комнате было огромное, в полстены, витражное окно с изображением девушки на коленях, срывающей розу, рядом стоял по-военному одетый, черноволосый мужчина — несомненно Юния и ее самый преданный последователь Крайм.

Скрипнула и тут же закрылась дверь. Лекс не успел заметить, кто заглядывал внутрь, услышал только гулкие, частые шаги по коридору. Юноша с трудом принял сидячее положение, подперев подушку под спину. В общем-то, вопреки ожиданиям, чувствовал он себя неплохо. Только голова болела, да тело ослабло.

Через минуту в дверь постучали и тут же вошли. Это были те двое мужчин, которых Лекс видел перед тем, как потерять сознание.

— Ого, очнулся уже! — тут же начал старик, войдя в комнату и заняв единственный стул. Второй священник остался у двери, скрестив руки на груди, он прислонился к косяку и недоверчиво поглядывал на Лекса.

— Как ты себя чувствуешь? — продолжал между тем старик.

— Мм, — замешкался Лекс. — Неплохо, спасибо.

Повисла пауза, незнакомцы внимательно рассматривали юношу, не торопясь продолжать разговор и тот, чтобы сгладить неловкость, спросил:

— А, кто вы?

— Я?! — как-то даже излишне удивился старик. — Эгхм, ни и ну, хе-хе, что ж, действительно, я не представился. Меня зовут Дориен, я скромный служитель церкви Юнии, — его спутник не смог сдержать усмешку, старик строго посмотрел на него и продолжил:

— А это мой помощник — Пирл.

Мужчина у двери чуть поклонился.

— Что ж, — продолжал Дориен. — Можем ли мы теперь узнать, с кем имеем честь.

Юноша непонимающе смотрел на священника, потом вдруг сообразил, чего от него хотят и, торопясь, заговорил:

— Ах, да я... Меня зовут Лекс. Лекс Сион, — добавил он, погодя. — Я алхимик.

— Да, это мы поняли по твоему снаряжению. Но как ты оказался в Рейдберге? Так далеко от Академии!

— Я не являюсь больше учеником Академии, — вздыхая, ответил Лекс и, столкнувшись с непонимающим взглядом — все-таки его возраст явно говорил о том, что он не мог еще окончить обучение, добавил:

— Меня отчислили.

— О-о, — неопределенно промывчал Дориен.

— Но гораздо важнее, — юноша поторопился сменить тему, видя, как в глазах собеседника назревает новый вопрос. — Что со мной случилось вчера? Я... мною, как будто кто-то управлял.

— Не вчера, — спокойно поправил священник. — Три дня назад. Да, именно столько ты был в беспамятстве, — ответил он на изумление в глазах Лекса. — Ты одержим, мальчик мой. И там, Рейдберге, демон смог взять контроль над твоим разумом. Однако нам удалось спасти тебя.

— Выходит, демона больше нет? — с надеждой спросил юноша.

— Не все так просто, — Дориен печально покачал головой. — Когда демон овладевает жертвой, разделить их уже невозможно, во всяком случае, достоверных прецедентов не

случалось.

Лекс заметно погрузился, уставившись на свои руки, а Дориен, выждав несколько секунд, продолжил доверительным тоном:

— Скажи, дружок, когда и при каких обстоятельствах, ты столкнулся с аурой Нижнего мира?

Лекс долго молчал, размышляя, о чем можно сказать, а о чем лучше промолчать. Если подумать, его зачем-то оставили в живых, значит, надежда есть. К тому же, после всего увиденного священниками, скрывать что-то нет смысла. Он тихо заговорил:

— Это как раз связано с моим отчислением. Я ошибся в расчетах, проводя ритуал, и нечаянно создал шов... Прямо в общежитии, — виновато закончил он.

— Ого, — задумчиво проговорил Дориен, почесывая подбородок, но вдруг его что-то осенило, и он возбужденно сказал:

— Погоди-ка, случай в академии два года назад?! — Лекс удивленно кивнул. — Ничего себе. Я был в Миссурии в это время... Там не шов — целый проход был, — тихо закончил он, задумчиво рассматривая Лекса, но тут глаза его снова округлились:

— Ты хочешь сказать, что тогда и встретился с демоном?! — Лекс снова смиренно кивнул. — Ты одержим два года?! Вот так-та-ак... Ну, да — влияние Нижнего мира, период Галлафа как раз вошел в активную фазу неделю назад. И все же два года — это немыслимо, — Дориен многозначительно посмотрел на Пирла, тот задумчиво хмурился.

Лекс, неправильно истолковав этот взгляд, робко спросил:

— Что со мной теперь будет? Вы меня... — он замолчал, не зная, как закончить. Дориен полминуты непонимающе смотрел на юношу, пытаясь понять, что тот имеет в виду, а когда сообразил, вскинулся и суетливо замахал руками:

— Нет-нет, что ты! За кого ты нас принимаешь?!

— Но ты же сказал — надежды нет, от демона не избавиться, а значит — вопрос времени, когда он завладеет мной.

— Я думаю, что надежда как раз кроется в тебе, мой мальчик, если мы пойдем, как тебе удавалось так долго сдерживать демона, возможно, мы станем на шаг ближе к избавлению от их влияния, от их угрозы. Это надежда для многих несчастных душ, которые, по воле злого рока, станут жертвами темных сил, — священник улыбнулся, глядя на зачарованно слушающего юношу, и бодро закончил:

— Но, чтобы достичь целей, необходимо много тренироваться. Ты готов?

Лекс уверенно кивнул головой.

У Сторна были ранним вечером. Хотя в здешних краях в это время года солнце уже давно скрылось за горизонтом. В город, однако же, сразу не сунулись. Сначала Лекс решил разведать обстановку. Оставив Эмилию в березовой рощице, облюбовавшей высокий холм, он, воспользовавшись сумерками так, чтобы даже в хорошо освещенном городе, на нем было бы сложно остановить взгляд, отправился в Сторн.

Сначала побродил по окраинам, затем зашел в несколько магазинов, выпил чашку чая в кафе и, осмелев, наведаясь даже в пару значных мест и в отделение почтовой службы. Все было тихо. Даже намек на действия тайной полиции не было. Подозрительных лиц Лекс тоже не обнаружил. Вообще город, как всякая далекая от центра провинция, вел свой размеренный, спокойный ритм жизни. Конечно, если только, Лекса не подвело чутье, или же наблюдение велось слишком скрытно. Но делать нечего, других вариантов не было, а значит,

приходилось рисковать. Сион отправился к Эмилии, они оба вернулись в город и уже не слишком таясь, сняли в одной из гостиниц номер.

За ночь никаких происшествий не случилось, и на утро парочка отправилась в город, собирать информацию: Эмилия — в торговый квартал и библиотеку, Лекс — по ремесленным мастерским, барам и окраинным районам города.

Вечером встретились в кафе своей гостиницы, обсудить результаты. Собранная информация была скупа. Многие помнили деспотичного и чудаковатого графа Канора. Он был влиятельнейшим человеком восточной области Инамии, основал и содержал несколько фабрик, способствовал процветанию города. К тому же был родней какого-то знатного рода, стоящего чуть не у самой власти республики. Граф любил приложиться к алкоголю, а когда выпивал, становился буйным и злым. И слуги, и горожане старались в такие моменты не попадаться ему на глаза. Чудил, будучи пьяным, страшно. Мог голым пойти на рыбалку, однажды подрался с собакой одного заезжего купчишки, забил животину до смерти. Явился в городскую библиотеку, стал рвать и жечь книги, вопя, что от них все зло. И прочее, и прочее. Но, не смотря на все эти выходки, был умным и проницательным, накопил приличный капитал и завел высокие связи. Семьи у графа не было, его даже в обществе женщины ни разу не видели, что способствовало росту различных слухов. Но, как бы то ни было, Канор умер от вскрывшейся язвы желудка пятнадцать лет назад, и потомков после себя не оставил. И тут-то самое удивительное: что стало с богатым наследством графа, решительно никто не знал. А о его особняке жители, как сговорившись, не проронили ни слова. Это при том, что биографию Канора, даже с самыми интимными подробностями, мог рассказать каждый.

— Странно все это, — вздохнула Эмилия, когда они с Лексом заходили в номер. — Как будто им приказано молчать об этом.

— Не исключено, — спокойно ответил алхимик, вешая кофту в шкаф.

— Всему городу?! — изумилась Эмилия.

Лекс лишь пожал плечами:

— Не знаю. Трудно сказать об их возможностях. Конечно, всю информацию не утаишь, кто-то да проболтается, особенно, когда речь идет о большой группе людей. Но в том-то и загвоздка, если будешь вынюхивать слишком рьяно, привлечешь лишнее внимание. А для нас это неприемлемо.

— Что будем делать?

— Попробуем еще раз завтра, — Лекс, вздыхая, уселся в кресло. — Если снова — ничего, отправимся искать следы вне города. У меня есть...

Лекс осекся, так как в дверь осторожно постучали. Он тихо поднялся с кресла, дал знак Эмилии отойти к окну. Тихий, еще более осторожный стук, повторился. Лекс чуть отворил дверь, выглянул и тут же открыл ее полностью, впуская в номер неожиданного, давнего знакомого. На пороге оказался Альт Ригонт.

— Лекс, — накинулся он на ученика, сжимая ему плечи. — Как я рад, что с тобой все в порядке. Но еще более... — Альт посмотрел по сторонам, нашел взглядом Эмилию, быстро подошел к ней и тоже приобнял. — Графиня, хвала Богине! До меня доходили разные слухи и камень, знаю, они вернули. Я боялся худшего, никогда бы себе не простил! Но хвала Богини!..

Альт выглядел очень возбужденным, поведение и речь его были суетливы, а жесты и движения нервными и резкими.

— В общем, я рад, я рад, друзья мои!

— Учитель, с тобой все в порядке? — обеспокоенно спросил Лекс.

— Да, да, не обращай внимание. Мое поведение... да, это из-за тоников, я три... нет, четыре ночи не спал, много дел, но обо всем по порядку. Так...

— Нет уж, — перебил Лекс. — Давайте-ка мы все расслабимся, сядем, выпьем чаю и спокойно поговорим, а то мне кажется, что сейчас, где-то, что-то взорвется.

— Да, — согласился учитель. — Ты прав, нужно выдохнуть.

Эмилия вскипятила чай. Все расселись кто куда: графиня на единственную, узкую кровать у стены, Альт в кресло, Лекс на стул у окна. Вначале золотой алхимик попросил рассказать о поездке в Мисурию. Сион, кратко, не вдаваясь в детали, изложил свою историю, уделив внимание лишь лаборатории рядом со Скитой и разговору с Кроне. Альт впал в задумчивость, затем вдруг подался вперед и спросил, сохранились ли у Лекса наброски формул из лаборатории. Юноша открыл блокнот на нужной странице и молча протянул его учителю. Альт резко схватил записи, вскочил, заходил по комнате. Так продолжалось какое-то время. Лекс и Эмилия сидели тихо, боясь нарушить ход размышлений Альта. В какой-то момент золотой алхимик остановился у окна и задумчиво протянул:

— Ну что же, пожалуй, все сходится, — затем, он резко повернулся к ученику и быстро заговорил:

— Лекс, похоже, Кроне тебе не врал, хоть и не рассказал всего, они действительно хотят провести слияние миров, но не полностью — соединить только потоки энергии.

— Но это невозможно... — вздохнув, начал Лекс, но учитель не дал ему договорить:

— Похоже, они нашли способ. Или думают, что нашли. Их подход основан на исследованиях твоих родителей и, как неудивительно, Эмилии.

Девушка, находившаяся в это время в задумчивости, вздрогнула от пристального взгляда мужчин и неуверенно сказала:

— В теории это предполагалось, но принимая во внимание последние исследования, и то, что случилось пятнадцать лет назад в Санаре, я думаю Лекс прав...

— Да, это невозможно, — твердо сказал юноша. — И родительский эксперимент это показал.

Эмилия украдкой взглянула на него. Говоря это Лекс, был спокоен, даже — задумчив, опять сложно было сказать, что у него на душе и, как на него повлияла смерть родителей, какой отпечаток оставила.

— А ты мне не говорила, что занимаешься проблемой возникновения и синтеза энергии звезд, — несколько отрешенно, будто думая о чем-то другом, говорил Лекс.

— Да как-то не представилось возможность, — смущенно ответила Эмилия. — И направление в моей работе несколько отличается от того, чем занимались твои родители. Я... — графиня вдруг снова задумалась, не окончив фразу, как будто какая-то мысль не давала ей покоя, но она вот-вот должна разрешить ее.

— Мы можем что-то упускать, дружок, — спокойно сказал Альт, обращаясь к Лексу. — Не забывай, там работают не глупые люди. Что же они, не допускают самого очевидного? Все, как один? Игнорируют исследования последних лет и идут на такой риск? Нет, что-то мы упускаем. А тем временем, все складывается в определенную картину, и то, что происходит в особняке Канора — лишь для отвода глаз.

— Ты знаешь, где находится особняк?! — изумился Лекс.

— Да, — непонимающе посмотрел Альт. — Я же слежу за ним уже четыре дня. Я не сказал? Не важно, — махнул он рукой. — С ним покончено, там проводился какой-то серьезный ритуал, но теперь все...

— Что значит «покончено»? — нетерпеливо допытывался Лекс. — И, что за ритуал?

— Они провели какое-то преобразование, в результате чего открылись швы. Видел печать Ааса? Вот. А теперь спешно собирают вещи и перебираются куда-то, то ли на север, то ли на северо-восток. Не знаю, не рискую подходить ближе.

— Открытие разломов... — задумчиво прошептала Эмилия. Ее никто не услышал и Альт продолжал:

— И вообще, за все то время, что торчу здесь, я толком ничего и не выяснил.

— Да, данных действительно мало, — почесывая лоб, проговорил Лекс. — Ладно, тогда...

— Нет, ребята, — неожиданно заговорила Эмилия. — Открытие швов — не для отвода глаз. Это часть эксперимента. — Лекс и Альт удивленно посмотрели на нее, приглашая продолжать. — Это правда, что мои исследования тесно связаны с исследованиями Арвинов, но я изучала не саму природу энергии звезд, а закономерности ее работы, и пришла к выводу, что существуют частицы, которые регулируют энергию, стабилизируют ее, а так же, позволяют людям изменять ее. На самом деле многие исследования намекают на существование такой силы, но никто не пришел к нужным выводам. Эта некая тонкая материя, обеспечивающая волшебникам — напрямую, и алхимикам — опосредованно, воздействовать на энергию звезд. Долгое время считалось, что появление швов связано с повреждением гипотетической сферы миров. Это слишком поэтический взгляд. На самом деле никакой оболочки, щита, сферы не существует. Это работают сами законы природы, представленные в виде подпрастранственной материи! — девушка слегка смутилась и неловка добавила:

— Ну, это пока рабочий вариант названия. Если человек слишком активно изменяет энергию звезд, посредством магии, алхимии или еще как-то, это приводит к нестабильности этих частиц, в результате получаются аномалии, одни из которых мы называем швами. Нечто подобное случилось возле Паталы, когда вас с Ирин перенесло в Последний Предел.

— Да, — задумчиво протянул Лекс. — В работах родителей есть что-то подобное.

— Да, да! — оживилась Эмилия. — Им не хватило чуть-чуть, чтобы дойти до тех же выводов, очень их торопили. Если бы они увидели причины закономерностей в работе энергии звезд, они смогли бы избежать катастрофы!

— Каким образом?

— Видишь ли, я не просто так называю это поле подпрастранственным. Я уверена, что оно существует в обоих мирах и регулирует баланс природы энергии Нижнего мира и Илиона. Иначе бы появления швов приводили к тем же результатам, что и трагедия в Санаре. Этого не происходит, потому что частицы, открытого мною поля, сдерживают эти потоки. Энергия Нижнего мира пытается просочиться, но оседает у нас в виде миазм — побочного продукта реакции.

— Угу, понял. Но зачем членам организации дестабилизировать это поле? Зачем они открывают швы?

Эмилия задумчиво потерла лоб и нехотя сказала:

— Здесь многое непонятно, но я думаю, что ослабленным полем частиц легче управлять. Возможно, они хотят как-то изменить его, чтобы энергия Нижнего мира, проходя

через поле, преобразовывалось в природную энергию звезд. Это немислимо и очень опасно! Но, в теории, возможно. Других предположений у меня нет.

Повисло тяжелое молчание, каждый размышлял: кто, об услышанном, кто, о том, что делать дальше. Наконец, Лекс бодрым голосом нарушил тишину:

— Ладно, здесь ничего не поделать, нужно больше информации. Пойдем в особняк.

— Нет, дружок, — устало возразил Альт. — Напрасно потеряем время. Там больше ничего не происходит. С безопасного места наблюдения можно увидеть только, как они перевозят оборудование.

— Ты не понял, — улыбнулся Лекс. — На наблюдения у нас нет времени. Мы пойдем внутрь.

Альт какое-то время растерянно смотрел на ученика, затем лицо его озарила такая же, как у Лекса, хитрая улыбка и он радостно ответил:

— Что ж, это мне нравится. К тому же я обнаружил два дополнительных прохода к зданию. Охраны, да и вообще, людей, там теперь намного меньше. Может сработать.

— Тогда в путь!

— Да.

— Так, стоп! — воскликнула Эмилия, которая, сначала — озадачено, а потом — не скрывая изумления, смотрела на Альта и Лекса. — Вы, что, сейчас собираетесь идти?!

Мужчины переглянулись, явно не понимая, к чему клонит графиня. Девушка покачала головой, слегка закатив глаза, и спокойно сказала:

— Лекс твой учитель не в том состоянии, чтобы совершать подвиги. Да, Альт, и даже не пытайтесь спорить, — Эмилия жестом руки остановила, готового возразить, золотого алхимика. — Да и нам самим не мешало бы отдохнуть. Куда вы собрались ночью? Своей поспешностью и необдуманностью вы рискуете усугубить наши трудности и сорвать дело!

Мужчины пристыжено отвели взгляды.

— Что ж, — тихо сказал Альт, прочистив горло. — Наверное, Эмилия права. Я пойду, отдохну. У меня номер в центре города. Завтра в семь встречаемся у пожарной станции, это на востоке.

Спорить никто не стал.

Жизнь в монастыре была размерена и скучна. Обиднее всего было то, что после того, как ушло плохое самочувствие, Лекс ощущал небывалый прилив сил. Хотелось действовать, двигаться. Но вместо этого — медитации, рутинные дела вроде уборки, снова медитация, обязательный отдых в своей комнате, медитации, медитации, медитации. Иногда Дориен поручал своим подчиненным (Лекс уже понял, что старик очень важный человек в их церковной иерархии) обучить юного алхимика какому-нибудь ремеслу. Сначала пробовали рисовать, но дело оказалось совершенно безнадежным. То же касалось гончарного и столярного ремесла. С музыкой выходило намного лучше, у Лекса были неплохие задатки. Но проблема заключалась в том, что самому алхимику это было совершенно безразлично, и занятия музыкой тоже постепенно прекратились. Через пару недель пребывания в монастыре, юноша добился, наконец, чтобы ему разрешили различные физические нагрузки. Здесь этому уделялось особое внимание. Во внутреннем дворе монастыря разместили внушительную тренировочную площадку. Вот так, на протяжении почти двух месяцев Лекс только и делал, что читал, упражнялся, немножко, насколько это позволяли ресурсы монастыря, занимался алхимией и медитировал.

Иногда, правда, когда у Дориана выпадала свободная минутка, он составлял Лексу компанию на прогулке или в храме, в тихом, молебном зале. Они много разговаривали обо всем. Но больше всего Дориен говорил о Нижнем мире, о истории борьбы человечества с демонами.

Как-то так случилось, что Лекс почти ничего не знал о церкви Юнии, несмотря на большую популярность культа и его веры на континенте. Поэтому многие вещи, даже широко известные, юноша впервые узнал от Дориена.

Оказывается, культ был создан как раз для борьбы с «созданиями и сквернами Нижнего мира». Две тысячи лет назад человечество было на грани уничтожения, жестокая война с демонами превращала цивилизацию Адеи в руины. Человечество только-только научилось использовать энергию звезд, но людям не хватало сил и навыков. И тогда в разрушаемый мир явилась святая. Юния.

Она объединила остатки человечества в решающей битве. Необычайно одаренная, обладающая уникальной силой (нигде не говорилось, какой именно), Юния принесла людям истинный дар магии, значительно отличающийся от примитивных, первых попыток изменить энергию звезд.

Но несмотря на это, человечеству все еще было тяжело противостоять нашествию демонов. Слишком многое было потеряно, слишком неравные были силы. И тогда, Юния, видя, как страдают и умирают люди, ее близкие, те, кто поверил в нее, принесла великую жертву. Совершив немислимое преобразование, Юния, при поддержке своего друга и соратника Крайма, разом запечатала все прорывы, терзавшие обескровленный Илион. Но то могущественное заклинание стоило девушке жизни.

Однако самые преданные ее последователи не забыли подвиг Юнии, они организовали орден, основными задачами которого были охота и истребление демонов. Ведь их, даже после запечатывания разрывов, осталось в Илоне великое множество.

Со временем орден превратился в культ поклонения Юнии. Религия их не отрицала предыдущую парадигму о создании мира тремя великими богами, она лишь продолжала,

дополняла это исповедание. Говорила о том, что создатели всего сущего ушли в другую вселенную, оставив Илион на попечение призванной ими святой Юнии, которая даже после смерти оберегала людей от нашествия тьмы Нижнего мира.

И вот, спустя почти две тысячи лет, обновлённая концепция религии — Юнианство, стала самой распространённой на континенте. На протяжении жизни Лекс не слишком интересовался такими вещами. Ему всегда казалась странной тяга некоторых людей к тому, что познать они никогда не смогут, а в таком случае человек обречен воспринимать мир, опираясь лишь на догадки и фантазию. Рациональный склад ума Лекса не готов был принять такой путь. Хотя, конечно, находясь в тишине молельного зала, невольно поддаёшься таинству сотворения мира, пусть даже и навверняка вымышленными богами.

Лекс любил иногда прогуляться по залам монастырского храма. Особенно ему нравилось рассматривать гравюры, картины и скульптуры. Вот и сейчас он, сам того не замечая, уже несколько минут смотрел на полотно неизвестного мастера.

— Двоемирие, — раздался за спиной тихий голос.

Лекс обернулся, рядом, заложив руки за спину, стоял Дориен, на лице его играла загадочная улыбка.

— Впечатляет, не правда ли? Хотя это всего лишь репродукция, оригинал хранится в храме, в Баруде. Я тебе обязательно покажу.

— Странно это, — задумчиво проговорил Лекс, возвращаясь взглядом к картине.

— Что именно? — Дориен подошел и встал рядом.

— Почему они так страстно хотят попасть к нам, — юноша кивнул на демонов в нижней части картины. — Даже через боль и страдания?

— Боль и страдания?! — изумился священник. — Не обманывайся на их счет и не меряй их человеческими категориями. Это чистое зло, их природа абсолютно чужда нам.

— И все-таки, у всего в природе есть причина и следствие.

— Но они не часть нашей природы.

— Однако когда-то были. Разве в ваших писаниях не сказано, что в доисторическую эпоху Илион и Нижний мир были едины?

Дориен вздохнул, медленно проковылял к скамье и тяжело опустился на нее. Лекс уже заметил за ним такую привычку — казаться старше и слабее, чем он есть.

— В том-то все и дело, — вздохнув, сказал он. — Сущности, которых мы теперь называем демонами, отринули путь гармонии и любви, в их сердцах поселилась бесконечная злость и страх. Они хотели лишь разрушать, убивать, причинять боль. Почему? Кто теперь уж скажет. Такова их природа. Для нас она иррациональна, чужда. Для них — естественна.

Дориен замолчал, размышляя о чем-то своем, затем внимательно посмотрел на картину и сказал глубоким, таинственным голосом:

— Знаешь, для меня эта картина, в первую очередь — образ утраченного единства. Неизвестно, кем были те существа, с которых началась жизнь, наши предтечи, но мне кажется, их начала мы до сих пор носим в себе, — Дориен слегка коснулся пальцами груди. — Юния — самое чистое и светлое, что есть у человечества, по поручению древних богов оберегает и заботится о нас. В картине это небеса с красным солнцем. Нижний мир создан всем черным и злым, что есть в наших сердцах, — священник пренебрежительно махнул рукой, указывая на нижнюю часть картины. — И, наконец, Илион — мир людей, полный страстей, сомнений, подлости и добродетели. Поглотит ли человечество тьма или оно потянется к свету, зависит от каждого из нас, — Дориен устало потер глаза. — Но пока,

к сожалению, мы ближе к хаосу... Однако я верю, что все изменится, благодаря, например, таким, как ты, тем, кто умеет бороться со злом внутри, — священник улыбнулся и мечтательно вздохнул. — Именно поэтому я посвятил всю свою жизнь служению Юнии.

Они долго просидели в тишине, разглядывая картину. Лекс повернул голову к Дориену, намереваясь спросить еще что-то, но только сейчас заметил, что священник в дорожной одежде.

— Уезжаешь? — без удивления спросил Юноша. Отлучки Дориена были делом обычным.

— Ох, да, — спохватился старик. — Я же за тем тебя и искал. Мне нужно отлучиться недельки на две, а затем готовься — поедем в Баруду.

— В Баруду? — изумился Лекс, не в силах скрыть нотку неприязни, и от Дориена это не скрылось из виду:

— Да, мой друг, — начал он нарочито спокойным тоном. — Мы добились с тобой значительных успехов. Ты научился сдерживать демона, но со временем его влияние будет расти, нам рано останавливаться, нужно продолжать обучение. Поживешь пару лет в Баруде, я призыву на помощь лучших специалистов в области изучения Нижнего мира. Помни, это важно не только для тебя, но, может так случиться — для всего человечества.

Лекс кивнул и снова отвернулся к картине, чтобы Дориен не разглядел его кислого лица. Дело в том, что алхимик уже давно подумывал, покинуть монастырь. Здесь его уже ничего не держало. Они выяснили, что смогли, еще в первые недели его присутствия здесь. О том, как влияет аура Нижнего мира на сознание, когда воля демона становится сильнее и как с этим бороться. Дальше они лишь топтались на месте, и Лекс был уверен, что больше ничего с помощью юнианских священников не выяснит, надо двигаться дальше. Конечно его тяготила такая мысль ведь по всему выходило, что он, как будто проявляет неуважение, потребительское отношение к людям, которые спасли ему жизнь. Лекс сомневался почти месяц, но теперь, когда Дориен заговорил о поездке в Баруду, сомнения его отступили — он точно не сможет жить птичкой в клетке.

— Я понял. Что ж увидимся через две недели, — соврал юноша, не моргнув и глазом. Поднялся со скамьи и протянул руку. Священник тоже встал, легонько пожал ладонь и хотел что-то сказать, но в зал ворвался мальчишка и громко прокричал:

— Лекс, ну, где тебя демоны носят?! На тренировку опаздываешь, мастер злой, как... — тут глаза ребенка, после солнечного света привыкли к сумраку храма, и он разглядел, стоящего рядом с Лексом Дориена, ойкнул, покраснел и уже спокойнее добавил:

— Здравствуйте, Ваше святейшество. Простите, что вмешался в разговор.

Мальчика звали Трэв, он был учеником Пирла. Несмотря на то, что с Лексом их разделяло лет семь-восемь, ребенок очень привязался к алхимику и, если выдавалась возможность — обязательно проводил время со старшим другом.

— Ладно, — тихо, сказал священник. — Беги. Не забывай только о режиме!

— Забуду — напомнят, — Лекс кивнул в сторону Трэва. Священник улыбнулся и добавил в след, уходящему Лексу:

— Ради Святой Юнии, береги себя.

Остаток дня прошел без происшествий, как и во все предыдущие дни. А вечером, поужинав и, дождавшись отбоя, Лекс не тратя попусту время, собрал свой нехитрый скарб: алхимические реагенты, уместившиеся в меленькой сумке, в рюкзаке — одеяло, чайничек и котелок, длинный нож — на поясе. Юноша последний раз обвел глазами свою комнату,

коротко кивнул и, потушив лампу, неслышно скользнул в коридор.

Большинство слушников уже спали, хотя где-то еще были слышны перешептывания и смешки. Лекс потихоньку, стараясь, чтобы не скрипела, открыл входную дверь, выглянул — никого. Можно идти.

Подло, конечно. Эти люди приютили, помогли, были немногими из тех, кто отнесся к нему по-человечески. А он отплачивал им вот так — уходя, не попрощавшись, в ночь, словно вор. Но Лекс не видел другого выхода, он чувствовал, как демон пожирает его изнутри. Юноша не знал, сколько ему осталось, но, уж точно, не хотел смиренно ждать своей незавидной участи. Он решил искать способ избавиться от демона, но своими путями. Пока, впрочем, идей не было, и Лекс решил, как и планировал до инцидента в Рейдберге, отправиться в Верисию. Пороется в местных архивах, библиотеках, заодно посетит, наконец озеро Бимарк, а потом... Ну, там будет видно.

За этими мыслями, когда юноша уже перемахнул через запертые ворота, его застал недовольный голос:

— Вот так и сбежишь? Достоинно, ничего не скажешь. Я был о тебе лучшего мнения, — несмотря на содержание, в голосе не слышалось ни упрека, ни злости.

Лекс обернулся и поднял голову вверх. На каменной, пятиметровой стене, вальяжно облокотившись о зубец, стоял Пирл.

— Да, прости... — Лекс не знал, что еще сказать и молчание затянулось.

— Его святейшество предвидел это, — наконец, заговорил Пирл, поняв, что больше алхимик ничего не скажет. — Хоть и не слишком в это верил. Он просил передать, если я встречу с тобой перед этим, чтобы в следующий период Галлафа ты обязательно пришел в Баруду. Тебя будут ждать, — закончил он совсем тихо.

— Я приду, — Лекс неуверенно развернулся и сделал несколько шагов прежде, чем голос Пирла вновь остановил его:

— Знаешь, при первой встречи я хотел убить тебя, — повисла минутная пауза. — Но я рад, что не сделал этого.

Было темно и Лекс не видел лица собеседника, но в словах монаха слышалась улыбка.

— Спасибо, Пирл. Извинись за меня перед Трэвом. Пока, увидимся через полгода, — алхимик помахал рукой и скрылся во мраке ночи.

Юноша ошибался, их встреча состоится много позже, через пять лет. Уже никто и не надеялся вновь увидеть алхимика, оттого больше было удивление, когда граф Рион, вернувшись героем с аббаданской войны, привел с собой странного, щуплого юношу с рассеянным взглядом и тронутыми сединой волосами. Сначала Дориен страшно удивился и обрадовался, затем, слегка придя в себя, устроил страшную трепку и запретил несчастному алхимику переступать порог его храма. Впрочем, опала длилась недолго, через неделю старик смягчился и проводил с Лексом все свободное время, слушая рассказы о его приключениях.

Дом крепился к скале словно ласточкино гнездо. Громоздкий, неуклюжий, он нависал над землей на высоте метров тридцать, наверх к нему вела узкая витиеватая лестница, по ней сейчас бегали люди, издалика похожие на муравьев. У подножья лестницы стояло три фургона.

— В особняк, кроме основного входа, можно попасть еще двумя путями.

Альт, Лекс и Эмилия сидели на высоком холме, покрытым на вершине рощей

карликовых сосен. Атонские горы изгибались здесь на юг, чтобы, через пару сотен метров, набравшись мужества и сил, снова сдвинуться севернее и высокой грядой ползти на запад. Таким образом здесь образовалась живописная долина с уютными пролесками и ровными полями. Даже озеро с водопадом — в наличии.

Холм, на котором укрылась троица, располагался почти напротив особняка, он прижимался к горной цепи как раз в том месте, где она поворачивала на запад.

— Один — не очень удобный. Через пещеру. Но идти до нее долго и по открытым местам. Я предлагаю, — Альт указал рукой направо. — По горам. Там есть дорожка естественного происхождения, по ней, сравнительно безопасно, можно добраться вон до той башенки, а там, через чердак, внутрь.

Лекс сделал непонятное движение головой — то ли покачал, то ли покивал, и задумчиво спросил:

— А пещера где?

— Видишь дальнюю часть гор? Вон там, за водопадом, — Альт указал налево.

— Да, — согласился Лекс. — Далековато. Ладно, пойдем по горам.

Проход, действительно оказался не слишком опасный. Он петлял между пиками скал и нагромождением валунов. Видимо, когда-то здесь проложил себе путь горный ручей, прежде чем, исчерпав свои силы, найти покой в каком-нибудь озере на равнине. Дважды, правда, путникам пришлось пересечь крайне рискованные участки — скользкие, узкие карнизы по внешней стороне скал. Да еще и двигаться здесь нужно было быстро, иначе могли заметить снизу. Но все завершилось удачно, и почти через два часа путники были на месте. При помощи, предприимчиво запасённой Альтom веревки, спустились на площадку башни. Действие кислоты проело деревянный люк насквозь, сломав внутренний замок. И троица, наконец, оказалась внутри особняка.

— Куда дальше, — шепотом спросил Лекс.

Альт лишь пожал плечами.

— На знаю, внутри-то я никогда не был.

Башенка была всего в два яруса, выводила она в застекленную галерею. Дальше было множество коридоров, какие-то вели к жилым комнатам, другие к залам, третьи к лестницам. Ниже спуститься было проблематично, там повсюду слышались голоса работников, а верхний этаж — четвертый или пятый, определить было сложно, из-за неравномерности здания по высоте, был абсолютно пустым, ни души. Видимо отсюда все нужное уже вынесли. Вторженцы наугад заглянули в несколько помещений, но ничего полезного не обнаружили. Любопытным было, разве что, обустройство большего числа комнат и залов под лаборатории.

Наконец троице повезло, они спустились на этаж ниже, не рискуя быть замеченными. Дальше двигались, выбирая направление только по принципу избегания встречи с обитателями дома. В одном из коридоров Лекс обнаружил, знакомые еще с лаборатории под Скитой, бочки с порохом. Альт проследил за его взглядом и тихо сказал:

— Замечают следы основательно. Правильно, что пришли, похоже завтра искать здесь будет нечего.

В какой-то момент алхимики и графиня оказались в ловушке. Впереди, по коридору слышались тяжелые шаги, назад возвращаться было нельзя, там группа людей перетаскивала какое-то тяжелое оборудование. Пришлось рискнуть и нырнуть в первую попавшуюся дверь. По счастливой случайности, внутри никого не оказалось, хотя

электрические лампы на потолке горели все, без исключения. Это была просторная, белая комната с тремя выходами. В середине помещения стояли три колбы в человеческий рост. Точно такие Лекс видел в другой лаборатории, только эти были пустыми. Похоже, очередь зачистки этой комнаты еще не подошла: на столах были разбросаны бумаги, в шкафах стояли пробирки с разноцветным содержимым, на стене висела, изрисованная формулами, доска.

Алхимики тут же бросились изучать документы, а Эмилия подошла к трем колбам, долго рассматривала их, пока не обнаружила на дне одной из ёмкостей синюю брошку. Девушка подошла ближе, присмотрелась и с удивлением обнаружила, что это значок алхимика. Правда, подумать о смысле находке она не успела, ее отвлек задумчивый голос Лекса:

— Надо же, они почти в точности пытались повторить мой ритуал, — он взял другой листок. — А тут много об алой серпянке... Странно это...

— Это еще что! — негромко воскликнул Альт с другого конца комнаты. — Вы посмотрите сюда.

Они втроем склонились над большим полотном бумаги, разложенным на столе.

— Не может быть, — прошептал Лекс.

— Что это? — с тревогой спросила Эмилия, поочередно посмотрев, на обоих мужчин. Замысловатый рисунок с большим количеством формул и пиктограмм, ей ни о чем не говорил.

— Ритуал Ктара, — жадно рассматривая рисунок, ответил Лекс.

— Похоже, мы были недалеко от истины, — кивнул Альт. — Вопрос только в том, как они собираются его провести, едва ли в мире осталось арцита на четыре пьедестала.

— Нет, такие пьедесталы уже есть — твердо сказал Лекс. — Они нашли последнее убежище Ктара и сейчас переезжают туда, готовые к последней части ритуала.

— О, — Альт выглядел растерянным, видно было, что он хочет возразить, но чем больше алхимик думал, тем мрачнее становилось его лицо. — Да, похоже на то, — мрачно заключил он.

— И все равно многое непонятно, — Лекс, наконец, оторвался от полотна и пошел вдоль столов, указывая рукой на некоторые изученные им листы. — Здесь очень много записей о призыве демонов, о сохранении материи, многое — на основе моего эксперимента в Академии, и совсем немного об опытах по скрещиванию демонов и людей... алхимиков, — юноша подошел к доске и задумался, правда, из размышлений его почти сразу вывел изумленный голос Эмилии:

— О, а эти формулы мне известны, — она указала на доску. — Погоди-ите, не просто известны — это мои исследования! Это я вывела, изучая феномен червоточины в летней резиденции.

— Похоже, они просто доработали эксперимент Ктара, — предположил Альт.

— Может, — задумчиво кивнул Лекс. — Эми, ты говорила, что твое подпрастранственное поле препятствует проникновению энергии Нижнего мира в Илион?

— Не только это, но, да, в том числе...

— Но при этом не препятствует проникновению демонов.

— Видимо нет, во всяком случае, не абсолютно...

— В таком случае, — совсем уж тихо заговорил Лекс, не отрывая взгляда от доски. — Может ли быть, что демоны, попавшие сюда не...

За дверью, через которую они вошли в комнату, послышались тяжелые шаги и голоса:

— Из этой лаборатории что-то выносим?

— Насколько мне известно — нет. Я уточню, а ты пока бочку туда поставь.

Дверь начала приоткрываться, кто-то спиной втискивался внутрь.

— Нет уж, давай, помогай! Потом спросишь. Знаешь, какая она тяжеленая.

Эмилия и Альт стояли у восточного выхода, Лекс — у западного, поэтому им пришлось разделиться, кинувшись к ближайшим дверям.

Сион чуть было не столкнулся с двумя наемниками, тащившими большую коробку. Юноша нырнул за бюст какого-то военного с выпученными глазами, дождался, пока люди пройдут и двинулся дальше, прикидывая в голове схему особняка, чтобы понять, как встретиться с Эмилией и Альтом.

Встреча произошла довольно скоро, проблема была только в том, что соратники были на другом конце коридора, а между ними и Лексом, на лестничном пролете дежурило четверо наемников. Пока юноша думал, что делать дальше, за спиной послышались шаги, пришлось спешно уходить.

Так, петляя по зданию, избегая встречи с наемниками, Лекс уходил все глубже в особняк, пока один из коридоров не привел его в место, где стены, обклеенные обоями или отделанные штукатуркой, сменились сводами из камня — будто бы вход в пещеру. Лекс повернул было назад, но из-за поворота показались двое людей. Они не заметили его только потому, что тащили тяжелую бочку и один из мужчин выронил свой конец из рук.

— Да, чтоб тебя! — возмутился его напарник. — Чедохлый-то такой?!

— Может передохнем? — взмолился собеседник.

— Потом отдохнешь. Слыхал, начальство уже на подходе, надо управиться в течение часа. Бери, давай!

Лекс поспешил убраться, а единственный путь — пещера. Оставалось надеяться, что наемники далеко заходить не будут или встретится развилка, и они с алхимиком разминутся. Но пещера вела только в одном направлении, да и старательные грузчики тащили свою поклажу все дальше и дальше.

Каменные своды кончились, уступив место стенам из гладкого, черного мрамора. Магические лампы светили здесь так тускло, что казалось, тоннель никуда не ведет и через пару метров закончится тупиком.

Впрочем, пусть и не через пару метров, но так и случилось. Проход уперся в гладкую, черную стену. Лекс неслышно чертыхнулся. Делать нечего, придется избавиться от случайных преследователей, и, по возможности, быстро убираться из особняка. Но только алхимик взялся за рукоятку меча, как его внимание что-то привлекло. Небольшие царапины на стене в углу. Если подумать, то, какое назначение этого коридора? Да еще в таком исполнении. Путь в тупик? Вряд ли. В темноте глаза Лекса блеснули и потемнели. Ага! На стене магический переключатель. Лекс коснулся его рукой. Что-то щелкнуло, послышался тихий скрежет. Это был не тупик — дверь. Стена приподнялась на полтора метра и застыла.

Шаги наемников были совсем близко, поэтому Лекс не раздумывая, пригнулся и зашел внутрь, рядом оказался еще один переключатель, юноша коснулся и его — стена опустилась обратно. По ту сторону послышались, едва различимые голоса. Потом что-то ударило об пол, видимо, поставили бочку. Минуту наемники возились за стеной, затем голоса стали удаляться.

Лекс осмотрелся. Он находился в просторном, круглом зале с низкими потолками. Все было выполнено в том же черном цвете, но теперь, при помощи зрения алхимика, Сион

понял, что вокруг не мрамор, а обсидиан — материал, плохо пропускающий измененную энергию звезд. Источники света, расположенные где-то на стыках стен и пола, едва разгоняли темноту. В середине зала мерцали — то вспыхивали, то угасали, разноцветные, овальные облачка: желтое, синее, красное, фиолетовое.

Лекс знал, куда он попал, хотя вживую этих устройств не видел, только читал о них. Портал душ. Когда-то подобные изобретения использовались для связи на расстоянии. Но со временем от них отказались. Они были чрезвычайно дороги в постройке и обслуживании, и со временем их вытеснило устройство телеграфа. Да, менее эффективное и удобное, зато значительно более простое.

Суть же Портала душ заключалась в следующем: имея специально настроенный артефакт-передатчик, можно было перенести свое сознание в такой вот зал, чтобы обменяться информацией с человеком, имеющим выход на этот канал. Расстояние для такой связи не было помехой, проблема таилась в измененной энергии звезд. Она сильно ухудшала сигнал, а поскольку со временем, в мире ее накапливалось все больше, экранировать такие обсидиановые залы, становилось все сложнее. И то, что сейчас видел Лекс, было настоящим произведением искусства. Комната была вырезана в монолите обсидиана.

Судя по количеству овальных облаков, портал душ имел четыре канала, что даже в давние времена было роскошью и редкостью.

Мерцание призрачных сгустков было вызвано присутствием Лекса. «Стерильность» помещения была нарушена. Облака рябили, исчезали и появлялись, роняя бессмысленные, незаконченные фразы. Лекс подошел поближе.

— Я... я... я... — заикалось красное облако. — Многим рискую, передава-ва-вая...

— Да, та-та-там мой агент, — включилось фиолетовое — несомненно, голос Кроне.

— Все долж-жно было... было пройти гладко, — снова красное. — Но вмешалась н-н-н-неизвестная перем-менная.

— В Астролде мы т-т-тоже были уверены-ны-ны, а в итоге... — заговорил синий.

Лекс постоял полминуты, но понял, что все равно ничего из этой околесицы не поймет, и уже хотел было уйти, но только он начал разворачиваться, как «заговорило» желтое облако. Юноша замер на месте, челюсти сжались, взгляд стал прищуренным и злым, на щеках заиграли желваки. Этот голос он не спугает ни с чьим другим. Тем более фраза, произнесенная чисто, без помех, была почти той же, которую Лекс услышал при первой встрече:

— Полагаю, лучший совет на данный момент — набраться терпения и ждать.

Сколько она уже здесь, пятнадцать, шестнадцать дней? Да, чуть больше двух недель. Ирин устало протерла глаза и стала натягивать белый халат. Девушка не отличалась суеверием, но сейчас готова была поверить, что ее кто-то сглазил, слишком уж неудачно складывалась жизнь за последние несколько месяцев. Но даже по сравнению с недавними событиями сейчас все было намного хуже. На краю света, в какой-то пещере-дворце, заниматься тем, за что она по доброй воле никогда бы не взялась.

Ирин ненавидела эту работу. Ненавидела людей, которые ее окружали — темные, неприятные личности. Ненавидела доктора Мура. Но больше всех — профессора Аватана. Старый хитрец наверняка знал, подо что подписывает свою ученицу, но и глазом не моргнул!

Впрочем, все начиналось не так плохо. Две с лишним недели назад ее привезли в особняк в горах — красивое, живописное место на границе Инамии и Верисии. В курс дела вводить не спешили. У Ирин было время осмотреться, привыкнуть. Подозрений, вроде бы ничего не вызывало, ну, разве что некоторые люди, живущие и приезжающие в особняк, выглядели как профессиональные убийцы. Но мало ли, может, показалось. Через день к девушке пришел заместитель Мура и повел ее в одну из лабораторий. Здесь занимались изучением влияния ауры Нижнего мира на живые организмы. Это было лишь одно из направлений научной деятельности. Всего научный проект насчитывал, как поняла Ирин, около шести областей. Мирсет познакомили с ее непосредственным начальником, и она приступила к работе.

Поначалу ей даже нравилось то, чем здесь занимались. Коллектив был, правда, несколько зажатым — никто ни с кем не общался, и вокруг всегда витала атмосфера напряжения. Но это с лихвой компенсировалось любопытными открытиями в области изучаемого предмета. Ирин не сталкивалась ни с чем подобным, хотя библиотека Академии по праву считалась самой передовой. Девушка с головой ушла в работу и даже не заметила, как постепенно начала затмевать своих коллег. Ей было даже удивительно, как эти люди умудряются топтаться на месте, имея такой объем данных. Это потом она поняла, что, просто никто не хотел выделяться.

В итоге вышло так, что всего через неделю весь значимый прогресс в исследованиях продвигался только благодаря Ирин. Тут-то ее и заметили. Мур вызвал девушку к себе, и с этого момента ее жизнь в особняке пошла наперекосяк.

Перво-наперво ей не понравился сам доктор — нервный, суетливый, неприятный в обращении. Он относился к людям, как к инструментам. Если Ирин добилась каких-то результатов в исследованиях или у нее что-то нужно было выяснить, то Мур становился приветливым и даже заискивающим, но только доктор получал желаемое, как его лицо тут же обретало отсутствующее выражение, и он мог вмиг оборвать разговор, нередко даже грубо, сказав, например, что у него нет времени на всякие глупости. Вообще Мур отличался крайне раздражительным характером. Если его не понимали с первого раза, а такое случалось часто из-за его манеры непоследовательно излагать мысли, упуская важные детали, то доктор мгновенно закипал и мог выражать свое негодование весьма грубым способом, в том числе и с применением оскорблений в адрес собеседника.

Но новый, неприятный начальник — это полбеда, можно привыкнуть. А вот к чему

Ирин привыкнуть категорически не могла, так это к новым условиям.

Через пару дней весь научно-исследовательский состав передислоцировали в новое место — куда-то на северо-восток. Упомянутый дворец-пещера — место мрачное, неприятное, но, вместе с тем, удивительное. Мрачная, старинная архитектура дворца, страдающая непомерным гигантизмом, что выражалось в высоких сводах, широких дверных проемах и больших, в человеческий рост, каменных блоках, соседствовала с убранствами природного происхождения — неудобными тоннелями пещер, сталактитовыми потолками и подземными озерами. До Ирин уже дошли слухи, что это было легендарное, последнее пристанище культа мерцающих. Здесь свою смерть нашел Ктар. Но девушка была не слишком впечатлена открытием. Во-первых, потому что ее передвижение по дворцу было строго ограничено, впрочем, свободного времени для изучения пристанища мерцающих у нее все равно не было. Во-вторых, Ирин ждали более серьезные потрясения.

Сразу по приезде Мур познакомил девушку с новым проектом, над которым ей предстояло трудиться. Он привел ее в просторную лабораторию, обустроенную, видимо, задолго до ее прибытия. В середине комнаты, квадратом, были выставлены металлические, массивные столы, они окружали неровную полость в полу. Слева, вдоль стены, стояли шкафы и тумбочки, их разделяла доска, исписанная мелом. У противоположной стены находились самые примечательные объекты лаборатории — семь стеклянных колб в человеческий рост. По роду деятельности Ирин случалось сталкиваться со всяким: страшными болезнями, мутациями, приходилось не раз заниматься вскрытием и прочее. Однако то, что она увидела в колбах, часто потом являлась в страшных снах.

Изувеченные чем-то совершенно чуждым людской природе, человеческие тела. Участки кожи покрывали образования, внешне похожие на гангрену, однако твердые по структуре, из некоторых конечностей торчали черные костяные наросты. Такие же, но меньшие по размеру, покрывали часть головы, лица и шеи. Покойники безучастно плавали в формалине, и никто не обращал на них внимания, видимо, все уже привыкли.

Мур пояснил Ирин, что главным проектом их деятельности является излечение от одержимости. Благодаря их достижениям, получилось заморозить процесс преобразования, но до конечной цели было еще далеко.

С этого момента у Ирин стало появляться все больше сомнений касательно, не только морально-этических норм происходящего, но и законности. Странно было, что ученые, каждый по отдельности или небольшими группами, работали над частью проекта, не имея доступа к другим исследованиям, руководители строго следили, чтобы работники не пересекались и не общались друг с другом. Было это как будто незаметно из-за большой загруженности каждого специалиста, но Ирин в последнее время из-за нервного состояния часто смотрела по сторонам и анализировала происходящее.

Второе, что не нравилась юной ученой — сомнительные подходы и результаты исследований. Не слишком-то все это походило на излечение одержимости. Сопоставив обрывки информации, Ирин пришла к выводу, что многие материалы исследований связаны не с изгнанием, а, наоборот, с призывом демонов. Конечно в медицине это обычное дело — прежде, чем найти вакцину, нужно изучить болезнь, выявить антиген, чтобы на его основе разработать агент. Но тут все было не так, не правильно, и чем больше Ирин работала, тем больше приходила к выводу, что таинственные наниматели преследуют цели сильно отличные от тех, которые заявил Мур.

Был еще один фактор, подавляющий волю Ирин. Путь звезд. Жуткий артефакт в виде

круглого, черного, ничего не отражающего зеркала, диаметром четверть метра. Во время войны один из разломов удалось стабилизировать и «заморозить», используя небывало сложную магическую формулу. Таким образом, артефакт стал, чем-то вроде окна в Нижний мир. Жуткое и уродливое изобретение, от которого сквозило злом и отчаяньем. Путь звезд всегда находился в лаборатории, рядом с местом Мура, старик будто не чувствовал исходящей от артефакта ауры. А вот Ирин эта сила каждый день иссушала до дна, и девушка всегда старалась держаться от Пути звезд, как можно дальше.

Серебряная чувствовала, что больше не может выносить всего этого напряжения и попыталась намекнуть начальству, что планирует покинуть проект. Мур отреагировал спокойно и насмешливо, в ответе его, пусть не прямо — косвенно, слышалось: «никуда ты отсюда не уйдешь». Впрочем, Ирин это и сама уже интуитивно понимал. И продолжала работать, больше ей нечего не оставалось.

В этот день настроение было хуже обычного. Работа не клеилась, мысли были путаны и цикличны. А ближе к обеду Ирин вообще впала в прострацию, замерев на месте и разглядывая тело в одной из колб.

Во время сражения с Астролдом в летней резиденции Лексом овладел демон, правда, юноша совсем не был похож на то, что сейчас плавало в формалине. Неужели со временем это изменится, и когда монстр окончательно завладеет алхимиком, Лекс превратится во что-то подобное? Чем больше Ирин всматривалась в покойника, тем явственнее в ее голове слышался шепот. Казалось, еще мгновение, и девушка разберет слова...

Из оцепенения Ирин вывел непривычно громкий и резкий голос Мура:

— Стой, где стоишь!

Ирин удивленно оглянулась. Сначала она увидела изумленное лицо Мура, затем причину происходящего. Оказывается, девушка задумалась и даже не заметила, что стоит рядом с Путем звезд. Из артефакта в ее сторону тянулись черные, конусообразные щупальца, они то извивались змеями, то становились неподвижными, как камень. В лаборатории воцарилась полная тишина, все наблюдали за происходящим, ничего подобного с артефактом еще не происходило. Ирин в ужасе отпрянула. Щупальца на мгновение вытянулись, напряглись и тут же рассыпались прахом, не оставив после себя ни следа.

Инцидент оставил неизгладимый отпечаток на и так уже пошатнувшееся моральное состояние Ирин. Руки ее дрожали, лицо было блее мела. Видя все это, Мур совершил неожиданный с его стороны поступок. Он подошел к перепуганной девушке, коснулся ее руки и слащавым голосом сказал:

— Солнышко мое, на тебе лица нет. Не переживай ты так, ничего страшного не случилось, артефакт совершенно безвреден, — он обвел недовольным взглядом зевая, те, нехотя, вернулись к работе. — Знаешь что, я давно заметил — ты явно перерабатываешь, тебе нужен отдых, после обеда отлежись, как следует, отоспись, а завтра приступишь с новыми силами. Договорились?

Ирин безучастно кивнула и побрела к выходу из лаборатории.

Дальше произошло еще одно удивительное обстоятельство. Мур, который не принимал пищу в компании и, кажется, в столовой вообще никогда не появлялся, в этот раз подсел к Ирин и целый час проболтал с ней о всякой всячине. Впрочем, разговор этот носил весьма нацеленный характер, просто девушка из-за своего рассеянного состояния не замечала этого. Но позже, вечером, валяясь в своей постели, вместо того, чтобы пойти ужинать, ей вдруг припомнилась эта беседа. Болтая о разных мелочах, Мур навязчиво возвращался к теме алой

серпянки. Расспрашивал Ирин о ее исследованиях, спрашивал о произошедшем в Последнем Пределе, но больше всего интересовался, как заразилась и переносила болезнь сама Ирин. Выведав все, что ему было нужно, Мур в своей манере резко потерял интерес к разговору и удалился.

Ирин была психологически истощена, мысли были вязкими, сложно было сосредоточиться на чем-то одном. Однако на краю сознания зарождалась тревога, связанная с этим обеденным разговором. Что-то страшное таилось во всем этом, но, что именно, девушка никак не могла понять.

Бросив попытки заснуть, Ирин отправилась, пожалуй, к самому неожиданному месту во дворце — купальням, построенным вокруг горячих источников в пещере. В раздевалке девушку неожиданно осенило. Мура интересовали не столько исследования Ирин и изобретения лекарства от алой серпянки, ему была интересна сама природа болезни. Это ведь тоже порождение Нижнего мира.

Девушка открыла свой шкафчик, протянула руку и замерла. Реакция Пути звезд! Очевидно, она связана с Ирин. Алая серпянка — часть нижнего мира, ее возбудителя можно представить, как микрофлору, микробы. Значит! Значит Ирин была в какой-то мере одержима, вот почему Путь звезд «потянулся» к ней. Возможно в серебряном алхимике до сих пор жили «бактерии» Нижнего мира. И тогда... Тогда Мур рассматривает ее, как очередную подопытную, только лучше — она была жива.

Ирин сковал ужас, дыхание стало тяжелым, в голове поднимался шум, правая рука онемела. Девушка почувствовала ледяной холод. Нет, это уже слишком. Мирсет посмотрела внутрь шкафчика, там, где ее рука скрывалась за халатом, выглядывало что-то чуждое и страшное. Левой рукой Ирин отодвинула одежду. Все происходило, как во сне. На полке, между принадлежностями для мытья, стоял Путь звезд. Артефакт черными щупальцами обвил правую руку девушки. Ирин задохнулась от страха, дернулась — Путь не пускал. Шум в голове становился все нестерпимей, сознание плыло. Щупальца уже достигли плеча и тянулись к шее. На тело навалилась невыносимая усталость. Ирин на мгновение закрыла глаза, а когда открыла их вновь, обнаружила себя на влажной, черной земле.

Мирсет осмотрелась. Вокруг, сколько хватало зрения, простиралась черная, лысая равнина, вздыбленная в некоторых местах невысокими холмами. В склизкую, вязкую землю то тут, то там, были воткнуты кольца, на которых висели человеческие тела. Ближайшее такое распятие было всего в нескольких метрах от Ирин. Девушка присмотрелась. Нет, человека существо напоминала лишь отдаленно. Две тонкие руки и ноги, суставы вывернуты в обратную сторону. Голова была маленькая и сильно вытянутая вперед, почти на полметра, на ней не было ни ушей, ни глаз, только маленький, круглый рот или нос, сложно было сказать. Из него лилась черная вязкая субстанция.

Послышались частые, чавкающие звуки. Из-за холма появилось уродливое существо на четырех длинных, задранных суставах кверху, как у паука, лапах. Монстр быстро приближался к Ирин, девушка вжалась в землю. Но чудовище не обратило на нее никакого внимания, оно подползло к распятию, расставило свои лапы так, чтобы его перепончатое, серо-коричневое тело опустилось ниже. Туловище спереди раскрылось словно цветок с тремя лепестками, изнутри вылезла толстая, червеобразная голова с двумя жгутиками по бокам от круглой, беззубой пасти. Существо потопталось на месте, будто прицеливаясь, приблизилось к телу на распятие. Жгутики приподняли голову жертвы, пасть паукообразного существа резким движением присосалось к тому месту, из которого капала

черная слизь. Послышались, мерзкие причмокивающие звуки.

Ирин, в ужасе, на четвереньках, стала отползать назад. Поскользнувшись, несколько метров съехала вниз по склону холма, вскочила на ноги и побежала, что есть сил. Кожа горела, как от химического ожога, Ирин только сейчас поняла, что абсолютно голая. Но ей было уже все равно, сердце вырывалось из груди, такого ужаса она не испытывала за всю жизнь. Бежать, бежать, как можно дальше.

Ирин забралась на очередной холм. С него открывался вид на очередную равнину, усеянную распятиями, между которыми бродило несколько паукообразных существ. Что-то щекотало ноги, девушка опустила взгляд вниз. В земле, в черной жиже копошилось огромное множество белых червей или, нет, лучше сказать — многоножек. От отвратительного зрелища Ирин отвлек ровный, низкий гул, от которого, казалось, вибрировал воздух. Мирсет обернулась. На самом горизонте, но в искажённой перспективе — одновременно близко и далеко, возвышалась, соединяя черную землю и серое, рваное небо, призрачная, исполинская башня. Неведомая, злая сила крылась в ней. То, что нельзя познать, нельзя вместить в человеческое мышление. Чуждое всему живому, мерзкое, злое и одновременно притягательное.

Ирин заворожённо смотрела на исполина и даже не заметила, как к ней кто-то приблизился. Из оцепенения ее вывело теплое, шумное дыхание. Девушка повернулась. Перед ней стояло существо, немного похожее на тех паукообразных монстров, которых она видела недавно, только этот был крупнее, лапы словно из кости, голова без жгутиков, зато с тремя челюстями, раскрывающимися подобно цветку. Внутри, вместо зубов, колосилось бесчисленное множество тонких волосков. Чудовище запрокинуло голову и резко, позмеиному, бросилось к лицу Ирин. Сознание на мгновение вспыхнуло от ужаса, и мир вокруг девушки разом померк.

Когда Лекс через пещеру вновь вернулся в особняк, он почти тут же столкнулся с учителем. Вид у того был возбужденный и напуганный.

— Хвала Богине! — воскликнул Альт, не слишком заботясь о скрытности. — Скорее Лекс, нужно убираться отсюда. Прибыла какая-то важная шишка на дирижабле, — говорил он уже на ходу. — С минуты на минуту они закончат сборы и подорвут здесь все.

— А где Эмилия?

— У пещеры, о которой я говорил раньше. Караулит тебя там, на случай, если мы разминемся.

— Ага. Так подожди, — Лекс вдруг остановился и посмотрел на ведущую вверх лестницу. — Важная шишка, говоришь? — задумчиво продолжил он, представляя в голове примерную схему особняка. Где-то в середине здания, на уровне третьего этажа, был пристроен длинный мостик-причал, дирижабль наверняка пришвартовался там.

— Ты иди к Эмилии, — решительно сказал Лекс, направляясь к лестнице. — Мне нужно кое-что проверить. Ждите меня у пещеры, я мигом.

Альт даже не успел ответить. Лекс взлетел по лестнице на третий этаж, дальше, по длинному коридору в просторное, двухъярусное фойе, мимо наемников, которые тащили коробку и не обратили на юношу особого внимания, приняв за своего. Расчеты Лекса не подвели: из фойе он попал на причал. Юноша перешел на шаг и, обходя различные коробки и мешки, двинулся к дирижаблю. На середине пирса остановился и стал ждать.

У кабины наметилось какое-то движение, через полминуты дверь отварила, и на

лицу высыпали люди: двое с мушкетами встали по краям причала, один — чуть в стороне, положив руку на эфес шпаги. Следом за солдатами из кабины вышел Дориен. Он сделал несколько шагов вперед и со своей доброй, дежурной улыбкой посмотрел на Лекса.

— Как ты мог? — беззлобно сказал юноша.

— Не торопись, мой мальчик, — Дориен предостерегающе поднял руку. — Ты почти ничего не знаешь.

— Достаточно для того, чтобы назвать ваши методы отвратительными, а цели глупыми и опасными.

— Не стану спорить, — кивнул священник. — Люди, выполняющие мои поручения или, работающие вместе со мной нередко перегибают палку. Я никогда этого не одобрял. Но ты же понимаешь, управлять такой машиной, когда задействовано огромное количество людей и при этом до мелочей контролировать весь процесс — невозможно.

— До мелочей, — невесело усмехнулся Лекс. — Прекрати это безумие, Дориен, своими действиями вы нанесете Илиону непоправимый урон. Это не раз подтверждала история: мерцающие, последняя война, эксперименты моих родителей.

— Мы все это доработали и значительно двинулись вперед.

— Доработали? — Лекс негодуяше покачал головой. — Да в ваших исследованиях недочетов больше, чем у первокурсника, пытающегося создать вечный двигатель. Когда вы проведете эксперимент, поле, препятствующее прорыву энергии Нижнего мира, будет разрушено. Представляешь, к каким последствиям это может привести?

— Я согласен, — Дориен примирительно поднял руки. — Прорех много, и риск большой. Ну так и присоединяйся к нам, помоги! Твой опыт и твои таланты нам бы оченьгодились!

— Опыт и таланты? — Лекс злобно сощурился.

— И твоему учителю мы тоже будем рады, — Дориен указал за спину юноши.

Лекс обернулся. К ним очень медленно шел Альт, лицо его было сосредоточенно, он не отрывал взгляда от священника, одна рука алхимика пряталась в кармане.

— Боюсь, ваши методы мне не по душе, — криво улыбнулся Лекс.

— Оставь ненужное сейчас честолюбие! — воскликнул Дориен, порывисто махнув рукой. Лекс, наблюдавший за стариком много лет, знал — взрыв наигранный. — Ты не представляешь, чего я добиваюсь! Любые риски меркнут перед этим, многие методы допустимы!

— В последнее время я слишком часто слышу про цели и средства, — досадливо поморщился Лекс.

— Но это правда! Ты убедишься. Пойдем со мной, и я объясню все в подробностях.

— А, что тут объяснять? — лицо Лекса перестало что-либо выражать, голос стал холодным и невыразительным. — Вы просто кучка психов, возомнивших, что могут решать судьбу мира. Убивать, калечить, ломать, не забыв, конечно, прикрыться какими-нибудь высокими целями. Все это не ново.

— Что ж, — лицо Дориена тоже поменяло выражение, теперь священник смотрел тяжело и мрачно. — Ты не оставляешь мне выбора. Когда-нибудь, когда все поймешь, ты простишь мне эту грубость. Ты умный и талантливый мальчик, я всегда ценил в тебе это, жаль сейчас твоя проницательность тебя подводит. Ребятки.

Последнее было сказано стражам, один из них медленно двинулся к Лексу. Алхимик потянулся к внутреннему карману, но двое других солдат тут же взвели курки ружей.

— Не дури, Лекс, — строго сказал Дориен. — Давай решим все мирно.

— Нет уж, — тихо пробубнил юноша. — Мирно не получится.

Напряжение нарастало. Все как-то забыли о присутствии еще одного человека и, как выяснилось — зря. Что-то с шипением пролетело над головой Сиона прямо к Дориену, но затем как-то неестественно дернулось, изменило направление и с глухим стуком упало между алхимиком и солдатами.

— Беги, Лекс, — прокричал Альт, прячась за ящики.

Дважды юноше повторять не пришлось. Он бросился назад. За спиной гроыхнуло — не взрыв, выстрел. Мимо. Второго не последовало, зато рванула шашка. Лекса кинуло ударной волной вперед, он перекувырнулся через плечо и укрылся за ящиком рядом с учителем, как раз в этот момент раздался второй выстрел, на голову посыпались деревянные щепки.

— Ты все вопросы решаешь при помощи динамитной шашки? — отряхивая волосы, спросил Лекс.

— У каждого свои трюки, — ответил учитель с улыбкой.

Щелкнул еще один выстрел, затем послышался треск, ломающегося камня. Лекс аккуратно выглянул из-за укрытия, а затем посмотрел под пирс. Взрыв повредил каменные опоры, крепящиеся под острым углом к скале. Конструкцию повело в сторону, и она стала разваливаться.

— Надо уходить, — прошептал Лекс, потянул Альта за рукав и, пригибаясь, двинулся к особняку.

Выстрелов больше не последовало. Юноша обернулся. Дирижабль отшвартовался от причала и медленно уплывал вверх. В дверном проеме кабины стоял Дориен. Он приложил руку ко рту и громко прокричал:

— Ты знаешь, где меня найти! Приходи и сам все увидишь!

— Давай, давай! — поторапливал, дергая за куртку учитель.

Добратся до здания они успели, но только вбежали внутрь, как прогремел еще один взрыв.

Прошло слишком много времени, Эмилия начала не на шутку беспокоиться. Наверное, разделяться была не лучшая идея. Теперь не ясно, что и думать. Нашел ли Альт Лекса? Может, они ушли другим путем? Конечно, они бы ее не бросили, но обстоятельства могли сложиться таким образом, что иначе поступить нельзя, и теперь алхимики ждут снаружи в надежде, что Эмилия догадается покинуть здание через пещеру. Что же делать? Уходить? А вдруг явится Лекс. Ох...

Не выдержав, Эмилия решила сходить на разведку, недалеко, так, чтобы хотя бы какое-то впечатление сложить о происходящем.

Долгое время девушка никого не слышала и не видела. Похоже, наемники начали покидать особняк. Это плохо, значит, скоро здесь все взлетит на воздух. Вдруг, в конце коридора, Эмилия услышала голоса. Прокралась чуть ближе, спряталась в эркере за вазой. В щелочку между стеной и тумбой девушка наблюдала за двумя наемниками, которые вальяжно расположились на пороховых бочках в атриуме и курили папиросы.

— ...Ты еще на третьем этаже не был, а я оттуда коробки с бумагами таскал. Чего я там насмотрелся, уф!

— Согласен, ну его на фиг, такую работу!

— Но платят-то хорошо.

— Это да, — философски протянул один из наемников, сплюнул, прыгнул с бочки и стал разминать затекшие ноги. — А знаешь, я тут подумал...

Он не успел поделиться своими мыслями, раздался грохот взрыва, затем здание сотряс удар, как будто что-то обвалилась.

— Что за хрень?! — возмутился второй наемник, тоже спрыгивая с бочки. — Начали что ли?! А, где сигнал, приказ?! А как же мы?!

— Не дрейф, — процедил сквозь зубы его напарник. — Что-то взрыв-то слабоват для наших бочек, — мужчина старался вести себя непринужденно, но было заметно, как он нервничает.

Они с минуту простояли в тишине, напряженно прислушиваясь к окружению.

— Видишь, я же сказал...

Тут здание сотряс второй взрыв, значительно мощнее первого.

— К черту! Разматывай фитиль, поджигай, и сваливаем!

Эмилия дождалась пока наемники уйдут, покинула свое убежище, обрезала фитиль и побежала вверх по лестнице. Когда она поднялась на третий этаж и вышла в центральный коридор, здание сотряс очередной взрыв, следом другой. Послышался громкий скрежет, удары камней.

Девушка в растерянности остановилась. Возвращаться или бежать дальше? Эмилия почти наяву видела, как утекает время, а решение все не приходило. Положение спас, показавшийся из-за угла Альт. Мужчина был весь в пыли, вид у него был несколько рассеянным.

— А Лекс? — испуганно спросила Эмилия.

— Он в порядке, — Альт подбежал к девушке и жестом указал на лестницу, пропуская ее вперед. — Нас разделило завалом, он пошел к другому выходу. Скорее, надо торопиться.

Еще один взрыв. Пол ушел из-под ног, здание застонало. Вернув равновесие, Эмилия направилась к коридору, ведущему в пещеру, но ее тут же схватил за руку Альт.

— Нет, здание обваливается в ту сторону, проход уже завалило, пойдем через центральный вход, других вариантов нет!

Они миновали несколько коридоров, уворачиваясь от падающей мебели и камней. Выбежали в просторный холл, дальше через двери, на улицу. Еще один взрыв. Эмилия мельком успела заметить, удаляющиеся повозки и дирижабль в небе.

Они бежали по неудобной, извивающейся лестнице, так быстро, как могли. Сверху грохотало, стонало и скрежетало, сыпались булыжники. Эмилия не удержалась и обернулась. Особняк навис над ними раненым исполином, стены по бокам обваливались и обломками летели вниз, со скалы. Девушка ускорила, стараясь не думать о нависшей угрозе.

Когда до подножья лестницы оставалось совсем ничего, за спиной раздался оглушительный грохот. Очередной взрыв или здание окончательно сорвалось вниз, разбираться не было времени.

Как только ноги Альта и Эмилии коснулись земли, все вокруг заволкло пылью. Грохот не прекращался. Эмилию что-то больно ударило в спину. Она повалилась на землю, сжалась калачиком, прикрыв голову руками, и стала ждать неизбежного, молясь, чтобы оно не наступило.

Дом совсем не изменился, такой же тихий, приветливый и уютный, разве что крыша в одном месте залатана, да крыльцо чуть переделано — чувствовалась мужская рука. Юноша нахмурился, мысль о том, что здесь бывают другие мужчины — помогают ей, любят — была неприятно, но он поспешно проглотил это чувство. Во дворе тоже без изменений: банька, сарайчик, дровница. Даже дрова по участку были разбросаны так, будто Торн никуда и не отлучался.

Юноша, затаив в груди смешанные чувства от страха, до радости, постучал в дверь.

Она оказалась дома. Такая же свежая, сильная, страстная. Сколько восторга было в ее взгляде, сколько любви! Сердце Торна сжалось от счастья. Он хотел вечно хранить в памяти этот момент. Адела не дала толком полюбоваться собой, тут же бросилась на шею и стала покрывать лицо юноши поцелуями. Потом постояли в тишине, наслаждаясь близостью, такой хрупкой и невесомой и вместе с тем, самой надежной, что есть в мире. Наконец, Адела легонько отстранилась и тихо, пряча взгляд, сказала:

— От тебя пахнет дорожной пылью и лошадьё. Иди в баню, вода нагрета, а я пока приготовлю ужин.

Торн покраснел, он тут же почувствовал себя громоздким, неуклюжим, неуместным рядом с этой женщиной. Но смущение растворилось в порывистом поцелуе.

— Только не задерживайся, — игриво сказала Адела, убегая в дом.

Торн зашел в баню, зажег свечу — на улице было уже темно, и стал раздеваться. Взгляд его вдруг упал на правую руку. Как он мог забыть?! Боль и шум в голове вернулись. Адела приняла его калекой, полюбила, но, что она скажет и подумает, увидев это?

Юноша с отвращением рассматривал уродливую конечность, шепот в голове был все настойчивее, боль — нестерпимее. Вдруг внимание Торна привлекло какое-то движение во дворе, тень шмыгнула от сарая к бане. Сумеречный похолодел от ужаса, боль ушла на второй план. Он вспомнил, как ему показалась слезка на вокзале в Патале, но тогда он решил, что это игра воображения, слишком юноша спешил на встречу с возлюбленной. Он привел врага в дом!

Определенно это был не Вереск. Ментора Торн вряд ли заметил бы и, уж тем более — не услышал. Похоже Син! Юноше даже почудилось, как в темноте мелькнули его тухлые, насквозь прогнившие глаза и злобная, кривая усмешка.

Так, надо успокоиться, решить, что делать. Первое — понять сколько их. Разобраться с теми, кто идет к нему, затем — быстро в дом, Аделе наверняка грозит опасность. Торн пальцами затушил свечу.

— Ах, черт! — нарочито громко сказал он. — Что ж ты гаснешь-то постоянно. Так, где спички-то?

Торн начал рыться в своих вещах, потихоньку обнажая клинок, он слышал, как приотворилась дверь, холодный, весенний ветерок, неприятно лизнул спину.

Четыре шага. Противник не будет торопиться, боясь быть замеченным. Два выдоха. Один. Клинок незаметно покидает ножны, ныряет в левую руку, правой сумеречный еще не доверяет. Второй. Торн почти чувствует, как его касается чужая ладонь. Резкий разворот. Оттолкнуть противника, отразить удар и атаковать самому. Клинок мягко пронзает живот и с глухим стуком упирается в деревянную стену. Правой рукой Торн прижимает противнику

грудь.

Из-под туч выглянула печать Ааса, особенно яркая в это время года. Свет ее неестественно ярко залил помещение. Первое, что бросилось Торну в глаза, заляпанная красным, белая ночная рубашка. Торн резко посмотрел в лицо противника. Холодные, мертвые глаза Сина, растаяли в серебристом свете, уступив место испуганному лицу Аделы.

— Почему? — прошептали она, выпустив с краешка губ струйку крови.

Торн в панике стал разглядывать лицо девушки, как бы ожидая разувериться в произошедшем.

— Нет, — простонал он, не в силах сдерживать всепоглощающую волну ужаса, рвущуюся из груди. — Адела, — Торн приблизился к девушке, пытаясь придумать, что делать дальше. Ее глаза вдруг широко раскрылись, в них сияли черные провалы, рот со страшным, скрипучим звуком раскрылся, там, в несколько рядов, блестели кривые, острые зубы. Шея девушки неестественно вытянулась, голова метнулась к Торну.

Юноша с судорожным вздохом вскочил на кровати. Минуту смотрел в одну точку, восстанавливая дыхание. Все тело было липким от пота, голова раскалывалась от боли.

Проклятые кошмары были все реалистичнее, требовалось много времени, чтобы прийти в себя, отличить сон от яви.

Торн поставил ноги на холодный пол и долго сидел, разминая левой рукой виски. Боль не уходила. Голоса шептали. Юноша понял, что боль так просто не уйдет, вздохнул, поднялся и отправился в купальню, благо было недалеко. Почти час простоял по холодной водой, пока тело не онемело, а боль, вместе с шумом, не притупилась. Это был уже привычный ритуал. Дальше — одеться и идти завтракать, а затем — рутина и безделье.

После задания по возвращению Камня страданий, Торн не участвовал в полевой работе, его почти сразу отправили во дворец Ктара, который юноша ни разу с тех пор не покинул. И поскольку доктор Мур потерял всяческий интерес к своему подопытному, медицинское обследование стало носить чисто формальный характер, многочисленные тесты вообще закончились, и большую часть времени сумеречный был представлен самому себе.

Сначала юноша много тренировался, гулял по дворцу, но вскоре его состояние резко ухудшилось. Только он стал привыкать к легкой дезориентации, почти неосознанному шепоту в голове и еле заметной боли в правой руке, как что-то случилось, весь мир, будто обезумел. Демоны, разломы, сияющая красными точками печать Ааса.

Торна же стали мучать галлюцинации, страшные головные боли. Ночные кошмары не давали восстановить силы через сон. Юноша чувствовал, что сходит с ума. Врачи или ученые пожимали плечами и говорили, что все идет согласно плану и скоро «ощущения, приносящие дискомфорт» уйдут. Торн был уверен — ни одна из этих крыс в белых халатах не вынесла бы этих «ощущений» и дня, но молчал, сделать он все равно ничего не мог.

Не дать тьме поглотить себя помогали только мысли об Аделе. Юноша очень за нее переживал. В Верисии было не спокойно, а столицей зарождающейся революции стала Патала. В последнем письме Торн просил не выезжать в город ни по работе, ни по каким-либо другим делам. Но теперь, с появлением разрывов, сомневался в правильности совета. Похоже, в Илионе не осталось безопасных мест.

Торн думал сбежать отсюда, бросить все к демонам, вернуться к Аделе. Но сможет ли он защитить ее в таком состоянии? Да и не понятно, что вообще с ним будет дальше. Юноша уже не строил никаких иллюзий — Муру и его команде было на него наплевать. Что ж оставалось одно — ждать своего шанса. Тем более, что все вокруг закрутилось, был близок

какой-то исход. Какой — непонятно, но что-то точно случится. Надо быть готовым.

После полудня боль, на удивление, ушла, сознание прояснилось. Это было впервые за последнюю неделю. Торн пообедал, в одиночестве, как всегда. Наемники и до этого не слишком его жаловали, а после того, как у него появилась новая рука и вовсе сторонились. Дошло до того, что, когда он заходил в столовую или душевую, присутствующие тут же покидали помещение. Связано это было не только с рукой, в последнее время Торн выглядел, как живой труп, да ещё и говорил сам с собой, вел себя странно.

Впрочем, до мнения окружающих сумеречному было последнее дело.

Состояние бодрости требовало деятельности, толкало Торна на активность, юноша же не стал сопротивляться и с удовольствием отправился на тренировку. Занимался четыре часа. Это было словно праздник. Сила вновь наполняла тело, разум очищался. Обреченность, подавленность и безнадежность уступали место оптимистичным мыслям и надежде. Все как-нибудь устроится, наладится. Он найдет выход.

Торн закончил тренировку, умылся, отправился на непонятно для кого необходимые процедуры, а затем сразу вернулся к себе в комнату, в надежде, используя случай, лечь пораньше и, наконец, постараться выспаться.

Мысли об Аделе постепенно начали путаться со сновидениями, сначала спокойными, но путанными и непонятными, затем все более тревожными. Образы все больше обретали красно-черные оттенки, вокруг нарастал стальной скрежет. Снова ржавые шестеренки начали приводить в движение гигантские механизмы, перемалывающие плоть или те, которые сшивали ее, конструировали страшных тварей из кожи с тонкими, острыми конечностями, похожими на сгнившие кости. А над всем этим возвышался исполинский черный вихрь.

Торн открыл глаза. Было холодно, правая щека саднила, в голову будто вылили расплавленный свинец. Юноша приподнялся и осмотрелся, он находился посреди пещеры, тьму еле разгонял магический факел напротив, его зеленоватый свет едва заглядывал дальше трех метров. Торн с трудом поднялся, но стоять было невыносимо. Он сделал несколько шагов и обессиленно привалился к стене, на которой висел факел. Тяжело опустился на пол, в глазах все плыло. Левая рука сжимало что-то маленькое и мокрое. Торн разжал ладонь, внутри лежала голова крысы с частью позвоночника. Юноша выкинул ее в сторону, прислонил затылок к прохладному камню и безучастно уставился в одну точку. В измученном сознании возникла ясная мысль: очень скоро тьма поглотит его разум.

Лекс сидел в позе лотоса посреди черной комнаты. Границы: стены, потолок, пол все было призрачным и неосязаемым. Все погружено в темноту, но при этом она не давила на глаза, не ограничивала обзор, просто смотреть было не на что.

За спиной раздался низкий шипящий голос:

— Приветствую.

— Ах, — Лекс сокрушенно уронил голову на грудь. — Весенний Галлаф же! Как я мог забыть?!

Недавние события постепенно выстраивались в голове. После того, как их с учителем разделил завал, Лекс направился на верхние этажи особняка в надежде выбраться тем же путем, которым они сюда попали. Однако очередная серия взрывов отрезала ему это направление. Юноша, огибая завалы и, уворачиваясь от падающих камней, мебели и деталей интерьера, стал пробираться вниз. Поразмыслив, он решил, что поставка продуктов питания

и вывоз мусора вряд ли совершались через центральный вход. Лекс припомнил, как они с Альтом и Эмилией проходили банкетные залы, переделанные под лаборатории, а один — под столовую. Значит, кухня где-то там, в левом крыле здания. Интуиция не подвела алхимика, плита, печь, холодильник, многочисленные, металлические шкафы с продуктами, не оставляли сомнения в предназначении помещения. Двустворчатая, легко открывающаяся в обе стороны дверь, вывела к просторному спиральному спуску. И, казалось бы, вот она свобода, близко. Однако конструкция здания не выдержала, по стенам тоннеля пошли крупные трещины, потолок стал обваливаться. Лекс уже видел выход, до него метров двадцать, но тут что-то больно ударило по затылку, в глазах потемнело, юноша повалился в пыль, потерял сознание и следующее, что он увидел была та самая черная комната. Что ж, по крайней мере остался жив, во всяком случае, пока.

— Галлаф? А, нет, дело не только во времени, когда грань между нашими мирами ослабевает, — продолжал голос за спиной. — Твои собраты нарушают законы природы, границы слабеют. Это приведет к катастрофе.

— Это я и сам понимаю, — вздохнул Лекс, вставая. Страх уже не было, только легкое раздражение — как это все не вовремя. — И как раз пытаюсь исправить.

Алхимик обернулся, как и ожидалось, перед ним стояла его почти точная копия. Двойник усмехнулся и саркастично спросил:

— И как успехи?

— Все шло в нужном направлении, — уклончиво ответил Лекс. — Пока я не встретил тебя.

— Ну-ну. Ладно некогда заниматься ерундой. У меня есть к тебе предложение.

— Слушаю.

— Как я уже говорил, то, что планируют твои противники приведет к катастрофе, причем для обоих миров.

— Вот как?

— Да. То, что вы называете энергией звезд — яд для нашего мира, он сводит нас с ума, нарушает законы нашего существования, убивает нас.

— То же для нас и аура Нижнего мира, — нахмурившись, кивнул Лекс.

— Верно. Потому, разрыв такого масштаба приведет к непоправимым последствиям для обоих миров.

— В чем же заключается твою предложение?

— Знаешь ли ты, где мы находимся? — двойник обвел помещение руками.

— Что-то вроде моего подсознания? — предположил Лекс, посмотрев по сторонам.

— Нет. Это граница миров. Твоя знакомая, та, которая почему-то сильно влияет на тебя, называет это подпространственным полем.

— О-о, — протянул Лекс, пропустив мимо ушей, саркастическое «сильно влияет». — Так это вполне осязаемое место, в смысле, сюда можно попасть?

— И да, и нет, но это сейчас не так важно. В нашем мире находится артефакт способный разрывать связи между мирами, с его помощью можно создать разрыв.

— Зачем мне это?

— А как ты планировал пробраться в убежище врага? С мечом наголо и святым словом на устах?

Лекс крепко задумался, а двойник, понял, что попал в нужную точку и коварно продолжил:

— Это не все на что способен артефакт. Он может разорвать и нашу с тобой связь.

— И ты так просто говоришь мне об этом? — нахмурился Лекс. — Не ты ли так стремишься завладеть моим разумом?

— Того требует природа каждого существа нашего мира, — кивнул двойник. — Но лишь тогда, когда мы соприкоснемся с энергией звезд. Я уже говорил это, мы теряем разум, возвращаемся к первородным инстинктам. По странному стечению обстоятельств мы с тобой слишком долго вместе. Так случается редко. Сомневаюсь, что такое вообще бывало, — проворчал демон, но тут же вернулся к прежнему тону:

— В общем, неизвестно, с какими трудностями ты столкнёшься в пристанище сумасшедшего алхимика, любая помощь не будет лишней. К тому же, я думаю, этот артефакт сможет вмешаться и нарушить процесс ритуала, который готовят твои противники.

— Что ж, — осторожно начал Лекс после некоторого молчания. — И ты отдашь мне его?

— Нет, — усмехнулся двойник. — Во-первых я не могу попасть в наш мир, я застрял здесь, — он обвел взглядом пространство вокруг. — А, во-вторых, никто из мне подобных до артефакта дотронуться не может.

— Значит?.. — недовольно проговорил Лекс.

— Значит, ты должен сам забрать его.

— Ха-ха, ну, конечно, спуститься в Нижний мир. А я-то думал, в чем подвох?!

— За долгое время пока мы вместе, — как ни в чем не бывало продолжал двойник. — Я выработал некоторое сопротивление влиянию вашего мира, возможно с тобой случилось то же самое.

— О, возможно? А, может быть, это ловушка? Что с тобой будет, если я сойду с ума и сгину в Нижнем мире?

— Я освобожусь.

— Пф.

— Но, если, ритуал твоих противников удастся, что мне моя свобода? Скорее всего я погибну. Или, все что мне привычно, погибнет. Для таких, как я, это одно и то же.

Лекс опять задумался, чтобы сосредоточиться, стал ходить взад-вперед, будто находится во вполне привычной обстановке, скажем, какого-нибудь кабинета или комнаты гостиницы.

— Там у них наверняка целая армия, — начал вслух размышлять он, все больше погружаясь в себя. — Пробраться, даже скрытно, будет непросто. К тому же есть шанс избавиться от тебя. Без обид, — двойник лишь слегка ухмыльнулся. — Если ты, конечно, не врешь. Но в Нижнем мире я могу не протянуть и минуты...

Лекс резко остановился и, уставившись в одну точку, задумчиво сказал:

— Не знаю, мне надо подумать.

— Думай быстрее, времени почти не осталось.

Очертания комнаты начали расплываться, тьму размывала молочная кисея. Все вокруг залило белым светом, от яркости защипало глаза. Лекс почувствовал запах пыли и тупую ноющую боль в затылке.

Син лениво бродил по обломкам, стараясь удержать равновесие. Поморщившись, он посмотрел на небо. Пора бы заканчивать, скоро тут будут власти Инамии.

Его группа должна была сопровождать последний обоз, но в последний момент начальство поручило осмотреть завалы. Во-первых, чтобы замести следы, если таковые

остались, а, во-вторых, убедиться в наличии или отсутствии тел двух алхимиков, похоже, тех, которых черная бригада встретила в Последнем Пределе, а позже в Бронте.

Первого, того, что постарше, нашли почти сразу, под завалом. Под каменными плитами образовалась полость, в которую вело маленькое — и голова человека не пролезет, — окошко. Через него было отчетливо видно тело, заваленное камнями, признаков жизни алхимик не подавал.

Отряд Сина провозился еще час, но больше ничего не нашли. Если под этими гигантскими завалами что-то и осталось, вряд ли это когда-нибудь обнаружат. Лейтенант уже хотел отдать приказ закругляться, но тут недалеко от места, где покоился обнаруженный алхимик, началась какая-то возня. Син поспешил туда.

— Что такое? Второго нашли? — спросил он, отодвинув в сторону одного из подчиненных, мешавшего обзору.

Двое других наемников сдвинули массивную, каменную плиту. Что-то с глухим звуком обвалилось и посыпалось.

— Осторожнее! — предостерег один из мужчин. — Обвалится все. В сторону, сюда кидай!

Из-под завала появилась голова, вся в пыли и каменной крошке. Однако Син сразу узнал девушку, которая пару недель назад покалечила его людей при помощи артефакта, а затем убила группу надзирателей и сбежала. Лейтенант был в бешенстве, когда узнал об этом, он, как и его командир терпеть не мог незаконченных дел, тем более на девчонку у него были большие планы. Что ж судьба проявила к Сину благосклонность.

Девушка приняла, протянутую одним из наемников руку, выбралась из завала и тут же упала на колени, откашливаясь от пыли. Син подошел вплотную, присел на корточки, грубо схватил беглянку за волосы и задрал ее голову так, чтобы она видела его лицо. Сначала в глазах девушки отразилось недоумение, затем отвращение и злость. Син хищно улыбнулся. «Ничего, — подумал он. — Скоро здесь останется только страх». Затем лейтенант обернулся и громко сказал:

— Заканчиваем! Девку в грузовой фургон. И связать, как следует, глаз не спускать. Она волшебница.

Голоса людей удалялись, послышалось ржание лошади и скрип телеги. Но только когда все звуки стихли, Альт открыл глаза и осмотрелся. На первый взгляд все очень плохо: маленькую полость в обвале почти полностью занимала огромная плита, под которой лежал алхимик. Но странное дело, боли он совсем не чувствовал. Альт попробовал пошевелиться, руки, ноги — все цело. Видимо плита не расплющила его, оперившись на какой-нибудь камень. Да так и есть, вот ее опора — булыжник гранита, кажется — часть лестницы. Что ж надо выбирать.

Действовать приходилось очень осторожно. Любое неверное или поспешное движение могло похоронить здесь Альта навечно. Благо выручал опыт, алхимик проработал в пещерах большую часть своей карьеры.

Из-под плиты выбрался, пусть и медленно, зато без затруднений. Осмотрел себя, вроде все цело. И то хорошо. Дальше предстояло выбраться из-под завала, а это куда труднее. Альт полчаса что-то вымерял, рассчитывал, его лазурные глаза напряженно осматривали пещерку. Наконец, алхимик вздохнул, кивнул сам себе и принялся за дело. Он установил возле большого, треснутого камня склянку, похожую на миниатюрную версию горелки, аккуратно,

ножом вырезал в пробке маленькое отверстие, тут же заткнул его кусочком ткани. Затем Альт отмотал кусочек вязкой нитки, закрепил один ее конец у пробки, другой — поджег зажигалкой, и быстро укрылся за плитой.

Послышался хлопок. Не взрыв, а именно хлопок, как при открывании шампанского, затем гроыхнуло, отовсюду посыпалась пыль и камни. Воздушная волна пробила проход в завале, и Альт смог, наконец, покинуть свое неуютное убежище.

Мужчина выбрался на поверхность, осмотрелся. Вокруг ни души. Альт рванулся было по еле заметным следам телеги, но быстро одумался, развернулся и побежал к холму, с которого несколькими часами ранее, они с Лексом и Эмилией наблюдали за особняком.

Его ученик был уже там. Он складывал алхимические ингредиенты в сумку, голова его была обмотана бинтом. Увидев учителя, Лекс поднялся и, нахмурившись, спросил:

— А, где Эмилия?

— Они забрали ее, — Альт досадливо и несколько раздраженно махнул головой за спину.

— Забрали? — тихо повторил Лекс.

Такого выражения лица у своего ученика Альт еще не видел. Страх, удивление и даже, как будто обида.

— Лекс, приятель, соберись. Нам нужно торопиться. Ты к Риону, я в Растию, в сенат. Нужно постараться убедить их в серьезности происходящего. Нужно добиться от них, чтобы их люди прочесали всю местность на севере и востоке, я уверен убежище мерцающих где-то там, недалеко отсюда.

— Разумно, — кивнул Сион. — Но к Риону пойдешь ты.

— Лекс в сенате Инамии у меня связи, а Рион...

— Я не пойду в Растию, — холодно перебил Лекс.

— Но... — растерялся Альт. — Как же?.. А куда?

— За Эмилией, — твердо ответил Лекс и продолжил собирать вещи. Повесил ножны, накинул плащ, Альт все это время смотрел на ученика, пытаясь подобрать слова, остановить его, но пока он думал, Лекс заговорил сам:

— У Риона сейчас хватает забот, так что, в первую очередь, расскажи ему про Дориена и про то, что его племянницу похитили, он непременно будет действовать, как и власти Инамии, когда увидят, что здесь произошло. Ну, все...

— Лекс, — остановил ученика Альт. — Это просто глупо, тебе не справиться в одиночку. Я тоже переживаю за девочку, но сейчас важно сохранить рассудительность.

— Я ее не брошу, — упрямо покачал головой юноша.

— Так никто и не говорит бросать! Нужно спешить за помощью.

Лекс молчал, смотрел на учителя и в то же время мимо. Альт знал этот взгляд: решение принято, и ученик уже думает о том, что будет делать дальше.

— Ты ведь даже не знаешь, где искать, — сдаваясь, проговорил Альт.

— Вообще-то, пожалуй, знаю, — Лекс машинально похлопал по нагрудному карману, где лежала записка, полученная от Дориена еще в Мисурии, там говорилось о местонахождении Неила. — Это место недалеко от Ринта, ищите там.

— Но, откуда ты?..

— В свое время Дориен сам дал мне подсказку. Я так легко добрался до особняка, — задумчиво говорил Лекс, глядя на развалины вдаль, — потому что старик понял — охотиться за мной нет смысла, я сам приду к нему.

Альт подошел к ученику, положил руку на его плечо и тихо спросил:

— Уверен, что должен идти один?

— Дело не в том, что один, — вздохнул Лекс. — Время терять нельзя...

— Все твои принципы...

— Нет, не принципы. Я... я...

Лекс не придумал, как закончить, отвел взгляд и замолчал. Минуту простояли в тишине, затем Альт, внимательно разглядывавший ученика, улыбнулся и бодро сказал:

— Ладно, только прошу, береги себя, мертвым ты ей не поможешь, — Лекс кивнул. —

А я постараюсь, как можно быстрее привести помощь.

— Ага, ты уж не задерживайся.

Неил часто гулял ночью по дворцу. Это место, мрачное, жуткое и загадочное манило и пугало одновременно. Мальчик быстро выучил маршруты, на которых не встретишь ни постов охраны, ни случайных обитателей, страдающих бессонницей. Ночь от ночи Неил изучал последнее пристанище жуткого культа мерцающих, все дальше продвигаясь внутрь пещер. Маршрут его, правда, ограничивался наличием волшебных, зеленоватых или желтых факелов. В темные участки пещер мальчик ходить не осмеливался, слишком высок риск, свернуть себе шею, споткнувшись о камни, или провалиться в какую-нибудь каверну.

Неил любил эти ночные вылазки, ведь здесь, впервые за несколько последних недель, он не чувствовал такого страха, тревоги и напряжения, которые мучали его со времен отъезда из Баруды.

Жизнь в Храме Юнии была прекрасна. Неил каждый день узнавал что-то новое. Занятия со священниками, иногда даже с самим архиепископом! Его обучали не только разным наукам, но и некоторым ремеслам и, к полному восторгу мальчишки — фехтованию. Неилу не терпелось увидеться с Лексом и похвастаться своими успехами.

Мальчик скучал по друзьям, благодаря которым его жизнь так переменялась, с ними он пережил самое захватывающее, увлекательное и одновременно страшное, приключение в его жизни. Но все разъехались, кто куда. Только магистр Сарида была рядом, частенько заходила в храм, навестить Неила или звала его к себе в гости, в поместье на окраине города.

Но и в храме у мальчика появились друзья и главный из них, от которого Неил был просто без ума — его наставник. Трэвор Игнис или просто Трэв — сам еще молодой парень, входивший в состав приближенных архиепископу людей. Неил не слишком еще разбирался в здешних порядках, но решил, что его наставник и наставник его наставника — хмурый и очень серьезный, темнокожий здоровяк Пирл — ближайшая охрана епископа Дориена.

С Трэвом Неил проводил большую часть времени и стал воспринимать его, как старшего брата. Чем-то юноша напоминал Лекс, только имел более открытый, веселый характер, был очень общительным и легким в отношении к жизни. Кстати говоря, Трэв очень часто вспоминал алхимика, видимо, для юного монаха Лекс был тем же самым, кем и для Неила являлся сам Игнис.

Радостные, беззаботные дни длились до тех пор, пока архиепископ не повез мальчика в Адэ. Вернее, так многие думали. На самом же деле, в Ските Дориен под строгой охраной и в совершенной секретности, что уже само по себе пугало и настораживало — с чего бы Неила так оберегать, отправил мальчика в Инамию. В самую дальнюю северо-восточную часть страны, в город Ринт. Никак этот поступок Его Святейшество не объяснил, сказал лишь, что приедет через несколько недель и все расскажет.

Неила поселили в небольшой, симпатичный особнячок с мезонином, фонтаном во дворе и небольшим садиком. Дни для мальчика с этого момента потекли медленной, однообразной вереницей. Из дома ему выходить не разрешалось, он даже город рассмотреть не смог. Занятий у Неила не было, даже посетителей не случалось. Вот и приходилось каждый день спасаться от скуки чтением, а, когда надоедало, бесцельными прогулками по особняку. В обязательный распорядок входило только принятие пищи, потому как хозяин дома непременно настаивал на том, что завтрак, обед и ужин должны быть совместными.

Хотя при этом он толком не общался со своим гостем и даже, как будто забывал о его существовании.

Это был старый уже мужчина с холодными, пронизательными глазами, которые всегда смотрели надменно и пренебрежительно. Звали его, кажется, Тардис, но он всегда требовал обращаться к себе: ваша светлость. Старик, несмотря на возраст, все еще старался придерживаться стати, хоть и заметно было, что давалось ему это с большим трудом. Еще одна отличительная особенность мужчины — он все время был не в настроении: раздраженным, желчным и капризным. Видимо, статус не позволял ему проявлять это в открытую, но скверное расположение духа всегда было очень заметным.

Как говорилось ранее, Тардис почти не разговаривал с Неилом, разве что, решая какие-то технические вопросы: когда мальчик пойдет мыться или спать, нужна ли ему какая-то помощь от прислуги. Но однажды, к большому удивлению Неила, старик, как бы с большой неохотой, заговорил о недавних приключениях мальчика в Последнем Пределе и Бронте. Особенно в этой беседе мужчина интересовался Лексом. Мальчику почему-то это было неприятно, чувствовалось в этих вопросах какая-то затаенная обида или недовольство. Поэтому Неил отвечал скупой и общими словами, старик нахмурился и, резко оборвав беседу, уткнулся в тарелку, явно жалея, что вообще затронул эту тему.

Через пару недель приехал архиепископ, и жизнь потекла веселее. Они продолжили, начатые еще в Храме Юнии занятия по контролю силы мальчика. Теперь у Неила успехи в этом деле были заметнее, он уже мог сдвинуть с места небольшой предмет. Конечно, даже для рядового волшебника это незначительное достижение, но епископ Дориен говорил, что у мальчика большой потенциал в самом сложном искусстве магии, которое почти не основывалось на измененной энергии звезд, и со временем, Неил научится перемещать предметы на значительные расстояния, манипулировать временем, ускоряя, останавливая и даже поворачивая его вспять. Мальчик продолжал усердно трудиться. Ему повезло, что у него был такой учитель. Пространственная магия считалась мифом, всерьез ее никто не изучал, поэтому данных накопилось очень мало и то, в основном — сказки, да легенды. Неил, например, ни в одной библиотеке Баруды не нашел даже малейшего упоминания об этом искусстве. А архиепископ знал многое, и не только в теории. Он давал большое количество полезных, практических советов. Поэтому учеба шла легко и давала видимые результаты.

Однако это длилось недолго, вскоре архиепископ покинул город. И вновь потянулись нудные, скучные дни. Бессмысленные блуждания по дому, чтение неинтересных книг, напряженные посиделки в столовой. И все же кое-что изменилось, перед отъездом Дориен сказал, что у Неила исключительная судьба, вскоре мальчик сможет принести Илиону покой и процветание. Как он это сделает и в чем заключается его роль, архиепископ не уточнил, но пообещал, что через неделю мальчика увезут из особняка в место, где его способности откроются в полной мере и там, священник посвятит его в великую тайну.

Стоит ли говорить, что Неила захватило небывалое волнение, радостное предвкушение. Шутка ли: вчера еще никому ненужный сирота, сегодня избранный, кому предназначено принести в мир процветание. Словно герой книги!

Томительное ожидание, наконец, закончилось, как и обещал Дориен, за мальчиком приехал экипаж, который возглавлял, к неопишуемой радости, Неила, его наставник — Трэв. Без длительных сборов и даже, не попрощавшись с Тардисом, отправились в путь по суровой, гористой местности северо-восточной Инамии. Через несколько часов перед

Неилом открылась удивительная картина, словно из фантастического романа. В основании монументальной, конусообразной горы со срезанной верхушкой, прямо в скальной породе, были высечены арка, три колонны и барельефы, такие большие, что содержание можно было разглядеть издали. К входу во дворец вела основательная лестница.

Когда фургон приблизился к фантастическому сооружению, Неил увидел, что величие дворца давно уже подтачивало время: барельефы потрескались и облупились, одна колонна развалилась, в середине лестница была разрушена до основания, здесь пролегал теперь подъем для саней и телег. Но все равно старый дворец оставался грозным и могучим, под стать окружающей северной природе.

Так началось пребывание Неила в самом мифическом месте новейшей истории Илиона — во дворце Ктара, возведенном, подумай только, почти четыре сотни лет назад.

Жизнь здесь тоже не отличалась большим разнообразием, зато была свободнее и интереснее. Во всяком случае, первое время. Исследование таинственного дворца и прилегающих пещер внутри, как оказалось, потухшего вулкана, возобновившиеся занятия по контролю своей силы и фехтованию. Все это первые дни отвлекало от нарастающей в сердце тревоги.

Но так не могло продолжаться долго, слишком много подозрительных вещей происходило вокруг. Началось все со случайной встречи в столовой с человеком, которого Неил впервые увидел внутри пещер Пика Славы, а затем в Бронте. Командир наемников — страшная и неприятная личность. Сложно было представить, что этот человек работает вместе с архиепископом на благо мира. Трэв, правда, объяснил позже, что их противостояние было, скорее всего, недоразумением. Насколько знал личный охранник Дориена, миссия капитана специальных сил Адэ заключалась в освобождении людей Обетованной, встреча его отряда с друзьями Неила — случайность, и, в общем-то, Гартис (так звали мужчину) ничего плохого не хотел, просто принял решение арестовать подозрительных людей, все время оказывавшихся в центре событий, до выяснения обстоятельств. Мальчик спорить не стал, но слова друга его, конечно, не убедили, слишком хорошо он помнил случившееся в Южном форте.

Впрочем, Неил решил не думать об этом, сконцентрировавшись на главном — на миссии по спасению мира. А для этого нужно тренироваться, что мальчик с удовольствием и делал.

Но через несколько дней случилось еще одно неприятное и пугающее открытие. Во время очередной своей ночной вылазки, Неил случайно увидел помещение, похожее на лабораторию, в котором стояла гигантская колба с жутким и отвратительным монстром внутри. Рассмотреть подробности не удалось, дверь в страшную комнату закрыли, Неила в этот момент никто не заметил.

Об этом случае мальчик не рассказал ни Трэву, которого в последнее время видел редко, ни Его Святейшеству, с которым встречался еще реже. Но с этого момента тревога все больше закреплялась в сердце Неила. Во всем он видел угрозу. Все вызывало опасение: угрюмые и злые лица обитателей дворца, частые отлучки архиепископа, таинственные эксперименты в строго охраняемых залах, витающее вокруг напряжение. Поделиться не с кем, спросить не у кого. Все они, а теперь и сам Неил — часть этого большого проекта.

Мальчик придумывал миллион оправданий, убеждал себя, что все идет, как должно, просто в силу неопытности многие вещи ему непонятны и вызывают тревогу. Но убеждения эти работали слабо. Неил не хотел ни с кем общаться, никого видеть, ему казалось, что его

подозрительность будет раскрыта, и тогда наказания не избежать. И вот дошло до того, что только ночью мальчик мог расслабиться и отвлечься, гуляя по пещерам.

Так было и в эту ночь. Правда, в этот раз Неил планировал вернуться в комнату значительно раньше, ведь архиепископ сказал, что завтра, рано утром, предстоят какие-то новые испытания. Только мальчик решил поворачивать назад, как в тоннеле, за поворотом послышались хриплые стоны. Сердце ушло в пятки. Неил привык уже к этому мрачному месту, и оно давно не вызывало страх, оттого звук пугал особенно сильно. Он повторялся время от времени. Как будто кто-то сдерживал крик боли. Неил судорожно вздохнул, голос госпожи Мирсет в голове строго произнес:

— «Не будь глупым, никаких призраков не существует, это все...»

Неил не помнил, что там за «все», но что-то логичное. Мальчик тряхнул головой и медленно пошел на звук. В конце концов, может, кому-то нужна помощь, а он стоит здесь и трусит!

Неил осторожно выглянул из-за угла. Под тусклым, магическим факелом сидел человек. Одной рукой он держался за голову, другая, безвольно лежала на камнях. Из одежды на человеке были только штаны.

Мальчик тяжело вздохнул и зашагал к незнакомцу, подойдя вплотную, он неуверенно произнес:

— Эм, здравствуйте... У вас что-то случилось?

Мужчина вздрогнул, бросил на Неила пренебрежительный взгляд, махнул рукой, будто отгоняя морок, и снова уткнулся в сгиб локтя. Мальчик в неуверенности простоял еще минуту и снова заговорил:

— Может, вам нужна помощь?

Незнакомец снова обратил на него взгляд, на сей раз смотрел дольше, после, хрипло сказал:

— Что б меня, похоже, ты настоящий... — он начал всматриваться в мальчика, прищурив глаза. — Погоди-ка, я тебя знаю. Ты тот самый мессия, оберегаемый святошами.

Незнакомец сипло рассмеялся, но тут же остановился, задумался, на его измученном лице появилась хищная усмешка. Неил и глазом моргнуть не успел, как мужчина оказался рядом, правая его рука сомкнулась на шее мальчика, холодная, шершавая, будто и не из человеческой плоти вовсе.

— Интересно, а что, если?.. — тихо проговорил незнакомец, сильнее сдавливая шею.

Ужас, затаившийся в груди Неила, сменился целой гаммой эмоций, которые постепенно уступали место чувству отстраненности, состоянию, когда все происходящее вокруг кажется сном. Что-то подобное мальчик испытывал в Малкусе, видя, как огненная стрела приближается к повозке, а позже, в Бронте, когда Неилу померещилось, как демон разрывает Лекса пополам. В ушах тонко засвистело, что-то готово было вырваться наружу. Но тут незнакомец отпустил мальчика, нервно потерев лоб, он снова привалился к стене.

— Прости, напугал тебя, — тихо сказал мужчина. — Мне, видишь ли, нездоровится, — он виновато посмотрел на Неила. — Если предложение помощи еще в силе, я бы воспользовался. Поможешь дойти до комнаты?

— Конечно, помогу, — хмуро ответил мальчик, подставляя под руку мужчины плечо.

До Ринта Лекс добрался за четыре дня. Дольше, чем рассчитывал. Путь осложнила погода. Начало весны отметились в этих краях обильными снегопадами и метелью.

Поскольку дальние рубежи северо-восточной Инамии было мало заселены, инфраструктуры здесь почти никакой не было, и ориентироваться на местности было нелегко, особенно в такую погоду.

Ринт — столица северо-восточной части страны, один из столпов промышленности. Во время первого посещения город показался Лексу не лишенным очарования. В основном из-за добродушного населения работяг, отличавшихся своей открытостью и непредвзятостью. Принимали здесь Лекса очень радушно. Сейчас же заводские цеха, трубы, невзрачные жилые дома, облысевшие и угрюмые городские парки и скверики — все, казалось, преисполнено мрачного ожидания. Напряжение притаилось в неосвещаемых переулках и ждало, давило своим липким, неприятным вниманием.

Лекс без труда нашел адрес, указанный в записке. Это была скромная, двухэтажная гостиница, зажата между зданием банка и книжным магазином. В тесном, обшитом деревянными, резными панелями фойе, алхимика встретил хмурый управляющий. Он лениво выглянул из-за стойки, осмотрел с ног до головы и неприязненно сказал:

— Могу чем-то помочь?

Лекс ничего не ответил, молча подошел к стойке, заставив управляющего занервничать, не слишком вежливо бросил на стол записку и стал ждать. Администратор осторожно взял бумажку, развернул, стал читать, глаза его постепенно расширились, он поднял взгляд на Лекса и нервно заговорил:

— Прошу прощения за невнимательность, — управляющий почтительно склонил голову. — Я сейчас же доложу...

— Нет, — грубо перебил Лекс, резкость и раздражительность его были вызваны не только последними событиями (особенно сильно на алхимика повлияла встреча с Дориеном и роль его давнего друга и наставника в этой темной истории с культом), но и тем, что юноша не спал четверо суток, сопротивляться влиянию Нижнего мира было, как никогда тяжело. — Никому, ничего сообщать ты не будешь. Отведешь меня в нужное место или я ухожу.

— Но у меня... — слабо пытался сопротивляться управляющий.

— Если решишь завести меня в ловушку, — твердо продолжал Лекс. — Не знаю, какие у тебя там предписания. Имей в виду, я подготовился к этой встрече основательно, — алхимик постучал по нагрудному карману, — и заберу с собой многих, тебя — в первую очередь.

Управляющий шумно сглотнул, протер платком лоб и неуверенно сказал:

— Хорошо, идемте, дайте только минуту одеться.

Ночные улицы города пустовали, что было неудивительно в такую погоду — метель не прекращалась ни на минуту, метала бестолковые снежинки во всех направлениях, бесцеремонно била в лицо, заползала под одежду. Снежная, беспокойная пелена накрыла город, притушила фонари, разогнала всех по домам и устроила форменный беспорядок: метала, рвала, кружила, билась о стены домов, пронзительно завывала в подворотнях.

Путь оказался неблизким, управляющий вел Лекса на самую окраину города, туда, где фабрики, цеха, различные конторы и прочее, уступали место уютному частному сектору. Здесь жили обеспеченные люди — управляющие регионом.

Два одиноких путника, невесть зачем вылезшие в такую погоду из теплых домов, подошли к богатому особняку. Возле главного входа, прямо за воротами, красовался фонтан. На взгляд Лекса помпезный и нелепый, как и многое вокруг. Управляющий уверенно провел

алхимика внутрь, шепнув что-то охраннику, в богато разукрашенном фойе их встретил статный, подтянутый мужчина в клетчатом пиджаке. Управляющий гостиницей извинился перед Лексом и раболепно засеменил к незнакомцу. Лекс напрягся, незаметно проверяя ножны меча. Но мужчины о чем-то пошептались и разошлись, администратор подошел к алхимику и тихо сказал:

— Следуйте за этим господином, пожалуйста.

Чопорный мужчина, который двигался так, как будто ему что-то мешало, провел Лекса на второй этаж, в просторный, но страдающий все той же помпезностью, кабинет. За высоким, массивным столом из красного дерева сидел старик. Лекс узнал его сразу, хотя прежде они никогда не встречались. Алхимик в детстве видел его портреты, которые встречались в родительском доме и позже у дяди Нокса. Конечно, обладатель громкого в Инамии имени и статуса постарел, но глаза смотрели все так же высокомерно и остро, осанка, несмотря на тяжесть лет, была по-прежнему горда и полна стати, а многие черты лица говорили о былой привлекательности. Несомненно, перед алхимиком был сам Тардис Старлетт, один из столпов современной власти Инамии, глава влиятельнейшего рода, и дед Лекса по материнской линии.

Сион поморщился и неприязненно сказал:

— Четвертый, значит...

Старик, судя по вопросительному взгляду, его явно не понял, но Лекс пояснять не стал, кивнул на закрывающуюся дверь и сказал:

— По всей видимости, времени у меня немного, так что перейдем к делу. Скажешь мне, где это чертово убежище, и я уйду.

— Тебя никто не гонит, — дипломатично заметил Тардис. — Наберись терпения и мои люди доставят тебя на место быстро и с удобствами.

— Предпочитаю путешествовать в одиночестве, — сухо ответил Лекс.

— Так безопаснее...

— Безопаснее? — усмехнулся алхимик, покачав головой. — С каких это пор компания сектантов-головорезов — залог безопасности.

— Прекрати ломать комедию! — Тардис неожиданно ударил кулаком по столу, приподнялся, намереваясь встать, но передумал и снова вернулся в кресло. — За этим проектом стоят величайшие умы современности и влиятельнейшие люди! Думаешь, все мы спим и видим, как бы уничтожить мир?! Все взвешено и рассчитано, все риски учтены. Мы принесем Илиону процветание!

— Старая пеня, — вновь усмехнулся Лекс. — Декорации новые, дураки те же. Каждый из вас преследует свои цели и интересы, и за ними вы не видите всей картины целиком.

— Дориан считает тебя умным человеком, — сквозь зубы проговорил Тардис. — Так, может быть, будешь соответствовать? За твоими убеждениями нет ничего, кроме глупого подросткового бунта. Ты позоришь мой род...

— Мне нет дела до твоего рода, — раздраженно перебил Лекс. — И до того, кто и кем меня считает. Я здесь по другому делу.

— Этот проект — наследие твоей матери! — не сдавался старик. — Ты и твой отец принесли ей смерть, я же...

— О, представляю, что бы она сказала, если бы узнала, что невольно приложила руку к вашему «проекту».

— Что ты знаешь о ней, щенок!.. — Тардис опять привстал с кресла, принимая

угрожающий вид, но Лекс снова перебил его:

— Знаю достаточно, чтобы быть уверенным — ей было бы невыносимо больно и обидно видеть, к чему привели ее исследования, в какие руки они попали. Но, самое главное, — поспешил добавить алхимик, не давая Тардису заговорить. — Ей было бы стыдно. В первую очередь — за тебя. За твою глупость, — Лекс подошел вплотную, опершись руками о стол и, нависнув над оппонентом. — Глупость, за которой стоит самонадеянное желание войти в историю, да еще с таким размахом! Изменить целый мир к лучшему! Эти слепые амбиции не дают видеть дальше собственного носа и непременно приведут к катастрофе.

— Я уже говорил, — пытался защищаться старик, но вид его уже не был таким надменным и уверенным, он, как будто сдулся, от чего выглядел совсем старым. — Все рассчитано...

— Говорил, — кивнул Лекс, злобно сузив глаза. — Но я здесь не за тем, чтобы слушать глупости. Как мне найти Дориена?

Тардис нервно облизал пересохшие губы и кивнул на аккуратно сложенную бумажку на столе. Лекс взял, развернул, это была карта. Он повернулся к выходу, сделал пару шагов, но вдруг остановился, что-то быстро обдумал и снова подошел к Тардису.

— Во главе проекта стоит Дориен?

Старик напряженно молчал и Лекс, кивнув сам себе, продолжил:

— Сельтус и Кроне не имели еще такого влияния и власти, когда это все началось. Остаются вы с епископом. Ты, я вижу, не понимаешь всей сути ситуации. Значит — Дориен, — Лекс полез в нагрудный карман, вытащил свой блокнот, положил на стол, прижав пальцами. — У меня не было тех сведений, какими располагали вы, информацию приходилось собирать по крупицам, поэтому здесь не все, лишь наброски, но и этого достаточно, чтобы доказать несостоятельность вашей теории. Чем больше я вовлекаюсь в это дело, тем больше думаю о том, что Дориен вас использует, преследуя свои цели, — Лекс тяжело вздохнул, снова нависая над Тардисом. — То, что он делает там, в убежище Ктара, нанесет непоправимый ущерб, в первую очередь — Инамии, но пострадает весь Илион. Тебе решать, что с этим делать, — юноша толкнул блокнот Тардису.

В коридоре послышался топот, Лекс нервно обернулся и напоследок спросил:

— Мальчик, который был здесь. С ним все в порядке?

Старик кивнул.

— Он в убежище Ктара?

Снова кивок.

Лекс распахнул окно и, не раздумывая, сиганул в завывающую темноту. Через секунду в кабинет зашел командир местной ячейки наемников:

— Ваше, эм, сиятельство, — проговорил он, в недоумении осматривая комнату. — Нужна ли помощь?

— Подите к черту, — раздраженно махнул рукой Тардис. Подождав пока дверь закроется и не обращая внимания на ледяной холод, врывающийся вместе со снежинками в раскрытое окно, старик, дрожащей рукой потянулся к блокноту.

Эмилия проснулась от саднящей сухости в горле, впрочем, состояние, в котором она часто находилось в последнее время, сложно было назвать сном. Скорее — полубредовое легкое беспмятство. Девушка обвела мутным взглядом свое жалкое жилище: металлическая клетка, три на три и высотой метра два. В холодной, просторной комнате, больше похожей на пещеру, таких клеток было четыре, но остальные пустовали.

Убедившись, что воды нет, Эмилия тяжело вздохнула и села, забившись в угол. Если она правильно считала, с момента, как ее привезли сюда прошло четыре дня. Графиня помнила эту жуткую поездку, будто это было вчера. Не отошедшую от контузии и шока после разрушения особняка, ее связали и бросили в пустую телегу, крытую выцветшим брезентом. Эмилия с ужасом ожидала пыток, боясь даже представить себе, что с ней могут сделать. Страх добавлял и, поминутно заглядывающий в фургон, Син. В его бесцветном взгляде отражалась ярость и что-то сродни с похотью, девушка не захотела разбираться, что за этим стоит.

Однако ни в дороге, ни здесь пыток не было. О девушке вообще, как будто забыли, разве что трижды в день приносили еду и воду, да иногда выносили емкость — нечто среднее между ночным горшком и кастрюлей. Еще два раза заходил человек в черном камзоле и красивым, изогнутым мечом на поясе. Правую часть его лица уродовал, плохо зарубцевавшийся шрам. Оба раза мужчину сопровождал Син. Во время первого визита Эмилию ни о чем не спрашивали, осмотрели с ног до головы и молча ушли. Во второй раз мужчина со шрамом задал три вопроса: как она узнала об особняке, знакома ли она с Лексом (имени наемник не называл, но, очевидно, имел в виду его) и был ли алхимик с ней в момент обрушения здания. Эмилия ни на какие вопросы не ответила. Тогда мужчина кивнул и направился к выходу, к нему тут же подбежал Син и стал что-то нашептывать в ухо, все время поглядывая на Эмилию. Ему ответили, но девушка не разобрала слов. Что-то в этой последней сцене было тревожное и страшное для Эмилии. Графиня чувствовала это интуитивно, но понять не могла. Случилась эта встреча вчера утром.

Лязгнула дверь, в комнату вошел маленький, лысый мужичек, он просеменил к клетке, оставил рядом кружку воды, кусок хлеба и миску с кашей, заглянул в горшок и поспешил обратно.

Эмилия вздохнула и пошла к еде. Кашу съела, не чувствуя вкуса, взялась за хлеб, но очень осторожно, тщательно прожёвывая маленькие кусочки, чтобы меньше хотелось пить. Водой здесь не баловали, наверное, потому что первое время девушка отказывалась пить. Причина была тривиальна. Девушка с грустью посмотрела на горшок. Вспомнилось, как обжигал ее стыд, доводивший до отчаянья — клетка, в которой, очевидно, держали крупных животных, еда в грязной посуде, этот треклятый горшок! Теперь было, в общем, все равно, она слишком устала.

Дверь снова скрипнула, Эмилия вся подобралась, похоже, наконец, посетители. Из-за угла появился Син, девушка вздрогнула, впервые они оказались один на один. Их разделяло метров двадцать, эх, диск ветра — простое, но эффективное закливание, у Эмилии оно почти не занимает времени, секунд пять-шесть и эта мерзкая, скользкая ухмылка навсегда исчезнет с лица лейтенанта. Но колдовать графиня не могла, из дворца выкачали всю энергию звезд, девушка была уверена, это было связано с ритуалом.

Син, ничего не говоря, открыл клетку, направился к Эмилиии, девушка быстро встала навстречу, но лейтенант резко, всем телом, прижал ее к прутьям решетки и нежно сказал:

— Вижу, ты тут совсем заскучала, пташка.

Эмилия дернулась было, но куда там, Син был намного сильнее. Мужчина опустил голову ниже. Шеи графини коснулось что-то влажное и горячее. Девушка судорожно сглотнула, зажмурилась, но тут же попыталась успокоиться, нужно терпеть и ждать...

Язык Сина скользнул к скуле, затем к уху, мочку охватил жар боли. Мужчина разомкнул зубы и тихо прошептал на ухо:

— Скоро ты будешь моей.

После этого он ушел.

Девушка обреченно спустилась на пол, кажется, сбывалось то, чего она боялась. Эмилия закрыла глаза, мысли были путаны и бессвязны, но одна отчетливо пробивалась через полубредовую кисею: «Ничего, Лекс обязательно...». Нет! Хватит полагаться на других. Первое путешествие с алхимиком, поход с Эркатой. Да, что там, всю ее жизнь, Эмилию кто-то вел за руку. Неизвестно, что с Лексом, знает ли алхимик, где она, сможет ли пробиться сюда, успеть. Нет, на помощь полагаться нельзя. В этот раз Эмилиии придется выбираться самой или умереть здесь.

На следующий день, Син приходил снова. Опять трогал ее, на этот раз позволял себе больше. Но Эмилия не чувствовала в нем сексуального желания, он просто играл с ней в предвкушении чего-то иного, и сердце замирало, когда девушка думала, что это может быть. Но она ничего не говорила, не жаловалась, не плакала. Изображала сломленную жертву и ждала. Эмилия была хорошей ученицей, она помнила уроки Лекса: если противник сильнее — жди, притворяйся слабее, чем ты есть, усыпи бдительность врага, заставь поверить в его тотальное превосходство и бей, когда он больше всего не ожидает этого.

Да, Эмилия помнила, но сомневалась, хватит ли у нее сил и опыта. Впрочем, что ей еще оставалось?

На следующий день лейтенант не являлся. Дверь скрипнула трижды, каждый раз Эмилия в ужасе вздрагивала, но это был слуга, приносящий еду. К вечеру графиня немного успокоилась и даже начала думать, что, может быть, что-то случилось, и опасность временно миновала. Но ночью, только к девушке пришел легкий сон, дверь снова скрипнула. Эмилия резко приняла сидячее положение. Из-за угла появился Син, он привалился плечом к стене и хищно улыбаясь, сказал:

— Ну, что ж, вот время и пришло.

Лекс нервно потер лоб и снова спрятался в свое убежище — пещерку между двумя валунами. Карта Тардиса привела его на границу Северного горного массива. Наблюдательный пункт алхимика располагался напротив дворца примерно в километре. Гряды здесь загибались с двух сторон и словно клешней захватили холмистую долину, через которую можно было попасть во дворец Ктара. Пригорок с позицией Лекса был, конечно, много ниже потухшего вулкана напротив, но с него все равно прекрасно обозревался дворец и предместья.

Лекс добрался до последнего убежища мерцающих за сутки, однако найти его даже с картой оказалось нелегкой задачей. Слишком уж сложный ландшафт: горы, холмы, пригорки, леса — все накрыто вечным, белоснежным покрывалом. Неудивительно, что дворец так долго искали, даже пройди Лекс мимо этого места в нескольких сотнях метров,

он мог бы и не заметить его, слишком уж однотипным был здесь горный пейзаж, и серо-белые колонны, да барельефы легко сливались с окружением. Однако, лишь раз увидев дворец, уже не сможешь игнорировать его, он всегда будет привлекать к себе внимание, своей громоздкостью и неуместностью. Вероятнее всего, если бы люди Дориена не нашли это место, его, все равно в скором времени обнаружили бы работники горнодобывающей промышленности Инамии, чья сеть все больше распространялась на север.

Лекс целый день наблюдал за дворцом, приходя к все более мрачным выводам. Незамеченным внутрь не пробраться. Дело не в какой-то уж слишком сложной охране, просто в убежище вел один проход и уже на подступах любой путник будет, как на ладони, и даже, если бы стражников не было вовсе, любой случайный человек мог бы с легкостью заметить чужака.

А людей во дворце собралось, по всей видимости, немало. Лекс, за несколько часов, только у входа, по аурам, насчитал порядка двадцати человек. Дело было плохо. Конечно, можно было поискать другой вход, зрение алхимика подсказывало, что вулкан и горы вокруг имеют систему пещер. Но сколько искать через них проход во дворец и подумать страшно, на это может уйти несколько дней. А где-то, на верхних этажах дворца, внутри горы бушевали потоки измененной энергии звезд, вперемешку с аурой Нижнего мира. Их всполохи были видны даже через толщу горной породы. Все это были следы начавшегося ритуала. Так что времени у Лекса не было.

Альт, скорее всего уже добрался до Риона, но им предстоит еще путь сюда и поиски дворца. Что предпримет дед Лекса, сообщит ли правительству Инамии, вообще предположить сложно, так что действовать нужно самому.

Действовать... Но, как?

«— Ты прекрасно знаешь, — шептал голос демона в голове. — Других вариантов у тебя нет».

Впрочем, Лекс не был уверен, что голос — не всего лишь плод воображения.

Время утекало, а решения все не было. Где-то там, внутри замка, в основании вулкана, Эмилия и Неил, которым нужна помощь. Где-то там творится жуткий ритуал, способный разрушить фундаментальные законы мира, законы обоих миров. Лекс раздраженно скрипнул зубами и с силой протер ладонями лицо. Неужели идти на сделку с дьяволом?

Оставался, конечно, еще один вариант — явиться в замок добровольно, усыпить бдительность Дориена, выслушать его, постараться убедить в готовности к сотрудничеству, и там уже действовать по обстоятельствам. Но тут тоже было много рисков. Во-первых, Лекс не знал наверняка, чего хочет архиепископ, во-вторых, ему не была известна собственная роль в ритуале. Первое, что напрашивалось — он часть преобразования, тот самый алхимик, но никаких «двух начал» в нем не было, как ни крути. Да, демон и человек, заманчиво, но бессмысленно, формулы преобразования никак не указывают на эту особенность жертвы. Оставалась только одна версия — та самая, которую Лекс озвучил Цельсии в Мисурии. Он должен быть катализатором, проводником. Конечно, теория эта со временем все больше трещала по швам, особенно после увиденного в особняке Канора. Но другой у юноши не было.

Одно было известно точно — соваться во дворец в одиночку — крайне опасная затея.

Вот и получалось: с одной стороны демон, с другой — священник. Да уж, как в детской книжке.

Для Лекса тут складывалась еще одна парадоксальная ситуация. Демон никогда не лгал

ему, никогда не скрывал своих намерений, но при этом был совершенно чужд юноше, хотел, по сути, убить его. И человек, которого Лекс много лет считал другом и наставником, в итоге оказался закулисным интриганом, который не остановится не перед чем в достижении своей цели.

Промаявшись в раздумьях еще час, юноша хлопнул себя по коленям и, с нарочито будничным спокойствием, стал чертить на камне пиктограмму. Лекс решил, что в сделке с демоном, он будет лучше контролировать ситуацию. Чушь, конечно, но чем-то же он должен был подбадривать свое намеренье. На самом же деле юноша принял решение, основываясь на своих убеждениях. Он просто не мог простить Дориену того, что епископ делал все это время, его беспринципность и подлость.

Ритуал, который готовил сейчас Лекс, позволял войти в контакт с демоном, юноша узнал о нем от священников Юнии. Зачем это было нужно, алхимик уже не помнил, что-то вроде: «взглянуть страху в глаза». Ни один из сеансов положительных результатов не дал, каждый раз мальчика приходилось силой возвращать в чувство. Лекс надеялся, что сейчас он выносливее и сильнее, так что все пройдет успешнее.

Алхимик доделал пиктограмму, положил в некоторые ее части разноцветные камни, сел рядом с рисунком и вздохнул. Сейчас, пожалуй, была последняя возможность отказаться от этой затеи. На улице завывала пурга.

Лекс достал из сумки колбу, глотнул содержимого, сел в позу лотоса и стал ждать. Сначала пришло спокойствие, обманчивое, хрупкое, затем, как только показалось, что разум провалится в сон — резкий удар по вискам, в голове нарастает гул. Он достигает невыносимой кульминации и резко обрывается. В наступившей, звенящей после шума, тишине, отчетливо послышался бесцветный голос:

— Решился, наконец?

— Да.

Тишина. Видимо, демон ждал, что Лекс скажет что-то еще, но поскольку этого не произошло, продолжил сам:

— Ты должен прийти к разрыву. Недалеко от тебя есть один, я проведу.

— Как?

— Тебе нужно ослабить волю, как ты иногда делаешь с помощью своих зелий, как сделал это сейчас. Только не переусердствуй, помни: я тебе не друг. Чем больше я проникну во Внешний мир... в смысле — в твой мир, тем меньше смогу контролировать себя.

Лекс кивнул и открыл глаза. Снова гул в ушах, в голове разгорался жар боли, но со временем и то, и другое начало утихать.

— Я не слишком ориентируюсь в вашем пространстве, — продолжал демон, голос его теперь звучал тише и, как будто издалека. — Повернись, еще, еще. Да, в эту сторону. Тысячу шагов, потом свяжись со мной, я скорректирую путь и расскажу план действий.

Лекс снова кивнул и начал собирать вещи. Подумать только, через несколько часов он окажется в Нижнем мире. Сделает то, на что решались единицы, но никто из тех смельчаков не вернулся, Лекс очень рассчитывал, что будет первым.

Путь алхимика лежал на северо-запад. Сразу от подножья горы, с которой спустился юноша, начинался суровый, хвойный лес. Он простирался далеко вперед, до самого Великого северного хребта, синим мороком, угадывающимся вдали, на горизонте. Где-то здесь, под бело-зеленым покрывалом скрывался разрыв, найти его без помощи демона, была бы не простая задача.

Световой день длился недолго, солнце только показалось из-за горизонта, повисело немножко красным диском над горами и сонно покатилося вниз.

Несмотря на тишину и скучный, серый в сумерках, пейзаж, то есть обстоятельства, располагающие к размышлениям в долгом пути, голова Лекса была совершенно пуста. Виной тому была усталость и действие легкого снотворного, по эффекту похожему на алкоголь.

Часа через четыре с начала пути, демон, чей голос всего два раза возникал в сознании Лекса, вдруг заговорил на отвлеченные темы:

— Знаешь, ты сильно изменился за последнее время.

Молчание.

— Да, ты все больше отличаешься от того странного, замкнутого юноши, каким был в момент нашей первой встречи и много далее.

— Вот как? — Лекс устало отер тыльной стороной ладони лицо.

Хорошо сидеть в голове или, где там — на границе миров, и вести светские беседы. Алхимику же слово выдавить было тяжело, нужно было беречь дыхание. Сугробы в лесу, достигали порой пояса, преодолевать снежные заносы было очень нелегко, благо хоть пурга закончилась.

— Думаю, — продолжал, меж тем, рассуждать демон. — Это связано с людьми, которых ты повстречал. Они оказали на тебя влияние. Ты стал... — он задумался и не закончил фразу.

— Да? Кем стал? — у Лекса проснулось любопытство, он и сам в последнее время много размышлял над этим.

— Не знаю... Стал, как вы это называете, эмоциональнее, что ли. Раньше ты, как будто искусственно вызывал в себе чувства, теперь они рождаются сами собой.

— Ого, — усмехнулся Лекс.

— Что?

— Не ожидал от тебя, такого глубокого анализа моей личности, — нога алхимика застряла в сугробе и он, чуть было не свалился лицом в снег. — Ты тоже стал другим, подумать только, мы ведем с тобой беседу! Как жаль, что я сейчас в этом лесу, — Лекс стал увлекаться, речь его стала сбивчивой из-за нехватки воздуха. — Сейчас бы провести эксперименты, ты только представь себе, наша с тобой связь — новая веха в изучении Нижнего мира, нет, не так — взаимодействия обоих миров!

— А, знаешь, — проворчал демон. — Забудь, что я сказал раньше. Ты все такой же чудак!

Через час, совсем выбившийся из сил Лекс, вышел на поляну, в дальней части которой дрожал шов, небольшой — в человеческий рост.

— Демонов поблизости нет? — не сводя взгляда с разрыва, спросил Лекс.

— Я не чувствую. Но в любом случае задерживаться нельзя. Еще раз, ты должен быть максимально сконцентрирован. Про зелье не забыл? — Лекс кивнул. — Последние шаги — самые сложные, аура будет сильна, в портал не входишь, сначала руку...

— Я все прекрасно помню, зачем повторять? — чуть раздраженно прервал Лекс.

— Я... — казалось, демон слегка растерялся. — Не знаю... Не знаю почему.

— Это называется тревога, вызванная неуверенностью, — напряженно затараторил Лекс, по-прежнему не в силах оторваться от разрыва. — Не переживай, это нормально, так бывает, когда...

— Иди уже! — рявкнул демон.

И Лекс пошел. Сначала твердо и уверенно, но с каждым шагом замедляясь. Когда в голове начал подниматься шум, а в глазах двоиться, юноша вынул из сумки маленькую колбу и залпом выпил содержимое — сильное тонизирующее средство. Шум утих, зрение прояснилось.

До разрыва было всего метров тридцать, но Лексу казалось, он преодолевал этот путь несколько часов. Чем ближе к шву, тем больше галлюцинаций: то юноше казалось, что портал дальше и совсем в другой стороне, то мерещилось, что он находится в другом месте: в саду возле общежития Академии, на площади родного города и прочее.

Разрыв манил, разрыв отталкивал. Пугал и привлекал. Весь мир сузился в одну точку — черное, гладкое пятно, дрожащее по краям.

Лекс дошел до шва. Встал напротив, вытянулся. Так, сначала рука. Как только юноша коснется разрыва, демон должен войти в контакт со своим миром, выбраться из межпространства. Затем, используя свои силы, он оградит алхимика от влияния миазм. По крайней мере, так должно быть в теории, никто еще подобного не пробовал.

Какое-то время ничего не происходило, затем руку стало покалывать, Лекс почувствовал холод, появилось непреодолимое желание вынуть руку и бежать отсюда со всех ног. Он дернулся, но пред глазами почему-то возникло лицо Эмилии с выражением боли и тоски, юноша стиснул зубы и продолжил ждать.

Связи с демоном не было. Как понять пора или нет? Лекс осторожно просунул руку глубже, по локоть. Никаких новых ощущений, время вокруг, вообще, казалось, замерло. Но только алхимик хотел прибегнуть к отчаянным мерам — снотворному, как кто-то резко дернул его за руку, увлекая в портал.

Мир для Лекса вмиг изменился. Так бывает, когда, например, резко уходишь под воду. Только жидкая стихия не переворачивает все с ног на голову, она лишь смазывает краски, размывает очертания, добавляет немного своего. Лекс же «окунулся» совсем в иную реальность.

Вокруг раскинулась темно-серая равнина, вздыбленная в нескольких местах идеально-геометрическими, полукруглыми холмами. Справа, слева и далеко впереди высились иссиня-черные горы, они ровными треугольниками обрамляли долину.

Над всем этим странным, черно-серым пейзажем висело тусклое, нежно-фиолетовое небо, ровное и невозмутимое, как застывший кисель. Ни звезд, ни других светил на нем не было, казалось, оно само излучает слабый свет.

— Добро пожаловать.

Лекс вздрогнул и обернулся, рядом с порталом, который с этой стороны выглядел, как спираль, сотканная из дыма, стоял демон. Лекс ничуть не удивился бы, увидев какое-нибудь немислимое существо: великана, дракона, насекомоподобного монстра, но перед алхимиком снова стоял его, почти точный, двойник.

— Какого черта так долго? — проворчал он. — Я уж думал, ты передумал.

— Откуда я знал, когда можно?

— Ты разве не почувствовал? — удивился демон, кивком головы, указывая на Лекса.

Юноша осмотрел себя. Его тело подрагивало и двоилось, имело призрачные очертания.

— Мне удалось, — продолжал демон, — синхронизировать твое тело и разум с нашим миром. Это и есть моя защита.

Лекс вдруг понял, что ему напоминает вид собственного тела. Почти точно так же, при помощи своего зрения, алхимика видят окружение. Юноша привычным жестом прикрыл

глаза, но, когда раскрыл их вновь, голову резанула боль, на глазные яблоки, будто с силой надавили. Лекс поморщился, схватившись за лоб.

— О, прости, — спохватился демон. — Забыл тебе сказать, воздержись здесь от своих способностей, суть вещей этого мира могут постичь только его обитатели. Здесь другие законы.

— Ага, — прохрипел Лекс, восстанавливая зрение. — Итак, я здесь. Что дальше?

— Признаться, я рассчитывал оказаться в другом месте, — задумчиво проговорил демон, осматриваясь. — Ближе к артефакту, но, похоже, придется прогуляться.

— Хорошо, — кивнул Лекс. — Идем.

Шли в тишине: демон — бодро и целеустремленно, Лекс — постоянно отвлекаясь на изучение всего вокруг так, что его проводнику постоянно приходилось поторапливать алхимика. Впрочем, юношу можно было понять, оказаться в Нижнем мире, да ещё сохранить разум, чтобы проанализировать окружение, лучшего, для человека с таким складом ума, как у Лекса, и пожелать нельзя.

— Расскажу — никто не поверит, — с огорчением прошептал юноша, разглядывая мелкую траву, которая ровным ковром покрывала всю долину, каждый стебелек был точной копией своих собратьев — идеальный тонкий треугольник с двумя насечками у основания. — Впрочем, — добавил Лекс. — Чтобы рассказать, нужно еще вернуться.

— Не отставай, — в сотый раз попросил демон.

Лекс поравнялся с проводником и, все глядя по сторонам, мечтательно сказал:

— Как только не представляли люди Нижний мир, а он оказался таким...

— В твоём варианте — да, — без интереса ответил демон.

— В смысле?

— Каждый, кто попадал сюда или даже, просто заглядывал, видел наш мир по-своему. Воображение создавало эту картину. Эти видения нередко повторялись — громкие страшные образы, полные насилия и всяких, по человеческим меркам, ужасных вещей.

— О, — Лекс задумчиво почесал висок и еще раз посмотрел вокруг. — Как интересно. Но у меня никаких страшных образов нет.

— Я же говорил тебе — ты чудак. Впрочем, может быть, это еще и потому, что ты, во-первых, под моей защитой, а, во-вторых, долгое время прожил со мной. Разучился бояться... — демон незаметно покосился на алхимика.

— А откуда ты знаешь, как эти люди видели ваш мир?

— После их смерти, образы, особенно последние, передаются некоторым из нас посредством энергии нашего мира.

Какое-то время шли молча. Лекс обдумывал услышанное, не прекращая поглядывать по сторонам, как будто сверяя окружение с собственными мыслями и ощущениями.

— Скажи, Клариаран, — неуверенно начал он. — А как ты сам тогда видишь этот мир?

— Что ты сказал? — демон остановился и удивленно посмотрел на Лекса.

— Я спросил, как ты сам видишь...

— Нет-нет, как ты меня назвал?

— А, я подумал, должен же я как-то к тебе обращаться.

Демон совсем человеческим жестом протер пальцами глаза и медленно заговорил, тщательно подбирая слова:

— Слушай, по какому-то нелепому недоразумению, за все то время пока мы вместе, никто тебе прямо об этом не сказал. Твоя фантазия, особенно, что касается выдумывания

имен и названий — это, не обижайся, полный бред.

— Не понимаю, о чем ты, — холодно заметил Лекс.

— Как это получается в твоей голове? Ну, вот, например это имя Кла, Кло, как там?

— Клариаран, — любезно подсказал алхимик, лицо его под стать голосу, тоже обрело холодное выражение.

— Да. Что это вообще такое? Ты выдумал это из ниоткуда...

— Все имена когда-то были выдуманы, — возразил Лекс.

— Я не о том, — отмахнулся демон. — Просто твои имена абсолютно чужды тем языкам, которым я смог обучиться пока жил в тебе. Они не благозвучны, они не... не... не знаю, они противоестественны.

— Не знал, что ты увлекся лингвистикой.

— Короче, — сокрушенно вздохнул демон. — По всей видимости, скоро наше совместное путешествие, так или иначе, закончится, поэтому вот тебе последний совет: завязывай с этим. И, — поспешно добавил, он, не давая сказать собеседнику. — Не смей называть меня Клариаран.

— Да, пожалуйста, — обиженно пробурчал Лекс, когда они возобновили путь. — Что ж мне тебя все время «демон» называть?

— Мы не пользуемся именами, — после продолжительного молчания, ответил собеседник. — Но они у нас, как и у всего сущего, есть. Вы называете это «истинными именами».

— Правда, — удивился Лекс, миг забыв об обиде. — И какое твое?

— Архельм.

— О, — только и сказал Лекс, о чем-то задумавшись.

Человек и демон продолжали свой путь в бесцветном мире. Горы становились то ближе, то дальше, иногда Лексу казалось, что они прошли несколько километров, а порой чудилось — не преодолели и пару сотен метров. Перспектива здесь была размыта, едва осязаема. Алхимик вспомнил, как Архельм недавно говорил, что ему сложно ориентироваться в Илионе, теперь Лекс понимал почему. В Нижнем мире пространство играло по своим правилам.

— Ты так и не ответил на вопрос, — возобновил разговор алхимик. — Каким ты видишь свой мир?

— Я не смогу объяснить тебе, — после некоторого молчания ответил Архельм. — Понимаешь, наш мир лишен привычных вам образов — это раз, два — мы, те, кого люди называют демонами, видим, воспринимаем, все иначе. Только, когда мое сознание смешалось с твоим, я стал осознавать мир, как ты. Это небывалое потрясение — быть отравленным энергией Внешнего мира и осознать себя, по сути, другим существом. Это как... как... не знаю даже, какой пример привести.

— А каким ты был до меня?

— В смысле — внешний вид? — Лекс кивнул. — Никаким.

— Как это? — не понял алхимик.

— Твоя ошибка, как и ошибка любого наблюдателя: ты наделяешь своими смыслами и образами наблюдаемый объект, выстраиваешь свои ассоциации, а он — объект, этих смыслов лишен, более того, они ему чужды. Внутренний мир и все сущее в нем — это потоки энергии. Только, прошу, не рисуй в воображении яркие всполохи и разноцветные линии, — Лекс хотел возразить, но передумал. — Прими, как данность — тебе не познать

наш мир своим органами чувств и не вместить его устройство в свою логику восприятия.

— То есть, вы бесплотны? — спросил Лекс, погруженный в раздумья. — Что-то вроде мыслящих сгустков энергии.

— Ну-у, да... В каком-то смысле, — Архельм тоже ненадолго задумался, затем тряхнул головой, будто отгоняя что-то и продолжил ровным тоном:

— Я ведь тебе не рассказывал. Внутренний мир неразрывно связан с Внешним. Вы люди, пытаетесь это познать, мы же это чувствуем. Силу, благодаря которой существует жизнь, вы зовете энергией звезд. Переработанная или, выражаясь человеческим языком — измененная, она через фильтр границы миров попадает сюда, — демон развел руки в стороны. — Затем, восстанавливаясь, возвращается обратно, этот процесс цикличен и вечен. Углекислый газ, поглощаемый растением, превращается в кислород. И то, и другое — неотъемлемая часть природы, благодаря которой существует все живое, но для одних это яд, для других — жизнь.

— Как все просто, — задумчиво проговорил Лекс.

— И одновременно — непостижимо сложно, — кивнул демон. — Вы, люди, думаете, что измененная энергия — есть результат использования магии и алхимии. Это правда, но лишь отчасти. На самом деле, даже ваше существование меняет энергию: ваши чувства, эмоции, мысли. Когда вы умираете, все накопленное прорывается в наш мир и, благодаря этим эманациям рождаются сущности, называемые людьми, демонами.

— Не может быть! — прошептал изумленный Лекс. — То есть вы — наша реинкарнация?

— Не так просто, — возразил Архельм. — Энергия формируется из разных источников, это происходит длительное время, к тому же тут существуют свои законы — злость, насилие, жестокость не соединятся с любовью, добротой, состраданием.

— О! — вдруг воскликнул Лекс. — Архельм означает «изучать». Ты демон знания?!

— Если отбросить твои грубые упрощения, — поморщился собеседник юноши. — То, да, в каком-то смысле.

— Выходит, — задумчиво заговорил Лекс после некоторого молчания. — Древние, в каком-то смысле были правы: энергия звезд — это наши души. Постой-ка, — вдруг спохватился юноша. — Значит ли это?..

— Нет, даже не думай, — прервал Архельм. — Это просто энергия, которая, по подобию, потоками сливается воедино и рождает новое существо. Не поддавайся искушению, описанному во многих ваших сказках. Ни личности, ни даже воспоминаний не остается, только призрачные облики. После смерти человека больше нет, но он перерождается во что-то другое. Внутренний мир — не обитель призраков.

Лекс кивнул и замолчал, на этот раз надолго.

Пространство вокруг в очередной раз, не заметно для глаза, поменялось. Горы вдруг выросли в нескольких метрах от путников. Издалека они казались непреодолимыми, отвесными гигантами, на самом же деле оказались пологими и не слишком высокими. Когда путники начали восхождение на один из холмов, Лекс услышал звук, на самой границе слуха, что-то похожее на отдаленный гул. Юноша поймал себя на мысли, что за все время пребывания в Нижнем мире — это были первые признаки активности здесь. Нахмурившись, Лекс спросил:

— Послушай, Архельм. Почему мы до сих пор не встретили ни одного дем... ни одной сущности? Вас так мало?

— Нет. Они рядом, просто ты не чувствуешь их, они не чувствуют тебя. Это все из-за моей защиты.

— А-а, — протянул Лекс, оглядываясь по сторонам. — Кстати, если вы бесплотны и не теряете в своем мире самоконтроль, что тогда происходило с людьми, попавшими сюда, ведь никто не вернулся.

— Это не совсем так, кто-то, насколько мне известно, возвращался, но в основном, они все умирали.

— От голода? — осторожно предположил Лекс.

— От страха, — коротко ответил Архельм, немного подумал и добавил:

— Понимаешь, нас, как и вас, и даже больше, неудержимо тянет к разрыву, и обычно, как только человек появляется в нашем мире, рядом оказывается кто-то из моих братьев. Зла вам мы не хотим, пока находимся здесь, разумеется, но человеческое воображение, да еще отравленное аурой нашего мира, сводит пришельцев с ума. Многие из них умирали почти сразу.

Подъем на холм занял гораздо больше времени, чем рассчитывал Лекс. Опять были виноваты выкрутасы пространства. Как во сне: ты идешь-идешь, а цель не становится ближе, но вдруг, одно мгновение, и ты уже в другом месте.

Шум в ушах все нарастал, он напоминал отдаленный рокот грома. Что-то бесконечно тревожное мерещилось Лексу в этом призрачном звуке. Лишь когда путники поднялись на вершину холма, алхимик увидел источник гула.

За цепью гор расположилась еще одна долина, но значительно больше первой. Испещренная маленькими оврагами и небольшими холмами, она переходила в идеально ровное поле и меняла цвет, становилась темнее. Если присмотреться, можно было различить едва заметную рябь, тягучую и неповоротливую, как, если попытаться перемешивать техническое масло. Несомненно, перед путниками раскинулось море Нижнего мира. Но Лекс едва обратил на него внимание, его взгляд был прикован к немыслимому исполину — гигантской башне, соединяющей студенистое море и фиолетовое небо.

Даже для иного мира, где все было удивительно и чуждо, сооружение смотрелось нереально, невозможно. И обманчивая, искаженная перспектива не могла скрыть чудовищные размеры гиганта. Башня была не конусообразна, упирающаяся в небо вершина была такой же ширины, как и основание. И вообще, чем больше Лекс смотрел на исполина, тем больше убеждался в его бесплотности, это был словно столп дыма такого вязкого и плотного, что нельзя было различить какого-либо движения, отчего алхимик и решил сначала, что перед ним сооружение.

Увиденный феномен так поразил Лекса, что он забыл на время дышать. Все чудеса Нижнего мира померкли перед этим монстром. Что-то невообразимо сильное и страшное таилось там. Лекс машинально моргнул, но как только фиолетовая радужка показалась из-под век, в голове взорвалась вспышка боли, глазные яблоки, будто чем-то сильно сдавили. Ощущения не шли ни в какое сравнение с тем, когда Лекс применил зрение алхимика в Нижнем мире в первый раз. За секунду юноша увидел образы столпа с разных сторон, пещеру поросшую черными, пульсирующими корнями, голову женщины с синюшно-бледным, как у утопленника лицом, волосы ее словно волокна черно-розовой органики уходили куда-то внутрь стены пещеры. Тело девушки тоже скрывалось где-то внутри этих переплетений корней и уродливых нитей. Женщина распахнула глаза: левый был без радужки и вращался по вертикальной оси, зрачок правого то расширялся на все глазное

яблоко, то сужался в едва заметную точку. Страшное видение приоткрыло рот, из которого потекла черная, маслянистая жидкость. Новая вспышка боли окрасила мир в красное и оранжевое, последнее, что юноша увидел перед этим — образ слова «радость».

К Лексу вернулись ощущения. Он стоял на коленях, упираясь головой в землю. Сознание прояснялось, боль, медленными толчками отступала. Над головой послышался обеспокоенный голос Архельма:

— Что ты творишь?! Я же сказал...

— Знаю, — тяжело дыша, ответил Лекс. — Прости, не удержался. Но, что это, черт возьми, такое?

Архельм грустно посмотрел на столп и тихо сказал:

— Мы не знаем. Это появилось здесь до меня. Некоторые сущности пытались проверить, но их стерли мощнейшие потоки энергии. С тех пор мы не приближаемся к этому месту. Идем, и твои, и мои силы на исходе, нужно торопиться.

Спуск с холма занял значительно меньше времени, чем подъем. Затем путники долгое время шли по равнине, пустой и безжизненной, даже мелкая травка с треугольными стебельками здесь не росла, под ногами хрустел мелкий, гравий. Лекс уже не слишком интересовался окружением, взгляд его то и дело возвращался к столпу. Чуждый, страшный, немислимо могучий, он отдаленно что-то напоминал юноше, что-то давно забытое, как сон, который пытаешься вспомнить, но он все дальше ускользает от тебя.

Лекс чувствовал, как на него все больше нападает усталость, происходило это рывками: то, казалось, открылось второе дыхание, прилив сил и бодрости толкал вперед, то ноги и спина наливались свинцом, голова тяжелела от вязких мыслей, и так по кругу. Очень непривычное и неприятное ощущение. Чтобы отвлечься Лекс начал разговор:

— Ты сказал, что эта башня... или вихрь, появился до тебя, звучит так, как будто это было очень давно.

Архельм кивнул.

— Сколько же ты живешь?

— Трудно сказать, — демон вздохнул и на минуту задумался, будто подсчитывая что-то в уме. — Наша жизнь много больше людской, но понятие времени во внутреннем мире отсутствует и, кстати говоря, может, оно вообще течет здесь иначе. Я прожил с тобой долго и изучил многое, но времяисчисление для меня все равно недоступно. Мы вместе десять лет, много это или мало, я не понимаю, для меня это просто ничего незначущий факт.

— Но раз ты мое второе я, мы должны были появиться в мире вместе.

— Нет, — покачал головой Архельм. — Я не твоё второе я. Наша связь хоть и закономерна, но во многом случайна. Я проник в ваш мир, потому что оказался рядом с проходом, который ты открыл, а вот наша связь, то, что вы называете одержимостью, возникла, из-за близкой по природе, энергии. Ну, или, если выражаться поэтически (вы люди это любите), мы с тобой что-то вроде родственных душ. Впрочем, я не совсем правильно сказал, как бы мне не хотелось это признавать, но твой ритуал не только открыл прорыв, но и призвал меня... принудил прийти.

— Да, это я и сам понял, — прохрипел Лекс, вытирая со лба, несуществующую испарину. — Далеко еще?

— Нет, пришли.

Перед Лексом неожиданно, что, как уже привык алхимик, было в духе Нижнего мира, появилась маленькая рощица. Немногочисленные, черные деревья были лишены листвы, а их

ветви и стволы были изогнуты под многочисленными острыми углами так, что издали казалось, растения сделаны из металлических прутьев. Между деревьями, в глубине рощи угадывались очертания полуразрушенного колодца. Архельм медленно повел туда.

— А, что вообще представляет из себя этот артефакт? — шепотом спросил Лекс.

— Не знаю, для меня это просто скопление энергии. Точно известно одно — это вещь из вашего мира.

— Ага, — не слишком удивился Лекс, но только потому, что устал удивляться.

— Я долгое время изучал его, но подойти близко опасался, здесь обитала свирепая сущность. Такие рождаются здесь редко, эта была очень древней. В принципе они безобидны, если их не провоцировать.

— О, ну, отлично, — саркастично заметил Лекс. — Артефакт охраняет сильнейший демон. Классика.

— Вообще-то, сразу перед тем, как я встретился с тобой он ушел.

— Что, если за это время он вернулся? — озираясь по сторонам, проговорил Лекс.

— Нам нужен этот артефакт, — пожал плечами демон. — Надо будет — будем драться.

Чем ближе подходили к колодцу, тем плотнее стояли деревья, их черные ветви, едва различимые на фоне темного гравия, цеплялись за одежду. И хотя до цели было рукой подать, ближе она не становилась. Лекс, уже давно принявший правила игры, смиренно шагнул вперед.

— В нашем мире, — поняв, что путь может занять сколько угодно времени, Лекс решил воспользоваться возможностью и собрать еще информации. — ...Сущности.

— Можешь называть нас, как угодно, — холодно прокомментировал Архельм. — Нам все равно.

— Ты говоришь: сущности, — возразил Лекс. — И я буду. Все-таки я в твоём мире и постараюсь подчиняться его правилам, — Архельм безразлично пожал плечами, а юноша продолжил:

— Так вот, мы классифицируем вас, в том числе по силе. Чем больше контактов... контакты — это...

— Я знаю, что это, — перебил демон. — Помни, я прожил с тобой много времени.

— Ага. Чем больше контактов, тем слабее сущность. Здесь, во Внутреннем мире, иначе?

— Нет, так же. Только здесь, как ты понимаешь, у сущностей контактов нет. Но по силе мы отличаемся и с попаданием в ваш мир ситуация не изменится, слабый останется слабым. Во внутреннем мире сила, правда, не имеет большого значения, мы редко сражаемся.

— Но отчего, вообще зависит ваша сила? — не унимался Лекс.

— От многих факторов, — пожал плечами Архельм. — В основном, от того, как долго формировалась сущность, и, какая энергия легла в ее основу. Например, мне известно, что энергия с отпечатками насилия и жестокости рождает самых слабых сущностей.

Они, наконец, вышли на полянку с колодцем. Архельм застыл, закрыв глаза, глубоко вздохнул и тихо сказал:

— Я его не чувствую, похоже, он и не возвращался.

Лекс нервно потер подбородок. Что делать, если появится демон, в победе над которым даже Архельм не уверен. Сам юноша слишком устал для битвы, к тому же он не был уверен, что его алхимия будет работать в этом мире, да и зрение использовать нельзя.

— Слушай, — начал алхимик, напряженно осматриваясь. — Ты сказал, что вы редко сражаетесь, а, если...

— Лекс, — Архельм впервые назвал алхимика по имени. Демон подошел к собеседнику, положил руки на его плечи и заговорил, не отрывая от юноши взгляда черных глаз:

— Соберись. Забудь о страже и слушай меня внимательно. Я не знаю, что случится, когда ты возьмешь артефакт, сам я этого сделать не могу, его сила для меня противоестественна. Как только ты все сделаешь, внимательно слушай и делай то, что я скажу. Нам нужно будет быстро уходить.

— Думаешь, когда я возьму артефакт, он появится? — Лекс неопределенно кивнул куда-то в сторону.

— Дело не только в этом. Мои силы на исходе, скоро я не смогу поддерживать защиту, а прежде чем вернуть тебя обратно, в твой мир, мы должны добраться до определенного места.

— Я понял, — Лекс освободился от хватки Архельма и двинулся к колодцу.

Только сейчас алхимик рассмотрел, что это был островок его мира, Илиона. Полуразрушенная каменная кладка, поросшая в некоторых местах мхом, вокруг, в паре метрах, росла жиденькая трава, обычная, зеленая. Лекс заглянул внутрь колодца, он оказался высохшим и совсем неглубоким, метра полтора. На дне лежал... меч. Да, артефакт больше всего напоминал меч. Очертания его были размыты, он, как будто состоял из маленьких, призрачных стекляшек, которые то переливались голубым и изумрудным, то вовсе исчезали.

Лекс спрыгнул внутрь и присел на корточки, внимательно изучая артефакт. Но зрением алхимика пользоваться было нельзя. А так, что он мог определить? Поэтому, вздохнув, юноша аккуратно взялся за меч там, где должна была быть рукоять. Ничего не произошло. Лекс облегченно выдохнул и полез обратно.

— Ну, что достал? — взволнованно спросил Архельм, как только голова алхимика показалась на поверхности.

Лекс перемахнул через кладку и победоносно поднял руку с артефактом.

— Славно, — облегченно улыбнулся демон. — Еще и в живых остался.

— В живых остался?! — изумился Лекс.

— Да, я же сказал, что не знаю, как все пройдет.

— Прекрасно, — покачал головой Лекс, заглядывая в колодец. — Партнер у меня, что надо, — вдруг внимание алхимика что-то привлекло. — Э... Архельм. Что-то не так.

Демон подошел к юноше и тоже посмотрел в колодец. На дне лежал артефакт, он был намного тусклее, но, несомненно, тот же, что сверкал в руке у Лекса.

— А, все в порядке, — беспечно прокомментировал Архельм. — Артефакт, как и его владелец, прикованы к нашему миру, но ты сможешь призывать его, потому что получил прямую связь, — он кивнул на меч в руке юноши.

— Его владелец... — задумчиво протянул Лекс.

— Идем, — нетерпеливо позвал Архельм, уже отошедший от колодца. — Помнишь, что я говорил, нам нужно торопиться.

Шли гораздо быстрее, чем по пути к артефакту — почти бежали. Лекс уже ног не чувствовал, в голове туман, сердце, казалось, билось в истерике где-то под кадыком. Архельм тоже выглядел неважно, по внешнему виду сказать было сложно, но его поведение и речь явно выдавали волнение и усталость.

— Когда будем на месте, — отрывисто говорил он, — ты при помощи артефакта откроешь проход. Если я все правильно рассчитал, он выведет тебя прямо к их убежищу. Затем я сниму с тебя защиту, но в проход пойдешь, не сразу, жди сигнала.

— Почему? — нахмурился Лекс, но тут же догадался:

— Хочешь собрать сущности, бросить их в бой.

Демон кивнул, сосредоточенно глядя вдаль.

— Помни, они тебе не союзники, — сосредоточенно говорил он. — Как только окажешься по ту сторону, поспеши убраться от разрыва подальше.

— Угу, а тебе не жалко жертвовать своими собратьями?

— Ты опять прикладываешь свои величины к чужому измерению. Не отвлекайся. Еще один момент — наша связь, после прямого контакта в моем мире, изменится. Не знаю, честно говоря, как это будет выглядеть, возможно, я смогу прийти к тебе на помощь без риска полностью завладеть твоим сознанием. Но нужно быть осторожными, — Архельм резко остановился, прикрыл глаза, как будто к чему-то прислушиваясь. — Все пришли, — он повернулся к Лексу. — Наверное, вживую больше не увидимся.

Лекс лишь кивнул. Он отвернулся от собеседника, поднял руку с призрачным клинком над головой и застыл. В Илионе, не обладая магической силой, юноша возможно и не смог бы воспользоваться артефактом. Здесь же все складывалось само собой. Лекс рубанул пространство, и в паре метров от него с противным скрежетом, образовалась дымчатая спираль, ведущая в пустоту.

— Ох, — спохватился Архельм. — Я не объяснил тебе, как обнаружить и уничтожить закономерности связей между мирами, это понадобится тебе, чтобы избавиться от одержимости.

— Я разберусь, — улыбнулся Лекс, указывая на свои глаза.

— Что ж, — Архельм протянул руку, алхимик ответил на рукопожатие.

Как только их ладони соприкоснулись, невидимая оболочка, защищавшая Лекса, лопнула глухим звоном разбитого стекла. На юношу тут же набросилась невыносимая какофония звуков. Грохот, скрежет, вой — все разом. Лекс зажмурился и закрыл руками уши. Кожу обдавало то жаром, то холодом. Но больше, вроде никаких неудобств не было. Юноша приоткрыл глаза, осмотрелся. Вокруг все тот же серо-черный мир, только очертания размытее и начали слегка двоиться. Вдалеке (или близко) появились, едва различимые тени. Лекс вопросительно посмотрел на Архельма, тот что-то говорил, но из-за шума было не разобрать. Демон подошел ближе и указал на портал. Алхимик кивнул, разбежался и прыгнул внутрь.

Невыносимый гомон разбился за спиной миллионом осколков, постепенно гаснущих в сознании, в лицо ударил морозный холод.

— Губернатора Паталы сместили, совет распустили. По слухам, там, и еще в некоторых

регионах, хотят ввести военное положение.

— По слухам? — ядовито усмехнулся Рион.

— Прошу прощения, ваша светлость, — офицер слегка склонил голову, хотя виноватым не выглядел. — Совет во Дворце Пяти Начал, по сути распался, единой власти нет и ответственность на себя принимать никто не хочет, так что все решения и указы — на уровне слухов.

— Да уж, — кивнул Рион, отходя к окну. — Что король?

— Местоположение до сих пор не известно, — с готовностью отрапортовал офицер. —

Мы даже не уверены, жив ли.

— Сельтус?

— Так же не объявлялся, ваша светлость.

— Где же его черти носят? — задумчиво проговорил Рион. Со дня ареста Эмилии и Альта прошло несколько недель. Герцогу известно было, что его племяннице и учителю Лекса удалось сбежать. Советник после этого в спешке покинул свою резиденцию, и с тех пор о нем не было ни слуху, ни духу. — Что может быть важнее того, что здесь сейчас происходит?.. Ладно, свободен. А, постой, как дела на юге?

— Там по-прежнему все сравнительно спокойно.

— Хорошо, иди.

Рион вернулся на свое место, тяжело опустился в кресло, приложил руку ко лбу и посмотрел на Сариду, мирно попивавшую чай в углу кабинета.

— Ну, что скажешь? — обреченно спросил он.

— А, что тут сказать? — Сарида поставила чашку на стол и окунулась на спинку. — Я тебе уже говорила — самое время вспомнить, что ты мужик и у тебя есть член!

— Как мой член поможет в этой ситуации? — вымученно улыбнулся Рион.

— Не ерничай. Мальчик мой, — Сарида встала со стула и направилась к герцогу. — Ты, как никто другой знаешь — время действовать. Старые законы рушатся, их уже не спасти, однако можно встать у новых основ, возглавить перемены, направить их, — шепотом закончила она, подойдя к столу Риона.

— Ох, тетя, — вздохнул герцог, откидываясь на спинку. — Мы уже обсуждали это. Я не хочу быть королем, я не готов.

— Ты привел свои земли к процветанию, — строго заговорила Сарида. — Это сегодня чуть не единственное место в сраном королевстве, где действует порядок!

— Да, но это только мои земли, а там, — мужчина неопределенно указал на окно. — Целая страна!

— И хрена ли, что целая страна?! — Сарида от негодования ударила по столу. — Никто не заставляет править самостоятельно. Монархия себя уже изжила, пойдем по пути парламентской республики, как в Инамии. Но до тех пор им, — она указала куда-то за окно, — нужен лидер, тот, кто наведет порядок.

— Не думаю, что готов, — упрямо повторил Рион.

— Готов — не готов, — рявкнула Сарида. — Страна решает! Подотри нюни, мы не всегда выбираем, чего хотим и к чему готовы.

— Да, я понимаю...

— А если понимаешь, так защищай свою страну, пока от нее ни хрена не осталось!

Сарида требовательно посмотрела на Риона, тот лишь вздохнул и грустно повернул голову в сторону окна. В дверь постучали.

— Войдите! — громко сказал Рион, стараясь скрыть облегчение.

В дверях появился командир охраны дворца.

— Сэр, прошу прощения, — не заходя внутрь, проговорил он. — Но к вам явился господин, которого вы принимали несколько недель назад, Ригонт — фамилия, говорит по неотложному делу...

Рион аж подскочил со стула, замахал на охранника руками и в волнении сказал:

— Давай, давай его сюда!

Принесенные учителем Лекса новости не внушали оптимизма. С одной стороны здорово, что и алхимик, и Эмилия были живы, с другой — им грозила смертельная опасность. Впрочем, не только им, возможно — всему миру, уж, по крайней мере, жители северо-северо-восточной части континента не могут чувствовать себя в безопасности. Рион готов был хоть сейчас седлать коней и мчаться на помощь, но проницательная Сарида разгадала в порыве герцога не только и не столько желание спасти мир, который, может, и спасти не от чего, но, в первую очередь, возможность уйти от возложенной на него ответственности.

Женщина сказала, что позаботится об этой проблеме сама, а Рион должен навести порядок в стране. Как бы герцог не упирался, Сарида бескомпромиссно разбила все его доводы. Впрочем, Рион и сам понимал, что не имеет права отлучаться из королевства в такое время, так что спор был не долгов.

На следующее утро герцог велел снаряжать к отправлению дирижабль. Альт потратил на дорогу, большую часть которой преодолел на поезде, пять с лишним дней. По воздуху они доберутся до места, если позволит погода, особенно на горном перевале, самое меньшее — за десять часов. Не самый плохой расклад.

Вместе с Саридой и Альтом он отправил один из своих элитных отрядов. Так же герцог написал письма некоторым лицам парламента Инамии, с которыми водил хорошие отношения. Больше Рион ничего сделать не мог, это его несколько тяготило, но с другой стороны, подхлестывало к усиленной активности здесь, на родине. Может, тетя права, ему следует быть более решительным и не перекладывать ответственность на других.

Сарида, как будто заметила в глазах герцога огонек, нежно обняла его и поцеловала в щеку, пожелав удачи.

Ранним утром герцогский дирижабль покинул Баруду.

На следующее утро, после случившейся встречи в пещере, Неил решил навестить недавнего знакомого. Торн — так представился мужчина, встретил его в крайне мрачном расположении духа. Был он бледен, не разговорчив и, похоже, даже еще не вставал с кровати. Неил спросил, как он себя чувствует и не нужна ли ему помощь, но мужчина лишь хмыкнул и махнул рукой. Мальчик простоял в нерешительности с минуту, неуверенно развернулся и направился к выходу. На пороге его остановил голос Торна:

— Зачем ты здесь, парень?

— А? — не понял Неил.

— Что они тебе наплели? — Торн даже не повернул к собеседнику голову, по-прежнему безучастно глядя в потолок. — Какую-нибудь чушь о спасении мира?

— Не то чтобы спасения... — смущенно пробормотал Неил, на щеках его проступил румянец.

— Ха-ха, — хрипло рассмеялся мужчина. — Но что-то в этом роде. Да-а, что еще нужно

мальчишке в твоём возрасте...

Повисло молчание. Неил подумал было, что на этом разговор окончен и робко потянулся к ручке двери, но Торн тяжело вздохнул и тихо продолжил:

— Не обманись, парень. Ты здесь уже достаточно долго и вроде как смышлённый малый. Похожи эти люди на спасителей мира? Похоже это место на оплот добра? Ха-кха-кха, я хоть и старше тебя, но тоже повелся, как дурак, — Торн вынул из-под одеяла правую руку и поднял ее наверх. — И вот чем кончилось. Не совершай моих ошибок...

Мальчику вначале показалась, что рука спрятана в перчатку, смысл происходящего прояснялся в голове постепенно, как будто неохотно. Страшная лаборатория, колба с монстром внутри, человек со шрамом на щеке, эта рука — все сложилось в одну картину.

Неил шумно сглотнул и спешно покинул комнату.

Весь день мальчик проходил в задумчивости, смутная тревога, не покидавшая его последние дни, обрела явственные очертания: Неил ввязался во что-то страшное и опасное. Многое, правда, до сих пор не укладывалось в его голове. Почему, например, такие люди, как архиепископ Дориен и Пирл... и Трэв, принимали в этом участие? Может их вовлекли, как и самого Неила — обманом? О других вариантах мальчик и думать не хотел, хотя они, нет-нет, да и появлялись в мыслях.

Ночью было не заснуть, перед глазами все время возникала рука Торна. Промучившись часа два, Неил решил пройтись. Он привычно пробрался коридорами дворца к пещерам, но только свернул в тоннель, ведущий в самое любимое его место — теплое, соляное озеро, как обнаружил, что его ждали. Это был Трэв. Неил на миг остановился, но замешательство длилось долю секунды, вздохнув, он уверенно зашагал к другу.

— Привет, — весело сказал Трэв. — Все продолжаешь свои ночные вылазки?

— Угу, а ты, что следил за мной? — фраза вырвалась сама собой, Неил, как будто и не то хотел сказать, но слова не вернуть, собрав мужество, мальчик прямо посмотрел на собеседника. Он ожидал чего угодно, но Трэв глядел виновато и слегка растеряно.

— Нет, что ты, — нервно ответил монах. — Я так... мне сказали, что видели тебя пару раз.

Повисло молчание. Трэв почесал переносицу и неуверенно спросил:

— Ну, как? Есть, что интересного? — он неопределённо кивнул вглубь тоннеля.

— Да много всего. Это старая гора. Вулкан, то есть.

— Здорово, я б тоже посмотрел, да все времени нет. Слушай, — вдруг оживился Трэв. — А, может, как-нибудь вместе сходим? Ты мне покажешь все.

— Да, конечно, — слабо улыбнулся Неил. — Было бы здорово. Там, знаешь, озеро есть...

Трэв вдруг резко приблизился к мальчику, грубо схватив его за руку, и торопливо заговорил шепотом:

— Слушай, Неил, тут такое дело, я, может, странное скажу, но ты слушай, — глаза монаха нездорово блестели, лицо было бледным, таким Неил своего друга еще не видел. — На днях тут начнется. Ты... Тебе надо бежать, дружище, — Трэв затравленно посмотрел по сторонам. — Завтра, после завтрака будет большое собрание — это твой шанс. Ты изучил эти тоннели...

— О! Вот ты где, — за спиной послышался голос Пирла.

— Действуй, парень, — все так же тихо сказал Трэв, хлопнув Неила по плечу. — Надеюсь, когда все закончится, мы сможем встретиться, и ты не будешь держать на меня

зла.

Сказав это, он пошел к Пирлу, смуглый монах смотрел подозрительно и слегка растерянно, впрочем, спрашивать, похоже, ни о чем не стал.

Неил вернулся в комнату, повалился на кровать и только закрыл глаза, как тут же погрузился в сон.

Проснулся от страшного грохота, думал землетрясение, но, нет, все вокруг оставалось на своих местах. За дверью послышались крики и топот сапог. Неил скинул одеяло. Решение было принято, надо уходить, потом разберется, что к чему. Сейчас главное выбраться из замка, потом искать убежища у герцога Риона, а там, госпожа Сарида, Лекс. Уж они-то в беде не оставят!

Неил ложился, не раздеваясь, поэтому сборы не заняли времени, мальчик достал из-под кровати рюкзак и выскочил из комнаты.

Так, через бани, в тоннель к лесу сталагмитов, потом, держась восточной части пещер до, примеченной давно расщелине в стене, через нее на улицу и вниз. Только бы хватило веревки. Интересно одежда подходящая, выдержит холод? Но ничего, если все время двигаться, глядишь, не замерзнешь.

В одном из коридоров Неила отвлек топот за спиной. Мальчик обернулся. Трое наемников пересекли проход — куда-то торопились, на Неила даже внимания не обратили. Во дворце что-то происходило, но, что — разбираться не было времени. Пока мальчик смотрел за спину, он не заметил человека за углом. Влетел со всего размаху, только ряса в глазах мелькнула. Его мягко отстранили, перед Неилом стоял архиепископ, лицо, как всегда доброе и приветливое, разве что немного уставшее.

— Вот ты где, а я тебя повсюду ищу! — широко улыбнулся Дориен. — Пойдем, мальчик мой, время пришло. Сегодня ты станешь героем.

Взмах, взмах, выпад. Свист рассекаемого воздуха ласкает слух. Выдох. Еще заход. Правое плечо уже не отзывалось болью, хотя и не вернуло пока прежнюю подвижность.

В последнее время Эрд пребывал в раздражительном состоянии. Он и его отряд проводили слишком много времени без дела. Начальство не понимает, с этими людьми нельзя так, они начинают дуреть, даже лучшие из них. Взять, например, Сина. Отличный офицер, смысленный, исполнительный, любит порядок, имеет амбиции. Но и он не лишен слабостей и, если подолгу не уголяет их, тем более, когда чувствует возможность, это плохо сказывается на профессиональных качествах лейтенанта. Эрд долго сопротивлялся, но все же отдал ему девчонку. Ну и что, что графиня, кто потом разберется в этом хаосе. К тому же, насколько знал Гартис, она в хороших отношениях с алхимиком. Будет ему урок. О, Эрд многое бы отдал, чтобы быть рядом, когда он узнает, что с девчонкой сделал Син.

Капитан не презирал увлечение своего заместителя, он понимал, что всем нужно выпустить пар, это очень важно в их ремесле. Когда-то, в молодости, Эрд и сам занимался чем-то подобным, но ему быстро надоело, он понял, что его возбуждает и очищает только азарт боя, насилие, сопряженное с риском, даже, если этот риск эфемерен. Ну, и конечно, Эрд получал удовольствие от приведения дел в порядок.

На сегодняшний день за капитаном числился только один серьезный промах — молодой синий алхимик. Но, если все сложится удачно, то скоро Эрд решит эту проблему. Приведет дела в порядок.

Ему доложили, что алхимик два дня назад появлялся в Ринте. Значит, он где-то

поблизости и Гартис был абсолютно уверен, скоро они встретятся. Да, убивать алхимика нельзя, но настанет тот день, когда руки Эрда будут развязаны, а до тех пор капитан и иначе сможет отплатить за все промахи.

Суэта последних дней чувствовалась все явственнее. Видимо план нанимателей вступает в свою завершающую стадию. И это хорошо, значит, скоро черная бригада завершит это отвратительное задание, в которое капитан ввязался по милости Кроне. Впрочем, Эрд не винил министра науки, в конце концов, благодаря ему у черной бригады всегда была работа.

Капитан ценил их деловые отношения, но самого Кроне не любил и даже презирал. Эрд прекрасно понимал, что скользкий политик, пустит его и всю черную бригаду, если понадобится, в размен, лишь бы не подставиться самому.

Вот и сейчас, казалось бы, дело какой-то мировой значимости подходит к самой ответственной стадии, съехались важные люди, чего стоит только архиепископ Юнии и советник короля Верисии, а Кроне нет, и Эрд был абсолютно уверен, что он и не появится. Зачем рисковать понапрасну? Если все получится, так министр был в деле, если же случится провал, так благочестивый политик к этому не имел никакого отношения и вообще все это время был в столице, рядом с императором, поддерживал его в нелегкий для страны момент — подготовки к войне с Аббаданом. В этом весь Кроне.

Эрд подошел к одному из манекенов, взял полотенце, обтер вспотевшее лицо и голову. Замер, прислушиваясь к происходящему за дверью. Что-то совсем расшумелись, эксперимент, что ли, какой-нибудь не по плану пошел. Как будто в подтверждение его мыслей, дворец содрогнулся от глухого взрыва. Так, это что-то новенькое. Эрд нахмурился и повернулся к двери, в которую в этот момент вбежал один из его людей.

— Сэр, у нас проблемы, — сдерживая волнение, доложил он.

— Что случилось?

— У входа во дворец открылся разрыв. Демоны.

Столько времени и сил потратить на поиски их убежища и в итоге сидеть здесь, в этой чертовой пещерке с дурацким рисунком на стене, не в силах что-либо предпринять.

Цельсия раздраженно откинула с лица прядь волос и глубоко вздохнула. После того дня, когда по дороге в особняк Канора ее пытались схватить, прошло больше недели. Все это время она пыталась найти следы, ведущие к месту, где ее бывшие наниматели совершили, по всей видимости, последние приготовления к своему ритуалу. Но Цельсию раз за разом ждали неудачи. Информаторы ничего полезного сообщить не могли, девушка узнала только, что организация нашла и укрылась в последнем прибежище Ктара. Знать бы, где это самое прибежище. Цельсия, слышала, что оно находится где-то в горах, но в этой части мира, куда не плюнь — везде горы.

Шпионка решила попробовать выследить один из караванов, перевозящих оборудование из особняка Канора. Однако и здесь ее постигла неудача. Только она стала осторожно собирать сведения о перемещениях подозрительных обозов, как до нее дошла новость о взрыве особняка. А, значит, перевозок больше не будет.

К тому моменту Цельсия перебралась в Ринт. Вести шпионскую деятельность под носом противника — дело нелегкое, особенно, когда твой враг настолько могущественный, что может дотянуться до тебя в любой точке мира. Впрочем, сейчас организации не до Цельсии, и девушка этим пользовалась. Конечно, она понимала, что, когда все уляжется, эти люди начнут замечать следы и устранять неудобных, но об этом Цельсия будет беспокоиться

потом. Сейчас же надо сосредоточиться на главном: найти чертово убежище Ктара и выяснить, каких успехов добились ученые, во главе с Муром, в области экспериментов со Сферой рассвета, а там, если появится возможность — украсть данные или, может даже сам артефакт.

Через несколько дней Цельсии повезло, она узнала, что в Ринте был Лекс. Покинул он город так же стремительно, как и заехал в него. Известно, что алхимик посетил одну гостиницу, оттуда его сразу же отвели в особняк видного в Инамии политического и научного деятеля — герцога Старлетта. Там произошла какая-то суматоха, и Лекс спешно покинул город.

Как только Цельсия узнала об этом, она тут же поспешила к особняку. И вовремя. На перекрёстке перед домом девушка встретила солдата черной бригады, она видела его несколько раз с Гартисом, солдат седлал лошадь, Цельсию он не заметил.

Шпионка проследила, в какую сторону поедет наемник, как только покинет город и поспешила на ближайшую почтовую станцию. Оформление проката лошади заняло бы время, и тогда о погоне можно было забыть, но и тут Цельсии повезло, на станции готовили обоз, лошади уже были запряжены, и одна стояла отдельно. Девушка, не мешкая, вскочила на кобылу и помчалась вон из города. Никто понять толком ничего не успел, а когда спохватились, было уже поздно.

Вот так Цельсия, благодаря череде удачных стечений обстоятельств, случившихся после ряда неудач, нашла все-таки убежище Ктара. Но тут шпионка столкнулась с очередной трудностью: было решительно не понятно, что делать дальше. Проникнуть во дворец незамеченной — совершенно невозможно. Для этого надо было бы пересечь, хорошо обозреваемую почти с любой точки, долину, а после миновать посты охраны. Конечно, возможно, во дворец были и другие входы, через пещеры, например, но сколько времени уйдет на их поиск, да и не факт, что охраняются они хуже.

Какое-то время Цельсия надеялась, что алхимик наведёт какого-нибудь шороха, и она, воспользовавшись ситуацией, проникнет в убежище, но Лекса и след простыл. Можно было, конечно, предположить, что он все-таки присоединился к организации, но за многие годы работы в шпионском ремесле, Цельсия неплохо научилась разбираться в людях, многие способны и на предательства, и на отступление от своих принципов. Однако были такие типы личности, которые никогда не поступят так. Цельсия делила их на две группы: человек с железной волей и чудаки. Первые были тугими, простыми и прямыми, как палка, вторые — непредсказуемыми. Надо ли говорить к какой группе относился алхимик?

Цельсия снова вздохнула и уставилась на пиктограмму, нарисованную на стене. Таких она еще не видела. Интересно, это для ритуала во дворце? Даже, не видя энергии звезд, Цельсия явственно чувствовала, что где-то там, внутри потухшего вулкана происходит что-то масштабное и невероятное. Девушка попробовала сотворить заклинание, получилось с трудом, энергии звезд вокруг было очень мало.

Ощущая все это, Цельсия начинала впадать в отчаянье, время уходило, скоро поздно будет что-либо предпринимать. Но она по-прежнему не видела возможности быстро проникнуть во дворец.

Тут сознания Цельсии что-то неуловимо коснулось. Какая-то иная сила, вызывающая беспокойство и даже страх, смесь неприятных эмоций. Что-то подобное девушка испытывала в пещере Пика Славы. Когда они искали...

Цельсия вскочила с места и выбежала из пещерки. Так и есть! Прямо у подножья

лестницы, ведущей к входу в дворец, раскрывался шов. Странное зрелище. Как будто медленно рвали лист бумаги, лежащий на черном столе. Цельсия по-настоящему поняла, насколько чужды разрывы для природы Илиона, даже внешне они были абсолютно неуместными и отталкивающими, словно клякса на красивом рисунке.

Какое-то время ничего не происходило, затем случилось то, от чего глаза шпионки расширились в невообразимом удивлении. Из разрыва появился человек! И не кто-нибудь, а сам Лекс Сион, синий алхимик, собственной персоной. Он контужено покрутил головой, поднялся на ноги и побежал к входу во дворец, смещаясь в сторону, к крайним колоннам. Навстречу вышли удивленные и растерянные стражники. Они даже к Лексу не спешили, не в силах сообразить, что вообще происходит, когда же наемники оклемались от шока и повернули в сторону незваного гостя, из разрыва полезли демоны. Один, два, четыре. И продолжали появляться.

«Ну, что Рика, лучшего шанса уж точно не появится!», — подумала шпионка, впадая в азартное волнение, и побежала к дворцу.

— Электричество — на минимум, — монотонно командовал Мур. — Реакция?

— Нет, — коротко отвечал ассистент.

— И, как прикажете в таких условиях работать? — пробурчал профессор. — Так, хорошо, Путь звезд на метр ближе и убрать экраны.

— Сэр...

— Выполнять! — Мур был не в духе. Проводить эксперименты без энергии звезд — непростая задача, а у него впервые за долгое время начало получаться что-то новое.

Ассистенты передвинули тумбу с артефактом и убрали экраны из темного стекла, стоящие между зеркалом и колбой.

— Реакция?

— Есть! — взволнованно отвечал помощник, но Мур уже и сам видел, как существо в резервуаре дернулось.

— Хорошо, ждем, — потирая руки, промямлил профессор.

Тело существа стало порастать рыжей шерстью, когти удлиняться, все это происходило медленно, но заметно. Через полчаса монстр стал проявлять признаки беспокойства: вздрагивать, двигаться, открывать и закрывать зубастую, вытянутую пасть.

— Что такое? — обеспокоенно спросил Мур, глядя по сторонам. Его первый помощник, фиксирующий что-то у прибора, похожего на сейсмометр, озадаченно ответил:

— Не знаю, вроде бы...

— Сэр! — прокричал один из алхимиков. — Энергия звезд! Она возвращается!

Одновременно с этим возгласом дверь в лабораторию распахнулась, появившейся на пороге наемник объявил:

— У дворца появился шов, прекращайте эксперименты!

— Пр-роклетье! — Мур досадливо взмахнул руками. — Убирайте зеркало, живо!

Но было уже поздно. Существо открыло глаза, совсем человеческие, только цвет неестественный — ярко-голубой, расправило плечи. Все сотрудники лаборатории в ужасе замерли, не в силах оторваться от колбы. Монстр сделал едва заметное движение и капсула, в которой он находился, разлетелась на тысячу осколков, во все стороны хлынула жидкость. Это вывело людей из оцепенения, они с криками бросились к выходу. Лишь Мур остался стоять на месте, в восхищении глядя на существо.

— Да, несомненно — моя лучшая работа, — профессор протянул руку. — Иди же сюда, поприветствуй своего создателя.

Тварь перевела на него свой взгляд, подобралась. Стремительный, едва уловимый глазом прыжок, взмах когтистой лапы, и окровавленное тело профессора отлетает в сторону, с неприятным шлепком ударяется о стену и бесформенной грудой сползает на пол.

Остальных ученых ждала та же участь, далеко разбежаться они не успели. Демон вышел на охоту. Контактных на его теле не было.

Шли в полной тишине. Эмилия мрачно смотрела в спину Сина, пытаясь представить, что ее ждет. После пары коридоров лейтенант свернул к непримечательной, деревянной двери, повозился с ключами, открыл и довольно грубо протолкнул внутрь сначала Эмилию, затем зашел сам. Щелкнул рубильник, комнату скудно озарил мутный, желтоватый свет.

Девушку это не удивило, еще по приезде сюда, она заметила, что дворец имеет источники питания и многие помещения освещаются как при помощи магии, так и силами электричества.

Зато удивило другое. Не слишком большая, вытянутая комната с низким потолком, обставленная самым пошлым и безобразным образом человеком, который, видимо не смог определиться, чем он хочет заниматься, да еще при этом обладающим большим воображением. На длинном деревянном столе, стоящем посередине комнаты, лежали: различные медицинские инструменты, книга, разного вида ножи, тарелка и наполовину пустая бутылка чего-то мутного. По стенам, вперемишку со шкафчиками и оружейными стендами стояли различные механизмы. Одни, очевидно — инструмент для пыток, назначение других, определить сходу, было сложно.

Эмилия не слишком долго изучала обустройство помещения. Ее внимание почти сразу приковала страшная картина в ближайшем углу комнаты. Там, на небольшом металлическом столе лежало тело... женщины. Да, безусловно, когда-то это была женщина. Половина лица ее была покрыта наростами, похожими на шипы, которые Эмилия видела у некоторых ящериц. Тело местами тоже было изуродовано странными, пигментными пятнами и ороговевшей кожей. Правая рука оканчивалась заостренной костью, вместо пальцев на левой были длинные когти. Ноги... ног не было, позже Эмилия заметила, что они валяются в тазу под столом. Девушку замутило.

— О, — Син проследил за взглядом графини. — Это Мур мне отдал, один из неудачных его экспериментов. У меня с ней тоже, правда, поиграться толком не получилось, она уже полудохлая была. Не переживай, скоро ее уберут. Пойдем, лучше покажу тебе свою коллекцию, тем более большую часть из этого, — Син обвел комнату рукой, — я создал сам.

Стараясь унять дрожь в ногах, Эмилия двинулась вслед за лейтенантом. Тот же, не скрывая нездорового возбуждения, рассказывал:

— Это милое изобретение я называю «Испытание девственницы», — Син указал на метровую палку с резьбой и винтом на одном конце, и куполообразным наконечником, размером с бутон тюльпана, с другой. — Неопытные девицы очень боятся этой шутки, — Син начал крутить винт, и бутон стал постепенно раскрываться. — Если ты понимаешь, о чем я? — сладострастно улыбнулся мужчина. — Впрочем, и женщины с опытом не испытывают восторга, но с ними не так интересно. Ты сама-то, как, девица? — Син приблизился к девушке, всматриваясь в лицо. — Нет, похоже, по бесстыжим глазам вижу. Жаль. Ну, да ничего, найдем, чем заняться.

— Ты просто псих, — машинально вырвалось у Эмилиии, она даже не успела пожалеть о сказанном, левую часть лица обожгло огнем, голова дернулась в сторону, на губах появился привкус соленого.

— Ты можешь говорить, тварь, — злобно прошипел Син, — только, когда я разрешу или потребую! — затем, будто ничего не произошло, продолжил своим спокойным и даже дружелюбным тоном:

— Эта штука мне тоже нравится. «Рукава правды», — на крюке висели длинные, по локоть перчатки из металла, в некоторых их частях хаотично — во всяком случае, на первый взгляд, были вставлены алюминиевые штырьки размером с мизинец. — Обладают высокой теплопроводностью, — продолжал будничным тоном свою экскурсию Син. — Этими застёжками можно приковать к печи или трубе, чтобы клиент не дергался, да и я был волен заниматься своими делами. А эти стержни расположены так, чтобы касаться нервных

окончаний, тут погрешности, конечно, возможны, зависит от размера руки. Ну, да это неважно, и так отлично работает.

Эмилию мутило все больше. От страха и от омерзения. Она отвернулась, и взгляд ее упал на шлем, сделанный всего из четырёх дугообразных, металлических полосок, каждая из которых крепилось к другой широкими, плоскими винтами.

— А, это, — небрежно сказал Син, заметив предмет интереса Эмилии. — Грубая работа, не так интересно. К сожалению, многих экспонатов моей коллекции здесь нет — слишком громоздкие для перевозки. Но один я не удержался — привез, он легко разбирается. Пойдем, — лейтенант недружелюбно толкнул Эмилию в спину.

— Произведение искусства! — торжественно произнес он, указывая на странного вида конструкцию. Остов изобретения представлял собой массивную, железную стойку, вдоль которой торчали пяти-семисантиметровые шипы. Снизу и на уровне рук расходились дуги, на их концах болтались кожаные ремни. На самом верху устройства была горизонтально прикреплена полуметровая планка, впрочем, размеры, как поняла Эмилия, были весьма условны, судя по виду, многие элементы конструкции можно было удлинять и укорачивать. Заканчивалась планка кольцом, которое могло смыкаться и размыкаться, по внутренней его стороне расположились тонкие металлические спицы сантиметров двадцать в длину.

— Красота! — мечтательно продолжал Син. — Это уже, правда, не мое изобретение, на заказ делали, так сказать, — он неожиданно хихикнул, Эмилия понимала, что лейтенант все больше впадает в эйфорию и эта экскурсия больше нужна ему, чтобы подзадорить себя, разогреть. — Но все по моим схемам и задумкам. Рассказать, как работает? — и не дожидаясь ответа, — человек помещается сюда, руки и ноги фиксируются ремнями, кольцо замыкаем на шее, — Син одновременно говорил и демонстрировал, как работают замки, — но не слишком туго, иначе штыри артерию повредить могут, — все было так дежурно и обыденно, как будто лейтенант конструкцию телеги объясняет, от этого Эмилии было еще неприятнее. — Ах, да, еще очень важно зафиксировать так, чтобы эти штыри, — он указал на остов, — касались позвонков. Их здесь не тридцать с лишним, как ты заметила, а семнадцать — для грудных и поясничных позвонков. Я хотел добавить еще шесть — для шейных, но мастер придумал лучше — этот ошейник. Я назвал его «Ожерелье грешника». О, и, кстати, не удивляйся моим медицинским познаниям! Я, знаешь ли, с детства врачом хотел стать. Да, — весомо добавил Син, хотя Эмилия никак не выказывала ни сомнения, ни удивления. — Даже в университет поступал, не взяли. Из-за денег, у меня небогатые родители были, — лейтенант на минуту замолчал, погруженный в раздумья, затем спохватился и бодро продолжил:

— Знаешь в чем идея? Через все эти штыри, в том числе и в кольце, проходит ток. Я могу при помощи этого пульта, — Син взял в руки коробочку с проводом, на которой уместилось три круглых переключателя. — Если нужно ввести человека в панику, включаем этот режим, — он повернул один из дисков и верхние шипы начали слегка искриться. — Для очищения, включаем этот, — заискрились нижние штырьки. — Почему для очищения? Дело в том, — Син мерзко захихикал, — что при воздействии током на поясничный отдел, человек не может сдерживать... А, знаешь, не буду всего рассказывать, сама увидишь. Впрочем, Эмилия давно все поняла, она мрачно посмотрела на ржавый тазик, стоящий под страшным механизмом и сжала руки в кулак. Хватит трусить, раз решила действовать — надо действовать, даже, если от страха уже не чувствуешь ни рук, ни ног. Но, если уж суждено умереть, то лучше быстро, пусть даже — болезненно, чем под пытками этого

извращения. Эмилия сипло втянула воздух, разлепила засохшие губы.

— Самое интересное в ошейнике, — продолжал нараспев Син. — Эту боль не многие преодолевают.

— В шейном отделе семь позвонков. Не шесть, — подчиняя голос и непослушный от страха язык, сказала Эмилия. — Может, деньги здесь ни причем, тебя не взяли в медицинский по другим причинам?

Син резко развернулся, лицо его белело на глазах, челюсть была сжата, но на губах застыла кривая улыбка. Так выглядит человек, который сдерживает ярость, но знает, что в скором времени даст ей выход, ситуация им контролируется. Син сделал два шага к Эмилиии. Снова ударил наотмашь. Графиня подставила руку, как учил Лекс, и по касательной отвела удар. Без размаха пнула ногой, целясь в пах, но Син развернул бедро, блокировав атаку, и снова ударил сам, на сей раз стремительнее и сильнее. Голова девушки дернулась, но она снова повернулась к лейтенанту.

— Не надо, — осипшим голосом, жалобно попросила графиня.

Син схватил ее за грудки и прижал к столу, Эмилия еле удержалась на ногах.

Более сильный противник. Девушка сделала все, чтобы он поверил в свое безоговорочное превосходство. Впрочем, тут и делать почти ничего не надо было. И вот незащищенная жертва в его руках. Лицо Эмилиии приняло тоже сосредоточенное выражение, что и при тренировках с Лексом.

Девушка, неожиданно резко и уверенно схватила Сина за руки. Так, большой и указательный палец на своих местах. Сдавить, вывернуть, затем удар плечом.

Не то чтобы Эмилия сделала все идеально, однако для новичка совсем неплохо, к тому же в полной мере сработал эффект неожиданности. Итак, от хватки освободилась, даже чуть оттолкнула, но, что дальше. Лекс говорил действовать по обстоятельствам. Эмилия уперлась нижней частью спины в стол и с силой пихнула противника ногами. Син отлетел к своим излюбленным орудиям пыток, а Эмилия, не теряя времени, рванула в сторону. Она давно незаметно смещалась к месту, где лежали ножи. Схватив первый, подвернувшийся под руку, девушка развернулась, вставая в боевую стойку и... остановилась.

Дело в том, что Син не собирался атаковать. Он стоял, как вкопанный и с глупым удивлением смотрел на Эмилию. Мозг девушки воспринимал картину увиденного по частям: неестественная поза лейтенанта, кровь на вороте мундира, хриплое, натужное дыхание. Лишь после она увидела две спицы воротника пыток. Одна проткнула шею с самого края, другая вылезла у кадыка.

Кажется, Син пытался что-то сказать, но из горла его вырывался лишь сиплый хрип, он то поднимал, то опускал левую руку, не в силах сделать что-то еще.

Эмилия расслабилась и выпрямилась. Утерев с подбородка кровь, она, тяжело дыша, сказала:

— Ожерелье грешника, говоришь? Что ж, тебе идет.

Здание сотряс взрыв. Эмилия вздрогнула и побежала к выходу. Что делать дальше непонятно, но одно девушка знала точно, в это место она никогда не вернется, хотя комната Сина наверняка будет являться ей в кошмарах.

— «О моем появлении здесь будут слагать легенды!», — думал Лекс, пробираясь коридорами дворца мерцающих.

— «Да уж, — отвечал в его голове Архельм, — эффектнее было бы только, выскочить из

портала верхом на демоне».

Лексу удалось пробраться во дворец, не вступая в битву. Первый, появившейся из разлома демон, оказался сильным, с двумя контактами, он магией ударил по дворцу, обвалив часть стены возле входа. Лекс проник внутрь, воспользовавшись этой брешью, пока охрана дворца сдерживала натиск существ Нижнего мира.

Всего в Илион смогло пробраться шесть демонов, об этом Лексу сказал Архельм, но все, не считая двухконтактного, оказались не слишком сильными, впрочем, и они смогли доставить наемникам массу хлопот, сражение даже сместилось внутрь дворца. Пока Лекс все больше углублялся в бывшее убежище мерцающих, волшебникам противника удалось запечатать разрыв, надо отдать им должное действовали они быстро и эффективно. Однако бой с демонами еще продолжался.

Поскольку Лекс не имел ни малейшего представления, где искать Эмилию и Нейла, он решил для начала разобраться с ритуалом, его ауру зрение алхимика видело даже через камень. Тем более мальчика алхимик, скорее всего там и обнаружит. А до Эмилии вряд ли кому-то будет дело во всей этой неразберихе и ее никто не тронет. О том, что с девушкой уже могло случиться что-то плохое, Лекс запрещал себе думать.

Один из коридоров вывел алхимика к большой двери, за которой оказался просторный колонный зал, на противоположной стороне, широкая лестница, в два пролета, вела к еще одной массивной арочной двери. Лекс уже обратил внимание, что многое во дворце страдало излишней помпезностью.

Здесь, в зале, Лекс наконец-то столкнулся с противником. По всей видимости, его ждали. Двенадцать солдат. Четверо мушкетных стрелков на балкончиках, по бокам от второго лестничного пролета. И восемь воинов у подножья лестницы. Руководил отрядом, личный телохранитель архиепископа. Лекс досадливо дернул щекой и мрачно сказал:

— Здравствуй, Пирл.

— Здравствуй, Лекс.

Наемники разошлись широким полукольцом.

— У меня приказ, — заговорил Пирл, — доставить тебя к Его Святейшеству целым и невредимым, — Лекс видел, что монах нервничает. — Я не представляю, как это сделать, если ты будешь сопротивляться. Но мне известно, что ты ответишь на предложение пойти со мной добровольно.

— Что ж, — ответил Лекс, скидывая верхнюю одежду и, доставая из ножен меч. — Раз все ответы известны, не будем тратить время.

— Меньше всего на свете я хотел бы драться с тобой, парень, — Пирл грустно покачал головой и снял с пояса свой боевой жезл.

— Я тоже, друг.

Лекс рванул с места, выбросив перед собой колбу. Грохот заложил уши, вспышка света ослепила глаза. Сквозь гул, послышались выстрелы. Мимо.

— Эй! — взревел Пирл. — Живым и невредимым, чтоб вас!

— Живым, — пробасил один из наемников. — Про «невредимым» ничего не было. У меня свое начальство. Не мешайся, монах.

Лекс чуть сменил направление, не сбавляя бега, к чему-то примерился, прищурил глаз, и с силой кинул в пол еще одну колбу. Прямо из каменной кладки вверх, по дуге, словно морской дракон из сказок, стал формироваться хрупкий мост из гранита. Явление было несколько похоже на эффект от нагревания кальция глюконата, только происходило оно

значительно быстрее. Судя по образовавшейся, на месте падения колбы, ямы, материал для моста брался прямо из пола. Конструкция, правда, получалась слишком уж хрупкой, буквально через мгновение участки «змеи», начиная от основания, стали обессилено осыпаться, падая фонтаном мелкой крошки и пыли на головы незадачливым наемникам. При этом мостик продолжал перекидываться в сторону лестницы. словно сигнальная ракета, запущенная в небо, хвост ее уже тает, но искорка продолжает свое падение.

Наемники потеряли Лекса из вида, казалось, только он был посреди зала, а теперь его и след простыл, хотя до ближайшей колонны было метров пятнадцать. Первыми алхимика заметили стрелки. Юноша мчался к ним на гребне каменной «змеи». Сион взмахнул рукой, что-то с шипением врезалось в стену и упало на правый балкон, через секунду прогремел взрыв, стрелков выкинуло с их позиций в разные стороны.

За мгновение до того, как «голова» каменного дракона врезалась во второй лестничный пролет и всей своей хрупкой конструкцией рухнула вниз, Лекс запрыгнул на второй балкон. Взмах меча, и один из стрелков, валится назад, хватаясь за грудь. Второй пытается защищаться ружьем, но отбить удается лишь один удар, вторым, колющим, Лекс пронзает противнику живот, затем спрыгивает с балкончика на лестницу, с лестницы на пол, избегая встречи сразу с тремя наемниками.

— «Вижу, ты неплохо подготовился, — пропел в голове алхимика голос Архельма. — Помощь не нужна?»

— «Нет, тут я сам».

Лекс одним широким взмахом отбил удары двух противников, тут же нырнул между тремя следующими наемниками, серией замысловатых па, ушел от атак, ударил сам. Сталь звонко запела. Один из противников схватился за шею и упал на колени. Лекс сделал три широких, плавных движения, перемещаясь между наемниками так, чтобы сбить их с ритма, заставить мешать друг другу. Воины были профессионалами, без лишней суеты разобрались с ситуацией. Но один все же замешкался, потерял бдительность, поверив в подавляющее превосходство, за что и поплатился. Тычок мечом в грудь, между ребрами, вывел его из боя.

По лестнице приближалась троица, от встречи с которой алхимик увернулся несколько секунд назад. Среди них был Пирл. Лекс кинул в нападавших колбу, выбрал зелье со свойствами послабее и просчитался. Дело в том, что энергии звезд в замке почти не было, ее искусственно выкачали, и она только-только начала заполнять пространство вокруг, видимо из-за того, что появление разрыва, нарушило ход ритуала. Но для большинства алхимических реакций энергия звезд необходима, она либо усиливает эффект реакции, либо придает определенные свойства.

Потому «земляная змея» — первая, использованная в бою реакция преобразования, развалилась, не успев принять форму, и сейчас высвобожденный поток углекислого газа, лишь отшвырнул ближайшего противника на метр, двое других же устояли на ногах, но остановились. Лекс сместился к тройке воинов, которые напали на юношу, когда он спрыгнул с лестницы. Два удара отбиты, один из наемников бросается вперед, резко выкидывая клинок, Лекс, скользящим касанием меча отводит удар в сторону, перехватывает руку противника, выворачивает ее, вынуждая наемника сместиться под удар подоспевшего товарища. Меч на секунду застревает в теле, алхимику этого более чем достаточно, он выныривает из-под защитившего его тела и с разворота, словно завершая движение вальса, вонзает клинок в живот противника.

За спиной послышалось шипение воздуха, Лекс дернулся в последний момент. Клинок

рассек сумку. Только алхимик развернулся, как тут же получил ногой в грудь. Отлетел на метр, перекувырнулся через плечо и вскочил на ноги.

— «Точно помощь не нужна?», — уже несколько обеспокоенно спросил Архельм.

— «Нормально, справлюсь».

Лекс нанес серию быстрых ударов. Нужно было спешить, троица с лестницы была уже близко. Противник алхимика увлекся фехтованием и не успел среагировать, когда Лекс неожиданно убрал меч из-под удара, вынуждая соперника провалиться чуть вперед, алхимик шагнул ему за спину, крутанулся волчком, вначале ударяя по спине противника, затем отражая новый удар подоспевшего напарника. Это был жезл Пирла. Удар получился жестким, Лекса откинуло назад. Однако расслабляться не было возможности, на юношу тут же налетели двое оставшихся наемника, действовали они значительно осторожнее своих товарищей, но не менее свирепо.

Отражая атаки, Лекс незаметно смещался к лестнице. Наемник, вступивший в начале боя в перепалку с Пирлом, попался в ловушку. Он думал, что Лекс хотел занять позицию выше и сам поднялся на три ступеньки, отрезая юноше путь наверх. Алхимик тут же, с разворота сделал подсечку, наемник полетел вниз, перепрыгнув через его тело, Лекс развернулся и бросился на второго противника. Тот, замешкавшись с телом напарника, не среагировал вовремя, алхимик легко перехватил руку с мечом, и пронзил наемнику живот. Вместе они упали к подножью лестницы.

Лекс поспешно встал, перед лицом мелькнул жезл Пирла, юноша дернулся назад, понимая, что, если бы монах хотел попасть по нему, алхимику было бы несдобровать. Рано Лекс сбросил старого товарища со счетов, решив, что тот больше драться не будет. Пирл меж тем нанес еще удар. И еще. Лекс уворачивался или отбивал тяжелый жезл по касательной. В какой-то момент взгляд монаха скользнул за левое плечо алхимика, Лекс тут же дернулся вправо. Возле уха прошипел клинок. Это вновь вступил в бой, сбитый недавно с ног, наемник.

— Проклятье, — сквозь зубы выругался Пирл. — Что ты творишь, аккуратнее! Помни...

— К черту! — огрызнулся мужчина. — Он всю мою группу перебил!

Пирл широким ударом ударил по мечу Лекса, надеясь обезоружить оппонента и закончить бой, алхимик оружия из рук не выпустил, но в его обороне возникла значительная брешь, чем не преминул воспользоваться наемник, бросившись в смертельную атаку. Пирл понял, что наделал и в отчаянной попытке остановить удар, бросился наперерез, в надежде, что напарник отведет меч. Но то ли наемник вошел в азарт, то ли ему в принципе было плевать на какого-то монаха, но атаку он даже не замедлил. Пирл успел подставить под удар жезл, клинок скользнул по набалдашнику и пронзил живот.

Дальше наемнику нужно было торопиться, чтобы успеть отбиться от налетевшего алхимика. Поначалу это вроде даже выходило, но чем больше Лекс наносил ударов, тем понятнее было — его противнику не выстоять. Наемник совершал ошибку за ошибкой, его меч уже никак не мог решить исход битвы, он просто бестолково болтался в воздухе. Когда мужчина это понял, его гнев сменился страхом, и тогда он, запыхавшись выдавил:

— Слушай, парень, я...

Закончить он не сумел, из его горла фонтаном брызнула кровь.

Лекс тут же побежал к Пирлу, присел, осторожно осматривая рану. Затем покачал головой и виновато посмотрел на монаха. Тот лишь невесело усмехнулся и спокойно, хоть и с тяжелым дыханием проговорил:

— Знаешь, когда мы впервые встретились, и Его Святейшество приказал тебя оставить в живых... кх-кх... я тогда подумал, что ты станешь причиной моей смерти... кх... и вот... Прости, — видя, что Лекс хочет что-то сказать, поспешно добавил Пирл. — Все зашло так далеко... но я не мог тебе сказать, не смог повлиять на ситуацию... кх... ты же знаешь, что для меня значит Дориен, он выгащил меня... кхе-кхе, — с краешка губ монаха побежала струйка крови. — Скажи, что он наделал? Все очень плохо?

— Плохо, — тихо ответил Лекс.

— Но ты ведь все исправишь? — алхимик промолчал. — Лекс, ты же знаешь, Дориен он... кх... он не...

— Я пришел сюда, — перебил юноша, — не убивать Дориена, но остановить его. Я не знаю, как сложится ситуация и обещать ничего не смогу.

— Да, понимаю, — Пирл слабел на глазах. — Но все же об одном попрошу, в знак нашей дружбы. Трэв... кх-кхе... Мальчишка не знает, что происходит вокруг... Он не заслужил, — сил продолжать у монаха не было, в глазах еле тлела жизнь.

— Я сделаю все, что смогу, чтобы сохранить ему жизнь.

— Спасибо, — дыхание Пирла стало сиплым и отрывистым. — Жаль, что все так... — глаза монаха стали стеклянными.

— Мне тоже жаль, — Лекс ладонью провел по лицу Пирла, прикрывая ему веки, хотел сказать что-то еще, но тут дверь на верху лестницы распахнулась, в зал вбежало четверо наемников и три человека в белых халатах. Вид у всех был взъерошенный и напуганный. Только люди добежали до лестницы, дверь за их спинами разлетелась в клочья, разбив голову одному наемнику. В зал влетел разъярённый монстр. Он двигался невероятно быстро, с поистине кошачьей грацией. Несколько взмахов когтистых лап и три окровавленных тела разлетаются в стороны. Удар хвостом отправляет вниз по лестнице еще двух человек. Оставшийся в живых наемник, попытался защищаться, даже замахнулся мечом, но резкое движение головы монстра, и челюсти с лёгкостью отделяют голову от тела.

Чудовище уставилось на Лекса злобным взглядом.

Потолок покрытый ржавчиной выгибался, словно плавящийся металл, поверхность его начала трескаться, из вздувшегося пузыря вылезли руки, их было много, десятка два. В середине появилось очертание лица, поверхность потолка в этом месте лопнула, голова, висящая на широком, нечеловеческом позвоночнике, потянулась к Торну. Это была женщина. Мертвецки бледное лицо, слишком широкая прорезь рта с отсутствием губ. Из глаз торчали какие-то металлические стержни то ли гвозди, то ли спицы, из левого — два, из правого — три. Они, вместе с бешено двигающимися яблоками, метались из стороны в сторону. Глаза, словно были лишены мышц и нервных окончаний, а потому не могли остановиться и сфокусироваться на чем-то. Женщина открыла свой беззубый, черный рот и гулко прошипела:

— Не бойся... не бойся... прош-ш-шу...

Торн, наконец, вспомнил, как дышать, воздух тугой волной обжег легкие. Юноша дернулся в сторону, обо что-то больно ударился. Резко открыл глаза.

Он лежал на полу своей комнаты. Лоб, сильно саднило, видимо, не слабо приложился, будет шишка.

Что-то не так. Торн с усилием попытался отвлечься от голосов в голове, которые в этот раз звучали громче, чем обычно. Во дворце творился небывалый хаос: грохот, крики, топот сапог, лязг металла. Юноша с усилием приподнялся, посмотрел по сторонам. Его комната изменилась, все: стены, пол, потолок, были мелко исписаны черными неведанными буквами или иероглифами. Торн присмотрелся внимательнее, каждый знак — это рисунок. Здесь изображались калечные люди. У кого-то не хватало конечностей, кто-то выгибал ноги, руки, шею или спину под неестественными углами. Бесчисленное множество калек, вязью сплетались в жуткую письменность.

Торн, подавшись какому-то непонятному порыву, резко встал и стал одеваться. Выбрал одежду, которую носил, будучи сумеречным, нацепил ножны с мечом, как всегда — на поясице. Оружие было хорошим, почти, как его самый первый клинок, не хотелось оставлять.

Пока юноша одевался, краем глаза он заметил, что странные письма начали двигаться, змеями сворачиваться в кольца или убегать с места на место. Торн тряхнул, разрывающейся от боли головой и выскочил из комнаты.

Коридоры поросли какой-то непонятной оранжево-серой субстанцией, сквозь которую виднелись ржавые, обветшалые стены. Было очень сыро, с потолка капала вода, стоял страшный смрад. Что-то тронуло сознание юноши, что-то из детства. Да, ему приходилось ночевать в подобных местах, когда он сбежал из приюта: заброшенные дома, подвалы, трущобы. Разве что не было этой противной поросли. Что это такое Торн не представлял.

Архитектура убежища Ктара изменилась. Коридоры вели не туда куда раньше, они стали длиннее, имели огромное количество разветвлений, выводили в заброшенные комнаты, заставленные плесневелой, разваливающейся мебелью. При этом все происходящее не было похоже на сон и, пожалуй, это-то и было самым страшным. Торн уже отчасти привык к своим кошмарам, они мучали, изводили его, но сознание сохраняло надежду на пробуждение, на то, что скоро кошмар закончится. Сейчас же надежды не было, все было слишком реально, как в тот раз, когда он получил эту проклятую руку.

Из-за поворота, в конце коридора вышло странное существо. Серое, склизкое тело, на двух коротких, мощных ногах, туловище сильно наклонено вперед так, как будто существо должно было передвигаться на четырех лапах, однако передние конечности были слишком малы и слабы, чтобы на них можно было опираться. Из спины твари торчало пять металлических прутьев, покрытых той же субстанцией, что и поверхность вокруг. Морды у существа не было, даже голову выделить было сложно, просто тело заканчивалось более узким отростком, но так было до того, как существо почувствовало Торна. Оно повернулось к нему. Тело чуть удлинилось, и из того места, где условно можно было выделить голову, образовалась, по-другому и сказать сложно — просто вырезалась сквозь плоть, вытянутая зубастая пасть. Монстр издал пронзительный вопль и с неожиданной прытью, бросился на Торна. Юноша не стал испытывать судьбу, даже к мечу не потянулся, бросился прочь.

Поворот, поворот. Торн уже давно не понимал, куда бежит. Чавкающие звуки за спиной подгоняли, мешали думать. В какой-то момент юноша разозлился сам на себя и резко остановился. В конце концов, почему он должен убегать? Никогда страх не делал из него труса. Торн оглянулся, за спиной никого не было, шагов тоже было не слышно, зато появился другой звук. Визг циркулярной пилы, лязг металла о металл, скрежет шестеренок. Шум нарастал, он исходил отовсюду, будто Торн оказался посреди завода. Он побежал прочь, снова не разбирая дороги, только бы поскорее оказаться подальше от этого ужасного места. В голове шептало: «Отдай, отдай, отдай».

Ноги скользили по мокрому полу, чтобы избежать падения и вписаться в поворот, Торн резко затормозил, ударился в стену, хотел было бежать дальше, но внимание его вдруг привлекла фигура в углу. Ребенок, судя по одежде и комплекции — Неил. Он стоял спиной к Торну, уткнувшись в грязный угол и тихо скулил, кажется — плакал.

— Эй, — робко позвал Торн. — Ты чего тут? — он подошел к мальчику и положил руку ему на плечо. — Давай, надо уходить отсюда. Ты видишь, здесь...

Юноша осекся, Неил повернул голову, вместо глаз на его лице зияло два черных провала, из которых сочилась ярко-оранжевая жидкость. Торн дернулся назад, врезался в стену, перед лицом его оказался разрезанный пополам человеческий глаз. Юноша с ужасом понял, субстанция, покрывающая стены — это перемолотые человеческие останки, кости и мясо. Торн шархнулся от стены, поскользнулся и упал на пол, больно ударившись затылком. В глазах потемнело.

Стук в висках постепенно переходил в грохот, в топот сапог. Торн открыл глаза и осторожно сел. В соседнем коридоре пробежал отряд наемников, молчаливые, сосредоточенные, на него даже внимания не обратили. Юноша посмотрел по сторонам, окружение приняло привычный вид: стены, пол, потолок из обычного камня, Торн даже понял, где находится — в коридоре возле кухни и склада продуктов.

Ощущения от восприятия не изменились, стерлась грань между бредом и реальностью, Торн не мог больше сказать, что настоящее, а что нет. Голоса в голове звали, уговаривали, требовали. Юноша попытался представить себе Аделу. Вот она стоит у крыльца с ведром воды, улыбается... или плачет. Торн напрягся, пытаясь увидеть лицо девушки, ничего не получалось, черты размывались, ускользали.

Юноша прохрипел что-то нечленораздельное, поднялся и побрел по коридору, опираясь о стену, словно пьяный. Внезапно опора ушла из-под плеча, Торн через дверь ввалился на кухню. Прошел пару метров, взгляд упал на широкий пенек с вколоченным в него топором для разделки мяса. Юноша вспомнил, как он безуспешно боролся с поленьями во дворе дома

Аделы. Дыхание его стало тяжелым, лицо сморщилось, словно от сильной боли, он схватил топор и издал дикий, отчаянный крик.

Монстр был чуть меньше трех метров в высоту, передвигался, как на двух, так и на четырех лапах. Верхние конечности были значительно длиннее нижних, тонкие и узловатые, они, тем не менее, обладали недюжинной силой, а тридцатисантиметровые когти делали из них по-настоящему смертоносное оружие. Правая и верхняя часть тела были покрыты густой рыжей шерстью, нижнюю часть и левую сторону обтягивала жесткая, серая кожа. Голова была чем-то похожа на лисью морду, только пасть гораздо больше, вытянутее и усеяна длинными острыми зубами. Над пастью сияли два ярко-голубых глаза.

Существо подобралось, громадным прыжком перелетело первый лестничный пролет и, набирая скорость, понеслось на Лекса.

— «Парень, я думаю...», — неуверенно начал Архельм.

Тварь снова прыгнула, Лекс в последний момент отскочил в сторону, перекувырнувшись через плечо.

— «Да, что я должен делать?!»

— «Расслабиться».

— «Расслабиться?!», — Лекс дернулся в сторону, когти прошли в нескольких сантиметрах от лица, ударились в камень, выбивая искры.

— «Успокойся, вспомни случаи, когда я овладевал тобой».

— «Овладевал?.. Звучит, как-то...», — Лекс с трудом увернулся от еще одной атаки и побежал к колоннам.

— «Не отвлекайся! Вспомни, ты оставался в сознании, твой разум, хоть и приглушенно, но мог оценивать происходящее».

— «Ну, пожалуй», — неуверенно ответил Лекс. Во время одержимости он действительно мог воспринимать реальность, правда, урывками.

— «Тебе нужно частично воссоздать то состояние, так сказать подвинуться, позволить войти в себя»

— «Проклятье! Ты можешь изъясняться как-нибудь иначе?!», — лапа монстра снова пролетела в пугающей близости от головы Лекса, врезалась в колонну, выбивая из нее солидный кусок гранита.

— «А в чем дело? — искренне изумился демон. — В общем, тебе нужно ослабить контроль, очистить разум»

— Пф, словно дешевое руководство по сектантским духовным практикам, — презрительно проворчал Лекс, уходя от очередного удара. Монстр поскользнулся на теле убитого наемника, алхимик использовал этот шанс, с размаху ударил мечом по спине демона. Тот взвыл, откинул плечом противника, у пасти его возникло темно-фиолетовое облако, монстр запрокинул голову, выгнулся, затем резко вернулся в исходное положение. Из пасти вырвался ослепительный луч, он оставлял в камне глубокую борозду, одну колонну без усилия разрезал надвое.

Лекс вскочил на ноги, еле поспевая, колесом, перепрыгнул через смертоносное заклинание. Луч дошел до противоположной стены и угас. Монстр снова направил свой гневный взгляд на алхимика.

— «Тебе надо торопиться, он набирает силу. Вскоре справиться с ним будет очень сложно».

— «Проклятье, ты же говорил, что они закрыли разрыв».

— «Он не из разрыва. Я вообще его не чувствовал».

— «Это не демон?»

— «Демон, несомненно, но, как будто... Берегись!»

Монстр снова накинулся на Лекса. Алхимик мечом отвел страшный удар когтей, от второго удара увернулся, отскочил и швырнул в демона колбу. Монстра приковала к полу сине-зеленая слизь. Демон с удвоенной силой и яростью стал вырываться из силков.

— «Молодец! Теперь давай, соберись, это твой шанс!»

— Соберись, расслабься, — недовольно проворчал Лекс. — погоди! — он хлопнул себя ладонью по лбу и полез в сумку. — У меня же снотворное осталось!

— «А, — растерянно произнес в голове голос Архельма. — Да, действительно, я как-то не подумал. Но, помни нужно по-прежнему быть осторожным. Энергии звезд здесь все еще мало, значит, мне будет проще контролировать себя. Однако будь начеку».

Лекс осушил колбу. Монстр к этому времени вырвался из силков, взревел. Алхимик закрыл глаза. Демон еще раз взревел, ударил когтями по полу и, без подготовки, быстро ринулся на юношу. Когда их разделяло несколько метров, монстр сделал широкий замах правой лапой, смертоносный удар со свистом рассек воздух, неумолимо приближаясь к голове жертвы. Лекс распахнул веки, правый глаз светился фиолетовым, левый же был черным с желтым зрачком в виде четырехлучевой звезды.

Алхимик перехватил лапу монстра, используя инерцию рывка противника и, добавляя своей силы, он швырнул демона в сторону. Монстр со всего размаха влетел в колонну, проломив ее у основания.

— Ну, наконец-то, — хищно улыбнулся Лекс или, скорее — Архельм. — Теперь игра пойдет по другим правилам.

Разъярённый монстр ринулся в новую атаку, алхимик увернулся, ударил сам, правда, не мечом — ладонью. Демон упал на спину, перевернулся, оскалился, но нападать больше не спешил.

Странные это были ощущения. Лекс прекрасно осмыслял и ощущал происходящее, даже, как будто принимал решения, но все это словно было обманом, постановкой.

Демон-лис снова напал, теперь он действовал быстрее, крутился вокруг алхимика, нанося непрерывные удары. Лекс уворачивался, иногда отбивался мечом. Интенсивность атак все увеличивалась, тогда черно-синяя аура за спиной алхимика стеклась в правую руку, окутав меч, сделав его внешнее более длинным и широким. Лекс махнул клинком, монстр зашипел и отпрыгнул в сторону, затем еще дальше, встал на четыре лапы, изогнулся. Снова появилось темно-фиолетовое облако над спиной демона. Никаких лучей на этот раз не было, из сгустка начали вылетать двухметровые, белые копыя.

Лекс уклонился от двух и побежал к монстру, постоянно меняя направление, чтобы не угодить под магический обстрел. Взмах клинка опять заставил монстра отступить, облако над его спиной тут же исчезло. Снова когти начали разрывать воздух, но нечеловеческая проворность алхимика и темный меч, эффективно противостояли натиску. Каждый раз, когда когти сталкивались с клинком, монстр яростно шипел, однако натиск не прекращал.

— Черт, надо заканчивать, — прошептал Лекс голосом Архельма. — Иначе такими темпами я...

Алхимик отпрыгнул назад, будто отступая, демон заглотнул наживку — рванул в нападение. Лекс сместился в сторону, уходя от удара, крутанулся вокруг своей оси и с

размаху ударил мечом. Попал куда-то между бедром и спиной. Хлынула кровь, монстр истошно взревел, развернулся. Но Лекс с нечеловеческой силой оттолкнулся от пола и ударил противника ладонью в грудь. Они вместе пролетели несколько метров, пока монстр не ударился в стену и не осел на пол. По его телу от руки Лекса начали расползаться черные путы, они не просто стягивали конечности демона, но и вращались в стену и пол, полностью обездвиживая жертву.

Лекс схватил противника за шею, размахнулся мечом, но тут из-под шерсти демона блеснула серебряная птичка. Алхимик посмотрел на значок, затем на светло-голубые глаза монстра. Шерсть на правой стороне морды разметалась и можно было различить черты человеческого лица, изуродованные серой, жесткой кожей.

— Ирин? — в ужасе прошептал Лекс.

— «Эй, что ты творишь?!» — прокричал в голове голос Архельма.

Лекс ослабил хватку. Демон разорвал путы, отбросил человека и, сильно хромя на левую, заднюю лапу, отбежал к центру зала.

— «Живо верни мне контроль, я добыю его!», — не унимался Архельм.

Лекс медленно пошел к монстру.

— Что они с тобой сделали?

Демон начал крутиться на месте, лапами оттирая лицо. Он шипел, рычал, скулил. Заметив, что человек подошел достаточно близко, монстр отпрыгнул назад, взревел и быстро, насколько позволяла рана, направился к выходу. Одним мощным движением он в щепки разбил двери, через которые Лекс попал в зал, и скрылся во мраке коридоров. Его вой еще долго доносился до ушей Лекса.

— «Он может стать большой проблемой», — уже спокойно проговорил Архельм.

— Да, — согласился Лекс, задумчиво глядя на проход, в котором скрылся демон-лис. — Но теперь уже ничего не поделаешь. Скажи лучше, что там с нашими демонами?

— «В живых остался один. Он сейчас где-то во дворце. Надо торопиться».

Лекс поднялся по лестнице, за дверью коридор разветвлялся на три пути. Алхимик пошел туда, где убранство замка постепенно становилось беднее и больше похужишина пещеру.

— «Архельм, а тот артефакт из Нижнего мира, меч. Ты говорил, он может разрушить связи, подпрастранственные закономерности. А есть ли какие-то ограничения?»

— «Все думаешь о своей подружке-демоне. Забудь, у нас есть дела гораздо важнее».

— «Нет никаких ограничений, — спустя минуту, продолжил Архельм. — Ломать — дело нехитрое. Тут самое сложное — обнаружить эти связи. Я, например, многие из них вижу, но такова моя природа. Людям это недоступно. Быть может с помощью зрения алхимика их тоже можно увидеть, но смотреть надо из нашего мира, а ты помнишь, что происходит, когда используешь там эту способность».

Лекс нахмурился, остановился и, забыв, что диалог ведется в его голове, вслух сказал:

— Погоди, ты говорил, что артефакт способен разделить нас с тобой. Как ты собирался это проверить, если я не смогу увидеть связи, а ты — коснуться меча?

— «Об этом будем думать потом, сейчас у нас более важные дела».

— «Еще одно, — продолжил он немного погодя. — Артефакт копит силу долгое время — человеческой жизни не хватит, а тратит очень быстро. После того, как ты открыл шов, энергии в нем значительно убавилось»

— «И насколько же ее еще хватит?»

— «Не знаю, зависит от того для чего ты будешь использовать артефакт. Просто будь осторожен».

— Угу.

Лекс стоял посреди не слишком длинного, широкого прохода с двумя выходами, к которым вели невысокие лестницы. Стена в нише между лестницами была разукрашена фресками. На них изображалась древняя битва человечества против демонов и явление миссии — Юнии. Лекс помнил это одно из самых древних изображений богини, считавшихся давно утерянным, оно называлась «Радость дарящая». Что-то шевельнулось в сознании алхимика, какая-то догадка, но мысли не дали развиваться — дверь, через которую Лекс вошел в помещение, открылась. На пороге стоял капитан черной бригады — Эрд Гартис.

— Я знал, что ты придешь, — улыбнувшись, сказал он. — Не знаю почему, но тебя здесь все ждут. Хорошо, что я встретил тебя первым, у нас ведь есть нерешенные дела.

Лекс тяжело вздохнул, поморщился и недовольно ответил:

— Так не хочется тратить на тебя время. Но ты ведь просто так не уйдешь?

Лицо Эрда побелело от ярости, но он быстро совладал с собой, сделал несколько шагов в сторону Лекса, остановился, нахально усмехнулся и сказал:

— Убивать тебя мне нельзя, но повернуться может по-всякому. В любом случае я должен вернуть тебе кое-что, — он достал из ножен стилет Вана и самодовольно покрутил его возле лица.

— Серьезно?! — сокрушенно воскликнул Лекс. — Ты все это время держал это в голове? Тебе нужно серьезно поработать над своим застреванием, — алхимик безразлично отвернулся от, в бешенстве сжавшего челюсть Гартиса, и посмотрел на другой выход. В принципе уйти ничего не мешало, но противник, наверняка будет преследовать, а там есть риск нарваться на других наемников. Нет уж, придется уладить все здесь.

Только Лекс потянулся за мечом, как дверь, через которую он только что думал бежать, открылась. В помещение зашла совсем уж неожиданная для алхимика персона. Сумеречный Лагол, которого Лекс последний раз видел в летней резиденции мэра Паталы. Юноша был бледен, словно смерть, к правому боку он прижимал культю, перемотанную тряпкой. В здоровой руке стискивал меч.

— О! — неизвестно чему обрадовался Гартис, хотя тревожный взгляд его был прикован к культе Лагола. — Еще один человек, который задолжал тебе. Ведь насколько я знаю, — обратился он уже к сумеречному. — Калекой тебя сделал наш общий друг, синий алхимик.

— «Это проблема?» — обеспокоенно спросил тем временем Архельм.

— «Пожалуй, — мысленно вздохнул Лекс. — С одним я еще справлюсь, даже Лагол не большая проблема, он ранен. Но с двумя...»

— «Боюсь, я пока не помощник. Объединение — дело не простое, я еле выдержал и мне нужно время на восстановление».

— «Да, я это почувствовал».

— Покарауль выход, дружок, — обратился к Лаголу Эрд, медленно направляясь к Лексу. — Я постараюсь сделать все быстро, но, если что, будь готов включиться, нельзя дать ему уйти.

Сумеречный кинул презрительный взгляд на Гартиса, затем посмотрел на Лекса и тихо, но твердо проговорил:

— За моей спиной дверь, алхимик, за ней путь направо и вверх, по лестнице. Где-то там

они проводят свой ритуал. Останови этих психов. А я уж тут... прикрою, — последнюю фразу он сказал как-то уж совсем вымученно.

Гартис остановился, с гневом глядя на сумеречного, Лекс же не заставил просить себя дважды, бочком, опасаясь ловушки, он двинулся мимо Лагола к двери, юноша на него даже не взглянул, внимание его было приковано к капитану черной бригады.

Лекс выскочил в коридор, свернул направо. Странно это, конечно, было встретить здесь Лагола, а уж получить помощь от старого врага и того удивительнее, но алхимик решил об этом пока не думать. По винтовой, сделанной прямо в скале лестнице, он поднялся выше. Дальше через очередной коридор в небольшой зал с несколькими выходами, у одного из них стоял Трэв.

Лекс никогда не видел старого друга в таком состоянии: глаза впали, движения нервные и резкие, взгляд рассеянный и тревожный. Юный монах, дернулся, сделав движение, чтобы вытащить из-за спины боевой посох, на секунду замер, опустил руку и направился к алхимику.

— Лекс, слава Богини! — порывисто начал он. — Я уже ничего не понимаю, что происходит? Его Святейшество словно сума сошел! Повсюду демоны! И, что это за история с тобой?..

— Трэв! — алхимик схватил юношу за плечи. — Послушай меня внимательно. Дориен здесь?

— Да. Там за углом, большая дверь, — монах кивнул головой себе за спину. — Он приказал не ходить туда и отправил всех послушников, защищать дворец, но я остался...

— Хорошо, — Лекс кивнул и сжал плечи собеседника сильнее, призывая к вниманию. — Где Эмилия... графиня Крейптон?

— Что? При чем здесь графиня? Она никак не связана!..

— Послушай, ее схватили и держат где-то здесь. Наемники, черная бригада. Ну! — Лекс слегка встряхнул собеседника.

— Но у нас здесь, — неуверенно начал Трэв, потом ему что-то пришло в голову, и он порывисто добавил:

— Постой наемники! Да в их крыле есть что-то похожее на тюрьму...

— Трэв, — тут же перебил Лекс. — Ты должен отправиться туда, вытащить графиню. После этого уходите, как можно дальше от этого места. Ты понял?

Юноша, как загипнотизированный кивнул, затем лицо его вновь обрело тревожное выражение.

— А ты?

— Мне нужно еще повидаться с Дориеном.

— Ты пришел убить его? — севшим голосом спросил Трэв.

Лекс вздохнул и спокойно, никак не выказывая нетерпения, сказал:

— Тебе нужно торопиться, времени мало.

— Постой! — снова спохватился собеседник. — Учитель! Он отправился искать тебя. Ты?..

— Пирл погиб, — чуть резко ответил алхимик, но тут же мягко добавил:

— Прости приятель, я не смог ничего сделать. Спаси графиню, и уходите отсюда.

Ужас застыл на лице Трива, на глаза навернулись слезы. Но он резко тряхнул головой, кивнул и, убрав руки Лекса со своих плеч, побежал к одному из выходов.

— Не смей тут умирать! — прокричал юноша, не оборачиваясь.

— «Ну, что, готов к решающему сражению?» — раздался в голове насмешливый голос Архельма.

— Может до сражения и не дойдет, — безэмоционально ответил Лекс, хотя в голосе его уверенности не было.

Эмилия металась по дворцу в поисках выхода, дергаясь и замирая от каждого звука. Она боялась, что ее схватят, стоит ей только выйти из пыточной. Но вопреки опасениям, ни за комнатой пыток, ни где-либо еще, девушке не встретился ни один человек. Однако Эмилия слышала звуки боя, крики и нечеловеческий рев. Похоже на дворец напали демоны.

Еще графиня заметила, что вокруг постепенно стала скапливаться энергия звезд. Но ее еще было недостаточно, чтобы полноценно колдовать, поэтому Эмилия всячески избегала и боялась встречи с противником. Обидно будет, после всего через что она прошла, быть снова схваченной.

— Эй, кто здесь?! — послышалось за спиной.

Эмилия даже оборачиваться не стала — рванула за поворот, и какое-то время бежала куда глаза глядят, не замечая, что погони и не было, у защитников дворца сейчас были другие проблемы. Девушка выбежала к широкому, тускло освещенному проходу, здесь, у двери стоял человек, он возился с ключами, под нос ворча ругательства. Эмилия узнала его даже в полумраке.

— Магистр?!

Сельтус задрожав обернулся, лицо его расплылось в лживой улыбке, через которую заметно проглядывал страх.

— Эмилия, девочка моя, как я рад, что... — подойдя ближе, Сельтус осекся, так как увидел выражение лица графини. Маска тут же слетела с его слащавой физиономии, и он раздраженно и надменно продолжил:

— Вечно ты лезешь, куда не следует. А я говорил, надо было прикончить тебя, когда ты начала разнюхивать повсюду вместе с этим Ригонтом! — Эмилия подумала, Сельтус даже сплюнет сейчас от отвращения, при том, что это ему совершенно не шло, но он лишь скорчил презрительную гримасу. — Вечно выдающимся людям и великим свершениям, мешают всякие тупицы!

— Тупицы? — усмехнулась Эмилия, она вдруг поняла, что неприязнь к этому человеку копилась у нее с первой встречи, но авторитет магистра магии и советника короля подсознательно подавлял это чувство. И сейчас, когда маски сброшены девушке стало легко на душе — можно было вести себя с ним свободно и говорить, что хочется. — Насколько я помню «великие люди» пришли к «тупице», потому что так и не смогли разобраться в закономерностях перехода энергии и функциях подпрастранственного поля, даже когда все факты были у них под носом, а потом «великие люди» не погнушались использовать исследования «тупицы» в своих экспериментах. Да у мальчишки-алхимика в его тринадцать лет талантов и способностей было больше, чем у магистров вашего дурацкого культа. Он, кстати, носит всего лишь синий значок, — Эмилия презрительно улыбнулась.

Сельтус так сильно сжал челюсти, что, казалось, сейчас послышится хруст ломающихся зубов.

— Ах ты! — прошипел магистр. — Что ж так мне даже проще будет заткнуть тебя раз и навсегда.

Из его груди вырвался сгусток энергии, пролетев метров пять, он обрел форму дуги, светящейся ярко-розовым светом.

Эмилия была готова к атаке, она уже какое-то время собирала энергию вокруг. Для

полноценного щита ее было недостаточно, поэтому девушка отразила заклинание в сторону. Стена рядом взорвалась мелкой, каменной крошкой.

Вслед за первой дугой, почти тут же полетела вторая, графине ничего не оставалось, как попросту увернуться, ей повезло, заклинание прошло в нескольких сантиметрах от тела. Каким бы искусным волшебником не был Сельтус, творить подобные заклинания так быстро при ограниченной энергии звезд вокруг — невозможно. Эмилия заметила, как при очередной атаке у магистра на груди блеснул медальон. Все понятно — действие артефакта. Девушка снова чудом ушла от удара. Но через пару секунд Сультус атаковал снова. Эмилия поставила щит, но слишком слабый, девушку откинуло назад на несколько метров и сильно приложило об пол. В ушах зашумело, во рту почувствовался соленый привкус. Эмилия стала поспешно отползать назад, но через пару метров уперлась спиной в стену. Сультус злобно оскалился и послал в атаку очередную дугу. Но неожиданно это заклинание столкнулось с очередным магическим щитом, на этот раз более надежным. Вместе с грохотом взрыва по стенам затрещала каменная шрапнель.

Взгляд Эрда был тяжелым, на губах играла презрительная улыбка. Алхимик был достойным противником, и даже не смотря на всю свою ненависть, Гартис относился к нему с уважением. Лагол — совсем другое дело. Это предательство. Такое в черной бригаде не прощается. Да, формально, бывший сумеречный не был ее членом, но они работали над общим делом и какое-то время мальчишка находился под командованием Сина. В общем, приоритеты поменялись, сначала надо разобраться с предателем, а потом догнать алхимика, даже если не получится успеть, ну так что ж, все равно ему никуда не деться.

— Ты совершил самую страшную ошибку в своей жизни, сынок, — зловеще проговорил Эрд, медленно направляясь к Лаголу. — А, что с твоей рукой? — подозрительно спросил он. — Потерял?

Юноша молчал. Сгорбившись, он прижимал свою культю к боку и внимательно наблюдал за капитаном черной бригады.

Конечно, сумеречный — это крайне опасный противник, Гартис прекрасно это понимал, но сейчас перед ним стоял полуживой мальчишка без правой руки. Вряд ли тут возникнут проблемы.

И все же Эрд начал бой со свойственной ему осторожностью. Несколько ударов, пара ложных выпадов. Лагол вяло защищался. Со временем Гартис начал увеличивать темп. Он и сам не заметил, как начал драться почти в полную силу.

В своей хитрой, коварной манере он трижды завел сумеречного в ловушку. Однако реакция и рефлекс у парня были на высоте, каждый раз он, пусть и с трудом, отбивался. Гартис запутал противника несколькими одиночными ударами с разных сторон, отступил назад, вынудив Лагола нападать с неудобной позиции, скользнул клинком по его короткому мечу к гарде, хотел зацепить и обезоружить. Но Лагол немислимым пируэтом ушел из-под захвата, нырнул под не поспевающую атаку, и чуть было не вспорол капитану живот. Эрд отскочил в самый последний момент, клинок противника рассек ему камзол на боку.

Что ж, даже раненый, сумеречный есть сумеречный. Гартис оттер со лба испарину и встал в боевую стойку.

Зал, несомненно, был тем самым из легенд о Ктаре и культе мерцающих. Большое, просторное помещение, где свод потолка дугой нависал на высоте метров пятнадцати, не

меньше. Все поверхности были из начищенного до зеркального блеска, пестрого гранита. На полу, в половину площади помещения, была изображена четырехлучевая звезда, на ее концах стояли черные, основательные пьедесталы. На двух из них лежали артефакты, Лекс никогда не видел их вживую, но, надо полагать, это были Сфера рассвета и Камень страданий. Пиктограмма была описана окружностью, между ней и звездой оставалось двухметровое пространство, в этом участке, за пустовавшими двумя пьедесталами, были нарисованы многоугольники, испещренные магическими формулами. Подобными рунами и знаками была исписана, почти вся пиктограмма, просто здесь их было больше всего. В правом от входа многоугольнике, на коленях сидел Неил. Дориен восседал на каменном троне за дальним от входа пьедесталом, на котором лежал один из артефактов.

Как только Лекс вошел в зал, дверь за его спиной с оглушительным грохотом захлопнулась, а его самого неведомая сила бросила вперед, чуть не размозжив голову о арцитовый пьедестал. Юноша поднялся и, нахмурившись, осмотрелся. В помещении начисто отсутствовала энергия звезд, а, как известно, даже для активации артефакта, нужна хотя бы ее часть.

Неприятная догадка посетила Лекса, он посмотрел на мальчика, который сидел, не шелохнувшись, в коматозном состоянии, потом перевел взгляд на Дориена и насмешливо сказал:

— Отличное место для человека, который хочет уничтожить мир.

— Ох, оставь эту патетику! — поморщился Дориен, махнув на Лекса рукой. — Страсть у вас у молодежи к высокопарности, — архиепископ тяжело поднялся с трона и сделал шаг вперед. — Принимая во внимание твое появление здесь, к сотрудничеству, надо думать, ты не готов.

— Почему же? — наигранно удивился Лекс. — Заканчивай этот балаган, и давай сотрудничать.

— Что ж, хотя бы выслушай меня, полагаю, я имею право объясниться. На правах старой дружбы хотя бы.

— Объясниться? — пожал плечами Лекс, внимательно разглядывая окружение. — Зачем? Я видел достаточно, вряд ли ты сможешь переубедить меня. Одно только странно. Ты начал ритуал, но у тебя по-прежнему нет одной составляющей. Алхимик с двумя началами. Единственное, чего я не понял, что это за два начала?

— А все остальное понял? — хитро прищурился Дориен.

— Вроде как.

— Что ж, тогда ты упустил самое очевидное. Два начала — это способность к волшебству и к алхимии, то к чему стремился Ктар.

— Но это невозможно.

— Возможно. И доказательство тому стоит передо мной.

Повисла пауза. Лекс пытался придать себе непринужденный и даже нагловатый вид, хотя в душе шевельнулось что-то неприятное, тревожное.

— Ох, Дориен, — притворно вздохнул он. — Я, конечно, все понимаю, но, похоже, ты и впрямь обезумел, за двадцать пять лет я уж как-нибудь понял бы, что имею оба дара.

— Это все потому, — довольно улыбнулся священник, — что ты не видел себя в момент одержимости.

Лицо алхимика помрачнело, вспомнилось, как он два месяца назад рассказывал Неилу о природе магии и способностях некоторых демонов колдовать.

— Но это не моя сила, — шепотом сказал он, обращаясь не только к Дориену.

— Нет, дружок — твоя!

— «И твоя тоже».

Прозвучало два ответа. Первый — торжественно и напыщенно, второй — подавленно и растерянно.

— Да, друг мой, — нарушил, возникшую тишину Дориен. Голос его звучал так же возвышенно. — Ты явился ко мне, словно чудо, тогда, десять лет назад. Много лет я искал этот ключ и уже отчаялся, бросил. Но тут поездка в Адэ и наша счастливая встреча! Я наконец, нашел избранного, нашел тебя!

— Нашел недостающий ингредиент для ритуала...

— Не говори глупостей! Я всегда любил тебя, как сына. Знаешь, каково мне было, когда я узнал, что ты ушел из храма. Потом явился с той отвратительной войны и снова ушел. Да ты хоть представляешь, чего мне стоило отпустить тебя из замка императора несколько дней назад, когда ритуал был уже готов! Но мне важно было, чтобы ты сам понял...

— При чем тут любовь, — сквозь зубы сказал Лекс. — Ты просто боялся, что я сдохну где-нибудь и тебе придется начинать сначала. Поэтому ты проводил эти эксперименты, пытаясь искусственно сделать алхимика одержимым.

— Я проводил эти эксперименты, потому что до последнего не хотел втягивать тебя! Но со временем я понял — ты избран, это твоя судьба, ты должен быть здесь, со мной. Конечно, я боялся отпускать тебя, но дело не только в стрехе за мою миссию, я боялся и за тебя тоже. Боялся, — вздохнул священник, — но удержать не смог, ты был слишком свободолюбив, своеволен, упрям. Ты бы не понял всей важности всего этого, — Дориен провел руками по залу. — Лучшее, что я мог предпринять — это контролировать твое состояние посредством храмов, которые ты посещал два раза в год. Но все же я проявил слабость, мне следовало самому готовить тебя...

— К закланью?

— К очищению мира! К спасению!

— Да о чем ты, черт тебя подери, говоришь! — взорвался Лекс. — Рассказывай этот бред твоим культистам, я видел формулы, изучал ваши работы, все это, — алхимик указал на пиктограмму, — не имеет никакого отношения к открытию стабильного разрыва и выкачиванию энергии. Это печать призыва! Что ты хочешь вытащить оттуда, миллионы демонов? Какую силу Нижнего мира ты хочешь призвать?

— Не Нижнего мира! — почти криком ответил Дориен. — Но нашу. Силу, подаренную людям богами!

— Да что ты?.. — Лекс внезапно осекся, страшная догадка пришла в голову. Образы вихрем проносились в сознании: черная, жуткая башня, сотканная из дыма, чудовищная сила, заключенная в ней, обезумевшая женщина, уже и на человека непохожая. Радость. Истинное имя возникло в Нижнем мире не привычным символом, а сразу образом и словом. В Илионе Лекс увидел бы значение на древнеэдейском. Которое звучало бы...

— Ингрия. Ее истинное имя, — прошептал он. — В священных писаниях ее часто называют «Радость дарящая». Это была Юния!

— Ты видел ее! — тут же накинута Дориен, он как-то сразу постарел, черты лица обострились, глаза, покрасневшие, уставшие, были широко раскрыты, губы дрожали.

— Да...

— Она жива? — в глазах священника: надежда, страх и радость — все вместе.

— Да... — Лекс покачал головой, будто отгоняя наваждение. — Да, но Дориен...

— Это ли не чудо?! Какие еще аргументы тебе нужны?! Ты избран, ты первый, кто увидел ее после двух тысяч лет. И ты поведешь ее назад, в наш мир!

— Нет-нет, погоди, все не так просто. Ты даже не представляешь, какое это количество энергии, она просто сметет пол-Илиона. К тому же Юния... она, не совсем человек уже...

— Разумеется, — всплеснул руками священник. — Она — Богиня!

— Нет, я не о том. Я имею ввиду, что она, как бы сказать... совсем не то, что мы себе представляем. Это слепая, неразумная сила...

— Хватит! Не оскверняй ее имя!

— Ты откроешь разрыв, который невозможно будет закрыть. Энергия Нижнего мира хлынет сюда рекой, плюс ко всему — сущность, обладающая немислимой силой, неизвестно, как она себя поведет, прорвавшись к нам. Сущности, которых мы называем демонами, впадают в безумство под влиянием энергии звезд...

— Богиня не имеет с ними ничего общего!..

— Ты приведешь мир к гибели?

— Я веду его к процветанию!

— Ты заблуждаешься.

— Я верю в это и готов отдать жизнь, ради этой цели.

— Вот как, — задумчиво проговорил Лекс, губы его расплылись в насмешливой улыбке. — Не слишком ли ты прихотлив для такой возвышенной позиции?

— О чем ты? — нахмурился Дориен, с лица его разом исчезла вся напыщенность.

— Не кажется ли тебе, что при столь чистом и страстном стремлении, правильнее бы тебе быть на этом месте, — Лекс кивнул в сторону Неила. — А не прикрываться мальчиком.

— Ха-ха, — невесело рассмеялся Дориен. — Заметил?

— Встреча в особняке и, неестественно меняющая траекторию полета, динамитная шашка, вызвали сомнения. Но сейчас, после весьма недвусмысленного способа заставить меня войти в зал, я убедился полностью.

— Динамитная шашка? Мда, в наблюдательности тебе не откажешь.

— Ну, так что, Дориен? Не слишком ли ты затянул со своим священным долгом спасти Богиню? Оправданы ли были поиски мага, способного изменять ход времени, — Лекс кивнул на Неила, — если ты сам имеешь эти способности? Это наводит меня на мысль, что твои стремления недостаточно чисты.

— Не нужно проверять мою преданность вере, — мирно улыбнулся священник. — Обстоятельства сложились так, что мои способности оказались слишком слабы. Я могу с ограничениями перемещать предметы и слабые заклинания, временем манипулировать мне не под силу. Я не хотел рисковать, слишком многое поставлено на кон.

— Ну-ну.

— Я не жду от тебя понимания, Лекс, для этого надо пройти путь, который прошел я, — Дориен взглянул на пиктограмму, вздохнул и поднялся на постамент трон. Садиться, правда, не стал. — Что ж, перерыв окончен, энергия стабилизирована, пора продолжать.

Священник стал чертить на троне знаки. В зале начал нарастать гул. Пиктограмма засветилась.

— «Мда, Лекс, поболтали и будет. Не пора бы и нам взять пример со священника и начать действовать?»

— «Не могу. Преобразование на пике, вся накопленная сила, а ее здесь чудовищно

много, замкнута на меня. Если я покину свое место, рванет так, что не только от нас, от всей горы мокрого места не останется».

— «Мда, приходить сюда было большой ошибкой, ведь без тебя бы у священника все равно ничего бы не вышло. Вина за этот промах, в первую очередь, лежит на мне. Как я не догадался!» — сокрушался Архельм.

— «В этой суматохе сложно было сделать правильные выводы. К тому же не все так просто. Ритуал набирал свою силу и шел полным ходом уже несколько дней. Вряд ли старик был настолько уверен в моем появлении, тем более после взрыва особняка. Скорее всего, у него был запасной план. Какой-нибудь эксперимент с одержимостью алхимиков оказался успешным. Вспомни, например, Ирин. Она могла использовать магию».

— «Что ж логично. И, что будем делать?»

— «Есть у меня одна идея, но сначала надо спасти мальчика».

— «Слушай, Лекс, я, конечно, все понимаю, но сейчас приоритет...»

— Нет, — строго сказал алхимик. — Сначала вывести отсюда мальчика.

— «Хорошо. Что мне делать?»

— «Пока — просто ждать».

— Неил, — осторожно позвал Лекс, затем чуть громче:

— Неил!

Никакой реакции. Дориен повернулся на звук, посмотрел на мальчика, затем перевел недовольный взгляд на Лекса, покачал головой и вернулся к своей работе.

Гул нарастал, потоки измененной энергии звезд стали носиться по залу, словно ветер, норовя сбить с ног. Лекс уже видел подобную картину. Двенадцать лет назад он стоял вот так посреди подобного хаоса, понимая, что совершенные им ошибки приведут к катастрофе. Напуганный мальчик суетился возле пиктограммы, внося изменения прямо в процессе преобразования. Сейчас, конечно, было не так. Все рассчитано, все протекало гладко. Только вот и масштабы эксперимента были несопоставимо больше.

Пространство позади трона, метров в десяти от него, дрогнуло, казалось, задрожал сам воздух. При помощи зрения алхимика Лекс осмотрел пиктограмму. Энергия стала перераспределяться, стекаться к пьедесталам. Скоро она замкнется в нужных формулах, и проход в Нижний мир начнет раскрываться.

Время действовать. Лекс посмотрел на Неила, он сидел в прострации, глядя перед собой, на окружение никак не реагировал. Очевидно, мальчик был под легким гипнозом. Лекс знал эту технику, служители Юнии нередко прибегали к ней, чтобы достичь покоя, алхимик и на себе её не раз применял. Есть несколько способов мирно выйти из гипнотического транса, но сейчас было не до деликатностей.

— Неил! — громко позвал Лекс. — Южный форт, эпидемия, костер, люди, горящие в огне! — дыхание мальчика стало тяжелым, беспокойным, голова чуть дернулась в сторону. — Госпожа Мирсет заболела страшной болезнью, от которой в муках умирали люди! Демон возле церкви, разрывающий меня на части!

Неил моргнул, осмотрелся по сторонам, взгляд его был напуганным и шальным, как после пробуждения от кошмара.

— Давай, давай, дружище, приходи в себя! — поторапливал Лекс, поглядывая на Дориена, священник читал формулы, водя рукой по рунам, на алхимика и мальчика внимания он не обращал.

— Лекс? — удивился Неил. — Что ты здесь?.. погоди, Лекс, его святейшество!..

— Так, дружище, — не дал продолжить алхимик, — слушай меня внимательно и делай все в точности, как я скажу. Ты понял? — мальчик перестал смотреть по сторонам и растерянно кивнул головой. — Когда я скажу, ты должен выйти из многоугольника, в котором стоишь, — Неил посмотрел под ноги и снова кивнул. — Но только, когда я скажу, не раньше! После, ты должен быстро покинуть зал и бежать из дворца, как можно дальше. Ты сможешь сориентироваться?

— Я... — совсем растерялся Неил и испугано посмотрел на Дориена, который, подняв правую руку вверх, громко, нараспев декларировал формулы. — Да, я хорошо знаю это место, — уверенно сказал мальчик, снова повернувшись к алхимику. — Лекс, но, как же ты?

— Я пока не могу уйти, — мягко ответил алхимик. — Мне нужно здесь кое с чем разобраться, а потом я следом за тобой.

Пентаграмма чуть потускнела, зато засветились артефакты: Сфера рассвета — ослепительно-белым светом, Камень страданий — тускло-сиреневым. Измененная энергия звезд стала перемещаться по пентаграмме, активируя и заряжая некоторые ее участки.

— Лекс, что-то мне... — слабо простонал Неил. Ритуал вытягивал из него силы. Но если расчеты верны — это лишь первая стадия активации объектов ритуала. Сначала берется лишь часть их энергии, в каком-то смысле — «на пробу», чтобы магические формулы начали работать в нужном направлении. С этого момента энергия из артефактов, а также людей, участвующих в ритуале, будет высасываться постепенно, пока проход в Нижний мир не откроется. Затем все пойдет по другому сценарию, но время еще есть.

Пик активности в части пиктограммы Неила начал спадать. Энергия трех оснований стекалась к четвертому, к Лексу. Алхимик почувствовал головокружение и слабость, в висках нарастала боль.

— «Архх!», — да, Архельму было еще тяжелее, по каким-то скрытым каналам, в зале начала копиться природная энергия звезд — яд для существа Нижнего мира, она перемешивалась с энергией артефактов и людей, образуя новые реакции, выводя ритуал в новую стадию.

Сейчас. У них будет минута не больше. План очень рискованный, но придумывать другой у Лекса времени не было. Пик силы начал переходить в другие участки пиктограммы.

— Сейчас, давай! — прокричал Лекс.

Неил рванул с места. Зал содрогнулся, гул перешел в невыносимый визг, сквозь который еле пробивался отчаянный крик Дориена:

— Что вы наделали?!

Пол завибрировал, казалось, тряслась вся гора. Может так и было. За дверями послышался грохот — обваливались камни.

Пробегая мимо алхимика, Неил приостановился и робко сказал:

— Лекс?..

— Беги! — грубо крикнул юноша, морщась от боли, ему сейчас приходилось плохо — весь откат от нарушившего ход ритуала обвалился на него, как на последнее звено реакции.

Неил рванул к выходу. Дориен в ужасе переводил взгляд с мальчика на свои формулы и обратно, священника охватило паника, дело всей его жизни рушилось на глазах. А мальчишка, тем временем, уже открывал массивную, неподатливую дверь. Дориен выбросил перед собой руку, что-то невидимое схватило Неила за ногу. Мальчик упал на пол, разбив губу, его протащило назад на пару метров и отпустило. Дориен снова взмахнул рукой, ничего не произошло. Неил вскочил на ноги, в несколько широких шагов добежал до двери и

скрылся в приоткрытом проеме.

Дориен перевел гневный взгляд на Лекса. Гул начинал стихать, хотя своды еще сотрясались под невидимыми ударами, а пол, как будто не мог решить, встать ли ему на дыбы или провалиться в пропасть.

— Ну, что ж, Дориен, — сквозь зубы проговорил алхимик, — самое время доказать свою лояльность, — он кивнул на место Неила.

— Мальчишка, — злобно прошипел священник и направился к пустовавшему многоугольнику.

Торн затравленно смотрел на противника, сил давно уже не было. Капитан черной бригады был опытным бойцом, действовал точно и аккуратно, а состояние сумеречного оставляло желать лучшего. Впрочем, Торн не сильно и надеялся на победу, задержал противника — уже немало. Главное, чтобы алхимик справился. Юноша, как утопленник хватался за эту мысль, хотя с чем справится и что после этого будет, понимал слабо. Ему почему-то казалось — если алхимик победит, это подарит Аделе безопасную жизнь. Мир станет чуть лучше. Торну оставалось не много, он это понимал и хотел использовать это время во благо, сделать что-то по-настоящему нужное, полезное, возможно, впервые в жизни.

Противник пошел в новую атаку. Последние несколько минут он полностью владел ситуацией, Торну оставалось лишь из последних сил отбиваться. Хотя юноша видел слабые места, ошибки, слепые зоны. Будь сумеречный в нормальном состоянии, бой бы уже давно закончился.

Клинки на секунду скрестились и отскочили друг от друга. Еще одна многоходовка, ведущая к ловушке, сколько же их у него? Два удара справа, тяжелый — по ногам, с разворота в голову. Торн уворачивается. Тут же удар сверху. Но как? Клинок противника ведь ушел в сторону. Ах, видимо удар в голову был обманным. Но Юноша и тут отбивается. Капитан наносит колющий удар в грудь, Торн вынужден парировать с неудобной позиции.

Перед глазами Адела. Улыбается. Теперь юноша отчетливо видит ее лицо, красивое, доброе, смешливое. Кажется, эта девушка из другого мира, бесконечно далекого от всех этих страданий, лжи, грязи, насилия. Она его путеводная звезда, ради которой...

Капитан воспользовался преимуществом. Нанес два удара с разных сторон, сбивая ритм и, окончательно выводя противника из равновесия. Следующая атака отвела меч Торна в сторону. Капитан размахнулся, намереваясь рассечь живот, но юноша в последний момент увернулся.

Могло ли сложиться все иначе? Заслужил ли он право на счастье? Заслужил ли этот уютный домик в тихом местечке? Заслужил ли мирную, спокойную жизнь? Да он до недавнего времени вообще не знал, что это такое. Заслужил ли он ее любовь? Столько сделано зла, столько глупостей. Черная полоса, белая. Нужно стараться и тогда удача... Помогло ли это отцу? Помогло ли это Эркате? От судьбы не уйдешь.

Капитан делает стремительный выпад, Торн защищается. Клинок противника отводит меч юноши в сторону, цепляя его гардой и, продолжая движение, вонзается в живот. Торн бросает оружие и хватается за лезвие, не давая ему двигаться дальше.

Капитан ревет и таранит юношу к стене. Торн чувствует, как камень больно ударяется в спину. Противник второй рукой вытаскивает из-за пояса кинжал — смешной, нелепый стилет, метя в шею. Торн отпускает клинок и перехватывает руку со стилетом. Противники замерли, со злостью глядя друг на друга.

— Это не конец, парень, — прошипел капитан, яростно стискивая стилет. — Я не прощаю предательств.

— Дважды не убьешь, — обессиленно прошептал Торн. Лезвие уже было у самой шеи, сумеречный краем глаза прочитал слово «Ван» на рукоятке.

— Хе-хе, нет. Но после того, как я тебя прикончу, мы с ребятами отправимся в одну

деревеньку под Паталой, — глаза капитана горели безумной ненавистью. — Там отыщем твою знакомую. Ребята пустят ее по кругу, а потом я вспорю ей живот.

— Ха-кха-ха, — хрипло рассмеялся юноша и твердо посмотрел на противника, капитан на секунду растерялся от такой реакции, нахмурился. — Даже последний идиот знает, — в каждое слово Торн вкладывал остатки сил, — что во время сражения нельзя подходить к сумеречному вплотную.

Рука юноши неожиданно сильно сдавила кисть противника. Капитан почувствовал слабость в ладони, большой, указательный и средний палец, онемели. Но толком удивиться этому командир наемников не успел. Кинжал в секунду изменил направление и резким движением вошел под челюсть капитана, как нож в масло погружаясь в череп.

Похожий прием применила графиня Крейптон на Сине, но этот, конечно был выполнен гораздо профессиональнее.

Капитан отпустил Торна, сделал несколько шагов назад, нелепо расставив перед собой руки, будто пытаясь поймать кого-то в жмурках. На лице застыло безмерное удивление, изуродованное неестественной гримасой. Из горла доносились нечленораздельные звуки. Правый глаз мужчины закатился вверх и слегка оплыл, видимо стилет задел его изнутри. Капитан секунду постоял на месте, сделал неловкое движение дотянуться до кинжала и, как подкошенный, рухнул на пол, не подавая больше признаков жизни.

Торн обессиленно сполз по стене вниз. Сделал три глубоких вдоха. Нужно восстановить силы и убираться из этого проклятого места. Над головой раздался оглушающий треск, что-то где-то обвалилось, стены и пол задрожали. Похоже алхимик добрался до цели. Что ж, удачи ему.

Нужно идти. Через горы, северные земли. В Верисию. Нужно скорее найти ее защитить. Никогда больше не совершать такой глупой и страшной ошибки, всегда быть рядом. Смотреть в ее глаза...

Нужно идти... Вот только, как же отяжелели мышцы, нет сил даже веки удержать. Ладно чуть-чуть отдохнуть и... и... Нужно идти...

— Ну и ну, — раздался мелодичный, женский голос. — Какой неприятный, дерзкий старичок.

Эмилия повернула голову и увидела ту самую незнакомку, которая спасла ее у храма Ридума-Ми. Девушка сделала несколько шагов вперед и наигранно удивилась, как будто бы, только сейчас поняв, с кем имеет дело:

— О, магистр! Я вас не узнала! Впрочем, не удивительно, вы как-то изменились. Мало спите?

— Лилия, — гневно прошипел мужчина. — Я думал ты...

— Умерла? — закончила за него девушка. — Нет уж, у меня, знаете ли, другие планы.

— Что ж, так даже лучше. Терпеть тебя не мог, — Сельтус сложил перед грудью кисти, соединив в форме ромба, большие и указательные пальцы.

— У-угу, — пропела Лилия.

В тот же момент перед Сельтусом возникли и ринулись в атаку сразу две розовые дуги, затем три. Девушка махнула рукой и побежала вперед. Густой туман порывом ворвался в коридор, еще взмах и фигура Лилии разделилась на три призрачных образа. Взрывы от заклинаний Сельтуса разогнали туман, он тяжелыми хлопьями спадал на пол и утекал в щели между камнями.

Магист почувствовал, как что-то ударило в грудь. Он вздрогнул, но не от удара, а от неожиданности: лицо Лилии было совсем рядом, почти касалось его щеки. Девушка нежно прошептала ему на ухо:

— Ну, что, мерзкий старикашка? Это не то же самое, что с институтскими барышнями дуэли устраивать?

Она отстранилась и непринужденной походкой направилась к Эмилии. У Сельтуса даже дух перехватило от такой наглости. Он хотел что-то сказать, но вместо слов, из горла хлынул поток крови. Мужчина в недоумении посмотрел вниз. Каменное копьё, торчащее из земли под острым углом, пронзило грудь магистра. Одежда чернела пятнами крови. Три заклинания подряд, такого он не ожидал. Сельтус даже боли толком почувствовать не успел, его тело, словно бабочка на булавке, бессильно осело на пике.

— Так графиня, — шутливым тоном заговорила Лилия. — Второй раз вам жизнь спасаю, если так пойдет дальше, вам проще будет меня телохранителем нанять.

— Я подумаю над этим, — ответила Эмилия, с благодарностью принимая руку и поднимаясь с земли. Вокруг все качнулось, видимо, головой она приложилась не слабо. Графиня удержала равновесие, подавляя рвотный позыв и, придя в себя, хотела что-то сказать, но в проходе появился еще один человек.

Лилия резко обернулась и вскинула руку, искры заплясали между пальцев, но тут же потухли. Она знала этого паренька, они виделись недавно в Адэ, в апартаментах архиепископа. Как же его?..

— Трэвор?! — подсказала Эмилия, направляясь навстречу юноше. — Что ты здесь делаешь?!

— Ваше превосходительство! — страдальчески воскликнул монах, в недоумении взглянув на труп Сельтуса. — Так Лекс был прав, вы здесь. Что же они наделали, что же мы...

— Лекс? — перебила Эмилия. — Он здесь?

— Да, он... О, и вы здесь! — Трэв слегка поклонился подошедшей Лилии. — Он сказал, сопроводить вас к выходу и увести на безопасное расстояние от горы, здесь может произойти что-то страшное!

— Дружок, — ласково заговорила Лилия. — А сам Лекс, где он?

— Он, — растерялся на миг монах. — Он с Его Святейшеством... у вершины вулкана... они...

— Дедушка Дориен тоже здесь?! Но почему?

Лилия же ни о чем спрашивать не стала, глаза ее сузились, а лицо приняло задумчивое выражение. Ей показалось странным встретить здесь ранее людей в рясах Юнии. Но теперь все вставало на свои места. Министр науки Адэ, архиепископ Юнии. Какие еще люди стояли у основания организации?

— Я... э-э, — замямлил Трэв. — Простите меня, ваше превосходительство, я...

— Солнышко, — пришла на помощь Лилия. — Так ты отведешь нас к Лексу?

— Точно! — спохватилась Эмилия и направилась в сторону, откуда появился монах, проходя мимо юноши, она схватила его за рукав и потащила за собой. — Давай, нельзя терять время, показывай дорогу.

— Но, ваше превосходительство, — вяло запротестовал Трэв. — Лекс сказал, нужно срочно уходить отсюда. Здесь опасно... а будет еще опаснее. — Эмилия не обращала на сопротивление юноши никакого внимания. — Ваше превосходительство! Да послушайте...

о-ох... не туда, — сдался он, — в эту сторону.

Подъем был не простым: пологие коридоры, крутые лестницы. Эмилии после удара об пол было по-прежнему нехорошо: кружилась голова, слегка подташнивало. А под конец пути, гору еще начали сотрясать мощные толчки, иногда не то, что идти — стоять было тяжело. Тут отряд ожидала неожиданная встреча, из-за угла выбежал, напуганный, взъерошенный, весь в пыли, Неил. К нему тут же бросился Трэв, схватил за плечи и укоризненно сказал, стараясь перекричать грохот:

— Что ты здесь делаешь? Я же сказал тебе уходить!

— Прости, Трэв, у меня не вышло, — мальчик перевел взгляд за спину монаха и слегка поклонился. — Госпожа Винара и вы здесь, о, и госпожа Крейптон.

Тут гору сотряс совсем уж мощный толчок, что-то с грохотом и треском обвалилось, затем еще, совсем недалеко, после, землетрясение немного успокоилось. Лилия встала на ноги, тряхнула головой и побежала вперед, остальные — за ней. Там, за поворотом их ожидал основательный завал.

— Черт! — громко выругалась Лилия, глядя по сторонам.

— Я же говорил, здесь опасно, надо уходить пока не поздно.

— А, как же Лекс?! — возмутилась Эмилия. — Оставим его здесь?

— Есть другой путь? — строго спросила Лилия.

— Да, но придется идти в обход, к противоположной части замка.

— Боюсь, это из-за меня, — робко заговорил вдруг Неил. — Я покинул свое место в разгар ритуала, Его Святейшество говорил этого ни в коем случае делать нельзя, но Лекс настоял...

— Проклятье, — сквозь зубы прошипела Лилия. — Он, что, спятил?

— Он спасал ребенка, — нахмурилась Эмилия.

— Представляешь, сколько силы вбухали в этот ритуал?! Если что-то пойдет не так... — Лилия задумалась и порывисто повернулась к Неилу. — Артефакты! Они там? Камни.

— Д-да, — растерянно отвечал мальчик. — Два камня.

Лилия тяжело вздохнула и как-то вся поникла. Она повернулась к обвалу и положила руку на камень. Опять тряхнуло, где-то что-то осыпалось.

— Ладно, — недовольно сказала девушка. — Надо уходить, — она повернулась к Трэву. — Выводи нас.

— Что?! — возмутилась Эмилия. — А Лекс?

— Брось! — резко ответила Лилия. — Что ты можешь? С крохами энергии звезд завал не расчистить, магия не поможет. Обходить? Сколько времени уйдет? Здесь в любой момент все развалится.

— Н-но...

— Нам остается надеяться, что он выберется сам. И каково будет, когда он узнает, что ты пожертвовала своей жизнью в пустых попытках спасти его?!

— Хорошо, — мрачно кивнула Эмилия.

— Давайте, уходим!

Отряд направился в обратный путь. Графиня подошла к завалу, тихо прошептала: «Лекс», и поспешила догнать остальных.

Дориен встал на место Неила и зажмурился, процесс ритуала изменился и сейчас станет ясно примет ли он силу священника. Какое-то время ничего не происходило, затем тряска

утихла, гул стал тише, пиктограмма снова засветилась ровным светом. Правда накопленная энергия прекратила свое движение. Дориен вздохнул, прикрыл глаза и выставил перед собой руки. Мелки, оставленные им возле трона, зажали своей жизнью: летали по воздуху, вносили изменения в формулы, дополняли иероглифы. Впечатляющее зрелище, ничего подобного Лекс еще не видел. Архиепископ наверняка потратил много лет на совершенствование в столь нелегком ремесле. Впрочем, точности в работе явно не хватало и иногда, из-за слишком размашистой или кривой линии или неровного знака, гул в зале возрастал, а гору снова начинало трясти.

Лекс безуспешно пытался справиться со слабостью и болью, но со временем они отступили сами собой и, когда алхимику наскучило следить за хитрыми манипуляциями Дориена, он решил завести беседу, не рассчитывая, впрочем, на диалог:

— Как ты пришел ко всему этому? — укоризненно начал юноша. — Абсолютная беспринципность, жестокость. Столько смертей, столько жертв...

Лекс покачал головой и посмотрел за трон, пространство там, снова заструилось едва заметными переливами. Преобразование продолжалось.

— «Все идет по плану?» — возник в голове обеспокоенный голос Архельма.

— «Да».

— Я не хотел ничьих смертей и мучений, — неожиданно для Лекса ответил Дориен. — Однако есть вещи, которые от меня не зависят. Мне пришлось действовать тайно и, да, не отрицаю, не редко — подло и жестоко. Но другого выхода не было. Человечество не готово принять такой дар.

— Может, не стоит его и навязывать?

Дориен мягко рассмеялся, как бывало при их многочисленных дискуссиях на философские и не очень, темы.

— Вспомни историю своей родной страны, — назидательно сказал он. — Во времена правления Гарума Мудрого, кто-то из инамийцев готов был к реформам, направленных на развитие науки и образования? И что сейчас? Инамия — развитая страна, с самым высоким достатком на душу населения, — Дориен опустил руки и повернулся к Лексу, все поправки внесены, теперь он ждал накопления и правильного распределения энергии. — Нет, Лекс, люди никогда не готовы к переменам, это стадо, его надо направлять.

— А ты, стало быть — пастырь? — усмехнулся алхимик.

— Нет, — спокойно ответил Дориен, покачав головой. — Но я тот, кто явит миру пастыря.

— Ну, да, разумеется, — скептически прокомментировал Лекс, поглядывая на пиктограмму. — Но ты так и не ответил на мой вопрос.

Дориен нахмурился, пытаясь понять, о чем говорит юноша, затем кивнул сам себе и спокойно заговорил:

— Ты о том, как я пришел к этому? Это был длинный путь. Все началось с открытия моего таланта — изменения пространства и времени. Это было мое первое прозрение. Мне тогда лет тридцать было. Долгое время я не мог понять, что происходит, ведь магических способностей у меня отродясь не было. Никто, ничего объяснить не мог, а мои наставники в итоге, вообще запретили мне пользоваться и кому-либо рассказывать о моей аномалии, так они ее называли, чтобы не отбрасывать тень на церковь, меня тогда готовили к высокому сану. Ну и стал я изучать этот вопрос самостоятельно, много лет искал любую информацию, ночуя порой в библиотеках, особенно в старых, храмовых, куда уже никто и не заглядывал.

Оказалось, там было больше всего информации о, так называемых магах времени и метке Юнии.

— Метке Юнии?

— Да, оказывается, Богиня тоже владела магией времени, считается, что она была первой рожденной с этой способностью. Представляешь, какого это было для молодого, амбициозного священника, узнать, что он прямой потомок Святой Юнии?! Мда, — Дориен мечтательно посмотрел вверх. — Я был одержим Богиней, изучал все, что было с ней связано. В итоге, отбросив весь бред и сказки, мне удалось выяснить, что во время войны с демонами Сфера миров была сильно повреждена, это могло привести к полному падению Илиона. Восстановить защиту и закрыть самые опасные прорывы можно было только из Нижнего мира, так как лишь оттуда можно было достичь основания сферы. Но только двое могли использовать свои силы в обители демонов. Как ты можешь догадаться — Юния, ведь для магии времени энергия звезд не нужна. Второй — ее соратник Крайм, точно не знаю почему, но, думаю, он был, как и ты, одержим. Они пожертвовали собой, восстановили Сферу миров и закрыли прорывы. Но по разрозненным данным, главным образом — по заметкам очевидцев, я понял, что Юния не погибла. Она стала печатью, сдерживающей разрыв Сферы миров. Подтверждением тому стали свидетельства, побывавших в Нижнем мире людей, все они видели столп немыслимой, огромной силы. Я убежден, что это и есть печать Юнии! Есть еще множество косвенных доказательств, но не буду тебя утомлять. Самое главное — она жива. Богиня, спасающая человечество, жива! И мы можем ее спасти.

— Даже, если так, — задумчиво проговорил Лекс. — Что тогда будет с печатью? Что будет с подпространственным полем? Столкнувшись друг с другом, энергия звезд и энергия Нижнего мира уничтожат все живое.

— Развитие не стоит на месте. Алхимия, магия, другие науки и технологии далеко шагнули вперед, мир не тот, что был две тысячи лет назад. Я убежден, мы найдем способ справиться, тем более с силой Юнии. Да, чего только стоят исследования Ктара...

— Да уж, — презрительно фыркнул Лекс. — Ты не гнушался никакими средствами.

— А что такого? — искренне изумился Дориен. — Если отбросить всю шелуху, связанную с фанатичным оккультизмом, у мерцающих было немало удивительных открытий.

— Они мучали и приносили людей в жертву, — с нажимом проговорил Лекс.

— Открытия Ктара, — проигнорировал реплику юноши священник, — были моим вторым прозрением. Тогда я убедился, что Богиня не просто жива — ее можно спасти! Почти двадцать лет я по крупинкам собирал ключ к решению этой нелегкой задачи. И чем дальше искал, тем больше уверялся — для ритуала призыва нужны обстоятельства, невозможные в нашем мире. И тогда мне явилось третье прозрение! — Лекс нахмурился, догадываясь к чему все идет. — Да-да, — оживленно вскинул руки Дориен. — Встреча с тобой, мой мальчик! Два начала! Два истока — видеть энергию звезд и использовать ее!

— Дальше дело пошло куда быстрее, — спокойнее продолжил священник. — Да, проблемы были: твой побег, война, бестолочь Астролд, от которого, кстати говоря, и требовалось-то всего, отвлечь внимание и сделать проход в Последний Предел, а в итоге получилась громкая политическая интрига, жадный дурак, еще и приставленного к нему мальчишку-сумеречного науськал убить тебя и Эмилию... Ну да ладно, самое главное — мы пришли к намеченному, мы с тобой здесь, — Дориен широко улыбнулся, глаза его горели нездоровым блеском, как при лихорадке. — Мы первыми увидим рождение нового мира.

— Мы с тобой уже ничего не увидим, — буркнул Лекс.

— Если расчеты моих людей верны, у нас высокий шанс остаться в живых.

— Они не верны, — безразлично ответил Лекс, на собеседника он уже не смотрел, все его внимание было приковано к пиктограмме. — Даже если мы выживем во время ритуала, обратной реакцией нас размажет по стенам, как масло на хлеб.

— Что ж, — пожал плечами священник. — Это не отменит того факта, что мы с тобой встанем у истоков создания нового мира. А теперь прости меня, — Дориен отвернулся к каменному трону. — Финальная стадия ритуала, — он закрыл глаза и снова поднял руки вверх, мелки возобновили свой замысловатый танец. Пиктограмма засветилась ярче.

Лекс ждал этого момента. Глаза его окрасились в темно-фиолетовый, лицо обрело напряженное выражение.

— «Лекс, — затревожился голос в голове. — Проход открывается».

— «Да, Архельм. Сейчас, я...»

Пиктограмма ослепительно вспыхнула, Лекс согнулся пополам, а затем и вовсе упал на колени. Силы утекали так стремительно, что, казалось, он в любую секунду потеряет сознание. Алхимик с трудом поднял голову и взглянул на разрыв. Он был воистину огромен, под самый свод потолка, то есть метров пятнадцать, и продолжал расти. Ни о чем подобном Лекс даже не слышал, самые большие швы, зарегистрированные во время войны, едва достигали четырех метров.

Алхимик перевел взгляд на Дориена. Священник стоял на одном колене и морщился от боли, губы его что-то шептали, расслышать было невозможно из-за появившегося скрежета. Это шов стал дробить камень свода, ему уже было мало высоты зала.

Лекс напряженно вглядывался то в священника, то в разрыв, то в пространство между ними. Применяв зрение алхимика в Нижнем мире, пусть и всего два раза, общей продолжительностью секунды три, Лекс начал понимать принцип законов обители сущностей. Но самое главное — он увидел связи Нижнего мира с Илионом. У алхимика не было времени обдумать все как следует, попрактиковаться, так что приходилось действовать почти интуитивно. Искать нужную ниточку.

Но пока ничего. А время уходило. Прорыв расширялся. Горячая волна боли охватила голову, похожее чувство Лекс испытывал в Нижнем мире, значит ли это, что он близок к цели или хотя бы на верном пути? Подтверждений тому никаких не было.

Черное зеркало разрыва расширялось, дробило потолок и пол, вытягиваясь в длину. Энергия металась, как сумасшедшие потоки ветра. Целый ураган. Нужно было действовать, иначе будет поздно!

И тут Лекс вспомнил. Двенадцать лет назад, когда собственный эксперимент вышел из-под контроля, грозя уничтожить большую часть общежития, напуганного до смерти подростка, осенило. Тогда недостающий элемент для завершения ритуала Лекс, за неимением лучшего, назвал кусочком жизни. По сути же это была та часть природной энергии звезд, которая незримо была связана со всем живым, в том числе и Нижним миром. Тогда юноша интуитивно, отчаянно потянулся к ней, увидел и смог связать с ритуалом, с Архельмом.

Лекс перестал жмуриться, открыл глаза шире, радужная оболочка стала такой, какой была в детстве — светло-фиолетовой, почти сиреневой. Наконец-то он увидел. Тонкая, ослепительно белая линия, извивающаяся словно молния, которую замедлили в тысячи раз. Она тянулась от Дориена к порталу. Алхимик так и предполагал, сам он был связующим элементом между субъектами ритуала, стабилизировал процесс, маг времени же, открывал

проход.

Лекс опасался, что возникнут проблемы с артефактом из Нижнего мира, попрактиковаться с ним в Илионе не выдалось времени. Но тут оказалось все просто, словно вынуть его из кармана. Стоило только юноше представить увиденное в колодце посреди бескрайней пустоши Нижнего мира, как в его руке, из ниоткуда, образовался мерцающий, еле заметными переливами, клинок.

Лекс посмотрел на белую нить. Расстояние ничего не значит. В его руке не меч, а магический артефакт. Это алхимик понимал. Здесь важно представление о цели. Юноша из последних сил размахнулся и высвободил силу артефакта, ударяя по нити, которая вмиг разлетелась на тысячу искр.

— «Ты просто псих», — прозвучало в голове, но не с упреком, а как-то даже одобрительно.

Зал взорвался какофонией звуков: гул грохот, скрежет, словно ножом по стеклу. Гору начало трясти так, что о возможности устоять на ногах не могло быть и речи. Камень страданий с чудовищной силой вдавливало в пол, пьедестал развалился на части, хотя арцит был очень крепким материалом. Сфера рассвета треснула, из нее вверх, разрушая значительную часть потолка, вырвался луч света. Шов разломился пополам, меньшая его часть капель зависла в воздухе в метре от пола, большая — поплыла наверх, в образовавшуюся из-за взрыва Сферы рассвета брешь. Оказывается, зал находился на самой вершине горы, через разлом виднелось, светлеющее на заре, зимнее небо.

Когда тряска прекратилась, а рев и гул чуть утихли, послышался растерянный крик, пришедшего в себя Дориена:

— Что... что такое?! — он посмотрел на юношу. — Лекс, что случилось?

Алхимик не ответил, он посмотрел на уплывающий в проем портал, затем на тот, что остался в зале. Шов хоть и разделился, но обе его части продолжали расти, правда значительно медленнее и, в основном, в ширину.

— «Что дальше? Ты сильно замедлил процесс, но проход все еще открывается».

— Вижу, — вслух ответил Лекс. — Но теперь ритуал меня не держит. Надо попробовать закрыть...

— «Как?!» — изумился Архельм.

— Не знаю. Ты чувствуешь за разрывами какую-нибудь силу?

— «Не какую-нибудь. Ничего подобного я в жизни не видел!»

— Значит, надо спешить. Так сначала...

Договорить Лекс не успел. Швы вдруг стали меняться, колыхаться, словно мыльные пузыри на ветру, менять форму, становиться то больше, то меньше. Понять, что происходит наверху, было уже сложно, разрыв покинул своды зала. Из нижнего шва начало выдавливаться что-то живое.

Сначала появились двухметровые руки, массивные, конусообразные, они напоминали то ли тяжелый могучий меч, то ли наконечник большого копья. Затем появилась голова. Непропорционально маленькая, лишенная даже намеков на органы чувств. На ней были только твердые наросты, расположенные в хаотичном порядке. Могучее, широкое тело, чуть не четыре метра в обхвате, на груди в разные стороны вырывались дугообразные шипы, похожие на вывернутые ребра. На спине, во всю длину тела, торчали, словно плавники, два острых диска. Ног у существа не было, оно левитировало в воздухе в полуметре от земли. Вся поверхность тела была покрыта черно-серой броней, напоминающей то ли металл, то ли

камень. Только в узком пространстве на шее и под наростами-ребрами можно было рассмотреть пульсирующую, темно-красную плоть.

— Святая Юния! — Дориен со стоном поднялся на ноги и, широко расставив перед собой руки, поплелся к монстру.

Лекс хотел призвать зрение алхимика, но глаза резанула боль, видимо прошлое использование не прошло бесследно.

— «А вот и хозяин нашего меча-артефакта пожаловал», — мрачно сказал Архельм.

— Черт! — досадливо выругался Лекс. — Стой, Дориен, назад! Это не!..

Но было уже поздно. Два нароста на груди монстра неожиданно ожили и ломанными, угловатыми движениями, словно механические, бросились на священника. Проткнули живот в двух местах и уже начали разрывать тело пополам, но тут время с диким скрежетом стало замедляться, остановилось и медленно поползло назад. Лекс испытывал уже подобные ощущения, разве что теперь он был не участником, а наблюдателем. Щупальца неохотно покидали тело священника, раны затягивались. Но вдруг время снова провернулось на секунду вперед, потом назад и так несколько раз. Казалось, щупальца пытаются преодолеть невидимый, отталкивающий барьер. На самом же деле Дориену просто не хватало сил. Времяпоток прорвалось вперед, будто разозлившись на такое обращение с ним, прокрутило несколько секунд в ускоренной перематке. Тело священника разорвало пополам, щупальца втянулись назад, вновь превратившись в метровые костяные наросты.

— Проклятье! — крикнул Лекс. — Архельм? Как твои дела?

— «Я не в лучшей форме, — спокойно ответил демон, — как и ты, но вариантов у нас нет. Давай».

В этот раз превращение прошло легко и быстро. Секунда и за спиной алхимика вспыхнула сине-черная аура, левый глаз стал черным с желтым зрачком-звездой.

Монстр повернулся к Лексу и с несвойственной для такого громоздкого тела ловкостью, ринулся в атаку. Руки молотили с бешеной скоростью, даже объединившись, Лексу и Архельму было очень тяжело уклоняться от ударов. При этом демон не стоял на месте, все время перемещался вокруг противника.

Алхимик не решался атаковать сам, искал слабые места, ждал, пока монстр совершит ошибку, откроется. Но, если это и случалось, заметить брешь в обороне было тяжело, слишком уж быстрыми были атаки.

Со временем, Лекс, или лучше сказать — Архельм, потому как он пока руководил телом, приноровился к бою, увидел в движениях противника некоторые закономерности. В какой-то момент он даже смог-таки атаковать монстра. Меч Лекса разрезал красную плоть на животе. Демон отодвинулся назад, на секунду замер и вновь пошел в атаку.

Тактику он на этот раз сменил: к мощным, размашистым ударам руками прибавились, жалищие выпады отростками на груди. Всего их было шесть, одновременно они не оживали, били по два, по три, но даже несмотря на это, Архельм пропустил два болезненных удара. Лекс уже давно понял, что во время одержимости его тело защищает эта призрачная сине-черная аура, даже при ударах, которые не оставили бы человеку и шанса выжить, алхимик не чувствовал боли и не получал никаких увечий.

Архельм и здесь адаптировался, смог нанести удар и отрубить (отломать) одно из щупалец. Демон издал низкий утробный звук, отлетел назад. Вокруг него, прямо из воздуха начали формироваться черно-фиолетовые сферы. Они стали, по заданным траекториям, кружить вокруг тела демона. Одна из них резко покинула свою орбиту и быстро понеслась

на Архельма. Он увернулся в последнюю минуту, сфера, столкнувшись с камнем, взорвалась глухим хлопком, поднимая фонтан пыли и крошки. За первым снарядом полетел второй, третий. Причем вокруг монстра оставалось всегда семь сфер, вместо улетевших тут же возникали новые.

Взрывы, пыль, осколки. Архельм уворачивался как мог и все-таки один удар пропустил. На этот раз Лекс почувствовал боль, видимо атака был такой силы, что не справился даже сине-черный щит. Тело откинуло в сторону, ударило о камни, но Архельм тут же вскочил на ноги, расслабляться было нельзя, атаки и не думали заканчиваться.

— «Он набирает все больше сил», — голос Архельма был тяжелым и отрывистым.

— «Да, — согласился Лекс. — Ко всему он такими темпами обрушит на нас остатки пещеры. Почему ты не нейтрализуешь его магию, как делал это с Астролдом?»

— «Пф, сравнил...»

Архельм, по дуге, помчался сокращать дистанцию, справедливо решив, что долго уклоняться он не сможет, тем более сферы стали бить чаще. Но демону чудом удалось уйти от атак и сблизиться с противником.

Мечи столкнулись. Лекс сильно подозревал, что его клинок тоже защищен аурой, иначе таких ударов ему ни за что бы не пережить, даже аббаданская техникаковки не помогла бы.

Бой снова шел по другому сценарию, на сей раз гигант не давал и шансов на атаку, удары его стали стремительнее, движение ловчее, к тому же Архельму нужно было опасаться сфер, они хоть и не атаквали, но по-прежнему крутились вокруг тела монстра. Напарник Лекса пропустил несколько ударов по касательной, одно из щупалец угадило в грудь, тело Лекса отлетело метров на десять, в него тут же устремились сферы. Архельм ушел от удара, снова сблизился с монстром. Лекс пытался помочь, но на бой это никак не повлияло. Противник брал верх, и когда будет нанесен решающий удар — вопрос времени.

После серии ударов, которые Архельм был вынужден отбивать, так как увернуться уже не было возможности, он ослабил свою защиту и получил гигантской рукой-мечом в грудь. У Лекса перехватило дыхание, потемнело в глазах, он обнаружил себя лежащим на каменном полу в паре десятков метров от противника. Алхимик то полностью обретал власть над своим сознанием, то снова чувствовал присутствие Архельма. Дело было совсем плохо.

— «Нет, Лекс, похоже, мне не справиться», — голос демона был уставшим, алхимик почти слышал тяжелое дыхание.

— «Я могу как-то поделиться силами?»

— «Дело не столько в силе. Энергия звезд. Ее стекается все больше, мне сложно контролировать себя, тяжело сосредоточиться».

Монстр медленно покачивался над землей, прекратив свои атаки, может быть, его силы тоже были не безграничны и он отдыхал, может просто понимал, что победил и готовил финальную атаку. Станный он был, совсем непохожий ни на одного демона, что Лекс видел раньше. У него скорее больше сходства было с Ирин. Неужели тоже искусственно выведенный демон? Нет, алхимик своими глазами видел, как монстр вышел из разрыва, да и Архельм назвал его хозяином артефакта.

— «Похоже, придется тебе справляться самому».

— «Да уж это будет эпичная битва секунды на две-три... Так, — Лекс на мгновение задумался. — Ты как-то говорил, что всегда со мной, даже в состоянии далеком от одержимости».

— «Да, все так, я всегда наблюдал».

— «Хорошо, и мои тренировки в Аббадане с Антором?»

— «Да, — задумчиво протянул Архельм. — И со стариком, и после, когда ты занимался один», — в голосе промелькнула улыбка, демон начал догадываться, к чему клонит Лекс.

Алхимик тяжело поднялся на ноги, выставил перед собой меч и твердо сказал:

— Что ж, покажем каменному ублюдку, что такое настоящий Амон-ри?

— «Это было чрезвычайно пафосно», — в голосе прозвучала нотка восхищения.

— Ну, так в книгах обычно происходит, — чуть смутился Лекс.

— «Отлично, отлично. Что я должен делать?»

— «Поделиться силой и подвинуться, я поведу. Давай! Со второй позиции!»

Лекс помчался на противника. Монстр ожил, сферы полетели в атаку. Сальто, волчок, пережат. Все мимо. Алхимик приблизился к врагу.

— «Пятая позиция. Прыжок!». Вертушка! Откат! — то мысленно, то вслух давал команды Лекс, хотя это не всегда и требовалось, многие движения и позиции Архельм угадывал сам, войдя в ритм напарника.

Такого танца ласточки мир еще не видывал. Лекс двигался вокруг врага, словно блики солнца в волнах быстрой, горной реки. Его движения были едва различимы. Плавность, элегантность и акробатичность, помноженные на невероятную скорость и силу. Грациозный танец превратился в пляску смерти, в ураган, сметающий все на своем пути.

Несмотря на то, что атаки монстра стали интенсивнее, достать алхимика они не могли. Лекс либо уклонялся, либо отводил удары мечом. Ему несколько раз удалось поразить незащищенное место на животе монстра, значимого эффекта это не возымело, но, когда клинок алхимика рассек темно-красную плоть под шеей, чудовище дернулось, издав короткий утробный звук. Магические сферы взметнулись вверх и все разом устремились в алхимика, не заботясь о том, что повредят и своему хозяину. Лекс несколькими быстрыми прыжками отступил от противника. Монстра окутало облако пыли, которое разрасталось пока все семь взрывов не отгремели. Лекс снова помчался в атаку.

— Парная ласточка! — на ходу прокричал он.

— «Но защита...»

— Рискнем. Нужно добить.

Сине-черная аура за спиной окутала левую руку, вытянулась, обретая форму меча.

— «С пятой позиции. Бабочка. Готовься!» — Лекс подпрыгнул метров на пять, сила демона позволяла и это. Из облака пыли на него выскочили все шесть отростков. — «Нет! Мельница, под тридцать градусов!»

Лекс волчком крутанулся вокруг своей оси. Клинки, словно лопасти пропеллера дирижабля, на незаметной для глаза скорости разом разрубили все шесть щупалец. Движение было столь стремительным, что поднявшийся порыв ветра разогнал пыль. Теневой клинок вытянулся, оторвался от руки и стрелой рванулся к монстру, ударил того в грудь, откинув на пару метров и завалив на бок.

— «Я ничего не говорил про магию», — удивился Лекс, приземлившись на пол.

— «Это я от себя».

— «Хех, не плохо!»

Монстр принял вертикальное положение, широко махнул руками и издал протяжный гулкий звук.

— «Ты как, держишься еще?»

— «Нормально, ты задал хороший ритм, только тактику оставляю на тебе. И не затягивай».

— «Знаю. Посмотри, броня на его груди повреждена, видимо, это как-то связано с отсеченными щупальцами. Будем бить туда».

— «Создать меч?»

— «Нет, мне понадобится свободная рука. Поехали!», — правый глаз алхимика стал фиолетовым, в этот раз способность значительного дискомфорта не вызвала.

Лекс кувырком ушел от широкого удара рукой, кинул в спину монстра колбу. От взрыва противник выгнулся назад, попытался с неудобной позиции достать юркого алхимика, но тот уже оказался перед монстром. Воспользовавшись ослабшей защитой, юноша швырнул еще одну колбу в грудь. Броня противника зашипела, оплавилась, но не более. Алхимик снова кинулся в бой, отбил пару атак, отпрыгнул от могучего удара сверху вниз. Дальше — очередная склянка. Взрыв тоже не причиняет значимого вреда, но Лекс видел, броня медленно поддается, вопрос только, хватит ли времени и сил, чтобы окончательно сломать ее.

Атаки монстра стали менее интенсивными, но и алхимик двигался уже не так резко. В очередном заходе, Лекс специально подставился под тяжелый удар, увернулся, разбил об врезавшуюся в пол руку противника, колбу. Конечность и камень вокруг окутала слизь. Еще одна склянка темной вспышкой разломилась броню монстра на груди. Лекс не жалел запасов, использовал все, что было.

Ударом свободной руки, противник откинул алхимика на несколько метров.

— «Дружище, я на пределе», — простонал Архельм.

— «Еще немного».

Лекс вскочил на ноги и побежал на врага. Меч, отведенный в сторону, окутала аура. Монстр вырвал из пут слизи левую руку, из-за чего чуть потерял равновесие, оттого удар правой руки оказался несколько неуклюжим, алхимик, пригнувшись, увернулся, прыгнул вверх, занес меч над головой, направив его лезвием вниз.

— «Давай!»

Сине-черная аура вспыхнула, увеличиваясь в размерах. Меч пробил броню и тело монстра насквозь, пригвоздив его к полу. И в тот же момент исчезла, а облик Лекса принял свое нормальное состояние. Архельм выложился по полной, алхимик почти не чувствовал его присутствия.

Броня монстра вся покрылась трещинами и стала, как будто испаряться, курясь темно-синей дымкой. Первой очистилась голова, открывая вполне человеческое лицо, только очень бледное и почти неподвижное, словно восковая маска.

— Не дай ей пробиться сюда, — прошептали губы человека. — Спаси ее, освободи...

— Как?

— Для этого ты должен встретиться с ней, полагаю, ты знаешь, где искать, — на какое-то время человек замолчал, но видно было, что разговор он не закончил, просто собирался с силами. — На твоём месте должен быть я, но мне не удалось... Я подвел ее...

— Все эти годы, — печально заговорил Лекс. — Всю жизнь. Много-много человеческих жизней ты был рядом. Думаю, для нее это было самое ценное, самое важное. Ты сделал все что мог, Крайм.

— Крайм... да... так меня звали, — слова давались с трудом, но не из-за раны, похоже человек просто отвык говорить. Мимика все так же отсутствовала, потому складывалось

неприятное впечатление, как будто разговариваешь с заводной куклой. Впрочем, не все живое ушло безвозвратно, Лекс заметил блеснувшую у краешка глаза слезу, она скатилась на висок и исчезла где-то за еще не испарившейся броней.

— Ты должен торопиться, — продолжил Крайм. — Это ее оболочка, когда она разрушится, все будет кончено.

Мужчина взглядом указал наверх. Лекс повернулся, там, через брешь в потолке, на фоне голубого неба, показалась исполинская голова. Она напоминала человеческую, но размеры и обтягивающая череп, вязкая, черная субстанция, отдаляли всякое сходство. Чудовище гигантскими руками вытягивало себя из разрыва, который к этому моменту, значительно вырос, но даже при этом не мог выпустить огромное существо. Края шва мерцали розовым светом, который, как будто сдерживал рост разрыва.

— Мой меч. Надеюсь, в нем осталась сила, он поможет... Иронично, — Крайм сделал попытку усмехнуться, но губы его едва дрогнули. — Это ее подарок... Удачи тебе алхимик, кто-то сдерживает разрыв, но какой бы силой он не обладал, вряд ли сможет продержаться долго, тебе надо торопиться. Ты моя последняя надежда... нет — ее последняя... — речь оборвалась на полуслове, глаза — единственное, что придавало бледному, восковому лицу жизнь, замерли, уставившись в пустоту.

Лекс еще раз посмотрел в проем на потолке, там буйствовало что-то неведанное, сила, которую алхимик и вообразить себе не мог. Он потянул меч, тот не поддался, застрял намертво. Юноша промучался несколько секунд и бросил, нельзя терять времени, а там, куда он идет, вряд ли понадобится оружие. Жаль, конечно, с этим мечом он прошел через многое, но, видимо, пришла пора расставаться.

Лекс погладил по рукоятке, поднялся и направился к груде камней, по которой можно было подняться наверх.

Глоток свежего, морозного воздуха, после нескольких дней в затхлой, удушливой тюрьме, вскружил голову. Эмилия никогда бы не подумала, что будет так удивляться и радоваться таким простым, казалось бы, вещам.

Их небольшой отряд спешно удалялся от дворца. За спиной творилось нечто невообразимое. Над горой возник небывалых размеров разлом, из него лезло совсем уж фантастическое существо. Антропоморфный гигант, одна голова которого была чуть ли не больше двух военных фургонов. Существо словно состояло из плотной черной смолы, ни глаз, ни волос, ни ушей — только огромный, неровный рот, в недрах которого зарождалось темно-красное сияние. Чудовище уже по грудь выбралось из разрыва и продолжало, цепляясь долговязыми руками за поверхность горы, ползти дальше.

Лилия, бегущая впереди, вела отряд к большой группе людей, стоящей у подножья горной гряды, в противоположной от дворца стороне долины. Человек сто пятьдесят, большая часть — в форме армии Инамии, остальные носили отличительные знаки гвардии Баруды. В стороне, под конвоем, на коленях сидели люди со связанными за спиной руками, очевидно — наемники из дворца.

Лилия увидела Сариду и Ларка, обсуждавших что-то с двумя офицерами Инамии, и в нерешительности остановилась, так что Неил и Эмилия обогнали девушку. Трэв остался рядом с Лилией. Гвардейцы Баруды сначала напряженно разглядывали, приближающуюся странную компанию, но распознав графиню Крейптон, расслабились и радостно посмотрели в сторону начальства.

— Госпожа Саридида! — восхищенно прокричал мальчик.

— Неил, солнышко! — женщина заключила ребенка в объятия. — Ох, Эми, жива, слава Богини, — Саридида отпустила мальчика и обняла графиню, затем ее взгляд упал на подошедшую Лилию. — Надо же, какие люди! — презрительно усмехнулась она, и украдкой посмотрела на Ларка, но тот даже не удостоил, подошедшую девушку взглядом. — Ладно, расскажете все потом, сейчас у нас, как видите, есть одна проблема, — Саридида кивнула на гигантского монстра. — Знаете, что это за хрень?

— Нет, — прошептала Эмилия. — Даже не представляю.

— Оно проявляло агрессию? — деловито поинтересовалась Лилия.

— Не знаю, можно ли это назвать проявлением агрессии, — Саридида указала на огромную воронку посреди горной гряды. — Это оно сделало, как только появилось из разрыва. Впрочем, к чему этот вопрос? Тварь лезет из Нижнего мира, вряд ли спасается от одиночества и ищет друзей. Мы готовим ритуал по закрытию шва, — Лилия посмотрела Сариде за спину, там несколько человек рисовали на камнях формулы и руны. — Помогай, будешь на второй позиции после меня, мне нужны маги с опытом.

— С опытом?! — изумилась Лилия. — Да я всего один раз шов закрывала!

— Это значит — на один раз больше, чем все эти остолопы с трясущимися коленками, — раздраженно отмахнулась Саридида.

Эмили было любопытно, что связывает этих двоих, видно было, что знакомы они давно и через многое прошли вместе. Значит ли это, что Лилия тоже из Последнего Предела. Как-то не похоже.

— Ладно, за дело! — скомандовала Саридида.

— Эм, госпожа Аргуст, — робко обратился к женщине один из офицеров Инамии.

— Ах, да, — спохватилась Сарида. — Дирижабль находится в паре километров отсюда, на юго-востоке, возьмете с собой моего человека, он там все объяснит. Крим! Пойдешь с посыльным. Но я бы не сильно рассчитывала на подмогу, капитан, пока они подспеют, все уже может быть кончено.

Офицер кивнул и отошел к своим людям. Магистр же направилась к волшебникам, готовящим ритуал.

— Тетя Сарида, — позвала Эмилия. — Могу я помочь?

— Конечно, милая. Идем, я расскажу, что нужно делать.

Только Эмилия сделала несколько шагов, как ее кто-то мягко взял под руку. Это оказался Альт.

— Я безмерно рад, что вы целы и невредимы, — ласково заговорил он, но тут же нахмурился и тревожно спросил:

— Эмилия, а Лекс?.. Он пошел за вами. Вы не встретились?

— Он... — растерянно начала девушка и мрачно посмотрела на дворец Ктара. Альт грустно кивнул и, не глядя ей в глаза, отошел в сторону, Эмилия же поспешила за Саридой и Лилией.

Приготовление к ритуалу были завершены. Сарида минут пятнадцать потратила на объяснение задачи, раздала указания и двадцать магов во главе с магистром приступили к делу. Монстр, к тому времени, уже по пояс выбрался из разрыва.

Шов окутала серебристая мгла, ее было видно даже на таком расстоянии. Чудовище издало звук, напоминающий визг сошедшего с рельс поезда. Сияние разрасталось, заискрилось, как будто сквозь него проходили электрические разряды. Так продолжалось минут пять, затем гигант запрокинул голову, когда же он опустил ее назад, изо рта вырвался ярко-оранжевый, почти белый, луч. Он ударил в нескольких километрах от отряда. Там, где магия коснулась поверхности, земля, снег и камни встали дыбом. Взрыв был невероятной силы. От удара никто не смог удержаться на ногах.

Ритуал прервался. Эмилия тяжело поднялась на ноги, держась за голову — откат был болезненный. Девушка посмотрела в сторону выстрела. Место куда упал луч света напоминало гигантский тоннель, высохшее русло широкой реки, уходящее куда-то к горам.

К волшебникам подбежал инамийский капитан с несколькими солдатами, он помог Сариде подняться и тревожно спросил:

— Что шов?

— Мы его даже на миллиметр не сдвинули, — проворчала женщина. — Это и не шов уже вовсе — проход, часть нашей реальности.

— Тетя! — вид у Эмилии был возбужденным, но тревога читалась в глазах, так бывает, когда человеку пришла какая-то важная мысль, но он еще не уверен в ее правильности. — Кажется, у меня есть идея. Я думаю, мы можем косвенно использовать подпрастранственное поле, замкнуть вашу печать на него. Я недавно изучала похожие процессы, правда, только в теории.

— Давай, детка, — устало ответила Сарида. — Выбора у нас все равно нет, говори, что нужно делать.

На этот раз приготовления были незначительными. Эмилия чуть-чуть поменяла формулу, а когда ритуал начался, девушка поочередно говорила, кто и что должен делать. Уже минут через десять стали заметны изменения: края разрыва окутало розоватое свечение,

шов перестал расти, а затем стал медленно уменьшаться.

Эмилия заметила рядом с монстром силуэт человека, рассмотреть с такого расстояния подробности было невозможно. Но девушка увидела, как у человека за спиной появились черные крылья и он, с их помощью нырнул в портал, из которого выползло существо. Что-то тревожно скользнуло в сознании Эмилии, какое-то воспоминание, но думать об этом не было времени.

— Смотрите! — прокричал кто-то из магов.

Монстр снова издал оглушительный вой, и его чрево опять засветилось темно-красным. Но на сей раз гигантская голова повернулась к отряду людей.

— Чего рты разинули! — рявкнула Сарида, обрывая ритуал. — Жопу никому подтереть не надо? Готовьте щиты. Эрик, твои ребята посвежее, начнем с вас, — длинноволосый блондин со скучающим лицом, медленно кивнул. — Клара — дальше твоя команда. Следующие — маги из Инамии. В конце — мы с девочками. Нам сильнее от разрыва ритуала досталось. Цельсия ты как? — девушка, которую Эмилия знала, как Лилия, кивнула, ее хищный взгляд был прикован к монстру, волосы взъерошены, от носа к щеке размазана кровь. — Эми?

— Нормально.

— Тогда начинаем, сейчас он ударит!

Гигант снова выстрелил ярко-оранжевым лучом, перед которым вспыхивали и тут же лопались, как мыльные пузыри магические барьеры самых разных форм и расцветок. Команда Эрика, держась за голову повалилась на землю, следом за ними последовали люди Клары. Инамийцы так же не смогли сдержать атаку. К тому времени, когда очередь сдерживать удар пришла к Сариде, Цельсии и Эмилии, луч немножко ослаб, стал тоньше и двигался медленнее, но все еще обладал силой уничтожить разом весь лагерь и гору за ним в придачу.

Щит Сариды лопнул, женщина со стоном повалилась на землю, ее за плечи подхватил Альт. Лилия тоже не устояла. Эмилия продержалась больше, вложив в заклинание всю накопленную за последнее время ярость и боль. Но и она не выдержала. Луч на большой скорости приближался к отряду. Те, кто поопытнее остались стоять не шелохнувшись, другие, в панике, бросились в стороны. За всей этой мешаниной вдруг отчетливо послышался отчаянный крик мальчика.

Луч, словно столкнувшись с невидимой, отражающей поверхностью, под острым углом изменил направление, полетев куда-то в небо.

Он ударил почти в центр печати Ааса, взорвавшись мириадами искр. На всем континенте был виден этот грандиозный салют. Место печати, куда угодил луч, разваливалось на части, которые медленно падали вниз и сгорали в атмосфере.

— Неил, — Лилия, морщась от боли, подошла к лежащему на земле мальчику, положила его голову себе на колени и стала внимательно осматривать.

— Ну? — требовательно, но не сумев скрыть в голосе тревогу, спросила Сарида.

— Жив, без сознания, — лаконично ответила Лилия.

Сарида тяжело, с помощью Альта, поднялась на ноги и посмотрела на монстра, который, как ни в чем не бывало, продолжал выбираться из разрыва.

— Дело — дрянь!

Стараясь отвлечься от фантастического зрелища, творившегося над его головой, Лекс,

по узкому карнизу, отделяющему обвал свода пещеры с одной стороны, и отвесный обрыв — с другой, бежал, огибая бушующего гиганта, к разрыву.

— «Ты сошел с ума, — в сотый раз повторял Архельм. — Ты даже не представляешь, какие силы там действуют, ни с чем подобным не сталкивались ни демоны, ни люди».

Лекс молчал. Странное смирение овладело им, на душе воцарился неуместный для ситуации покой.

Нижняя часть портала была полностью занята телом монстра. Лекс достал из кармашка своей ленты-патронажа последнюю колбу, выпил и, что есть силы, прыгнул. Черные, вороньи крылья, появившиеся за спиной, подняли алхимика на несколько метров вверх. Лекс вспомнил, как последний раз применял это зелье, там, в поезде, полгода назад, когда они с Эмилией убегали от гвардейцев Астролда. Вспомнил тепло ее тела, как она доверчиво прижалась к нему. Вспомнил и тут же погнал прочь. Подобные мысли не помогут сделать то, что он задумал.

Когда крылья за спиной исчезли, тело Лекса уже преодолело преграду и падало в разрыв.

В этот раз переход был совсем другим. Юношу кидало, словно щепку в бушующем море. Вокруг, мерцающая всполохами, темнота, словно гроза в ночном небе. В ушах стоял невыносимый гул, в лицо били потоки, но то был не ветер — энергия звезд и энергия Нижнего мира смешались и ураганом носились в разные стороны.

— «Лекс, нужно подумать, может, есть другой способ, — снова заговорил Архельм. — Ты не понимаешь, на что идешь, эта сила, чуждая для обоих миров, просто сотрет нас в порошок».

— «Нет», — в этот раз Лекс, наконец, ответил.

— «Что «нет»?»

— «Не нас».

В правой руке Лекса появился призрачный клинок, в этом пространстве он светился звездным сиянием.

— «Нет, нет, — запаниковал Архельм. — Я не это имел в виду, я...»

— «Я не могу, — перебил Лекс, — сказать, что одержимость, продлившаяся почти половину моей жизни, приносила мне радость. Но я рад, что в конце нашего с тобой пути, мы смогли познакомиться и даже подружиться. Жаль нам пришлось пройти для этого через страдания. Прощай, Архельм.»

Лекс уже давно обнаружил ярко-белую нить, связывающую его с Нижним миром. После того, как он заглянул за изнанку, чтобы обнаружить соединение между Дориеном и порталом, эта способность прочно закрепилась в его голове, и алхимику уже не составило труда увидеть собственную связь.

— «Подожди, Лекс, — умолял Архельм. — Давай сначала обсудим...»

Взмах клинка, и нить распадается на мириады белых искорок. Тело и разум Лекса охватила невероятная легкость, прилив сил. Он и представить себе не мог, насколько сильно его сковывала одержимость. Двенадцать лет. Это не мало. Теперь Лекс сам по себе, свободен. И Архельм, наконец, избавится от агонии, от отравы энергии звезд, разрушающей его разум. Он вернется в свой мир и продолжит накапливать знания, обретет покой.

Нить лопнула, и в ту же секунду Лекс коснулся поверхности. Скорость падения была так высока, что юноша уже начал опасаться, что его размажет по любому, оказавшемуся на пути, препятствию. Но нет, приземление было грубым, но совместимым с жизнью.

Алхимик поднялся и осмотрелся. Это место он уже видел, когда в Нижнем мире попытался посмотреть на сосредоточие ужасающей силы зрением алхимика. Пещера, где вся поверхность поросла черными и оранжевыми корнями, словно волокна гниющей органики. Тело женщины, прикованное к стене. Мертвенно-белое лицо с безумными глазами. Страшная и невероятно печальная участь той, которую две тысячи лет называли Богиней.

Лекс приблизился к ужасному изваянию. Существо, как будто пыталось сфокусировать на нем свой взгляд, но левый глаз никак не мог остановить свое неестественное для физиологии вращение, а правый смотрел бессмысленно, куда-то сквозь. Женщина открыла рот и оттуда, вместе с черной, густой жидкостью, вырвались слова:

— Уходи... Я — грех... Я — искупление... Уходи.

Голос был неприятный, скрипучий, старческий, но при этом звучал громко и, как будто со всех сторон.

Лекс моргнул. Зрение алхимика опять принесло боль, но юноша уже немного привык, вытерпел. Он увидел, за спиной Богини россыпь нитей, одни сияли ярко-белым, другие были блеклые, серые, а какие-то и вовсе едва заметные. Лекс насчитал четыре разновидности. Значит, четыре измерения, четыре барьера. Юноша вздохнул и, размахнувшись, ударил мечом по самым ярким нитям.

Тело и разум взорвались вспышкой боли, казалось, кроме нее и не существует ничего больше. Пятна перед глазами медленно обретали очертания. Черная, бесконечная бездна, сжирающая все, до чего способна дотянуться. Нет ей ни конца, ни края. Ничего страшнее, Лекс в жизни своей не видел. Что на этом фоне человек? Даже не песчинка — молекула. В бесконечном, черном мареве Лекс увидел тускло светящийся круг. Окно в Нижний мир. Стоило подумать об этом, как сознание алхимика тут же перенеслось туда. На фоне неясных серых очертаний: гор, морей, фиолетового неба, висела, раскинув руки в стороны, человеческая фигурка. Такая маленькая, такая хрупкая, что, казалось, один только вид Бездны способен смять ее.

— Нет! Нет! — слышался женский голос, полный ужаса и боли. — Я не хочу!!!

Видение погасло, резко вышвырнув Лекса в круглую, черную комнату. Лекс тяжело поднялся. Голова гудела от боли, глаза — как будто их долгое время вдавливали в череп. Переведя дыхание, Лекс осмотрелся. Комната была пуста, чем-то она напоминала то место, где Архельм предложил Лексу помощь. В дальней от юноши части, еле угадывался человеческий силуэт. Женщина.

— То были страшные времена, — заговорила незнакомка глубоким, но неживым голосом. — Но люди сами были виноваты в своих бедах, они открыли дар изменять силу жизни. Это подарило им огромные возможности, но, вместе с тем, пришла и расплата за них. Орды демонов много лет терзали человеческую расу, поставив ее на краю гибели, и тогда в мир явилась надежда. Ребенок.

Комната наполнилась невыносимым скрежетом, за спиной силуэта, словно волосы развивались белые нити. Лекс вздохнул и, зажмурившись, снова ударил мечом. Боль была еще сильнее, она рвала на части, выжигала мозг, выдавливала глаза. Лекс хотел рваться, бежать, но тело не подчинялось ему, оставалось только смириться, терпеть.

Серый, грязный городок, с высокими, мощными стенами. Приземистые бедные домишки. В середине полуразвалившийся замок, в три этажа, и с башенкой. На площади играют дети: четверо мальчишек и курносая, золотоволосая девчушка с пронзительно голубыми глазами.

— Я не хочу опять быть демоном! — обиженно кричала девочка, но остальные дети и слышать не хотели, поддразнивая и бегая от нее по кругу.

Пронзительно затрезвонил колокол, возвещая об опасности. Демоны напали на город, их было много, полсотни, сильные и не очень. Люди осыпали монстров стрелами и копьями, выливали на них кипящую смолу. Действовали слаженно, отработанно. И все бы ничего, если бы не один летающий, трехконтактный демон, похожий на гигантскую стрекозу, голова которой представляла собой широкую пасть с четырьмя загнутыми клыками, а три пары мощных лап, были покрыты мелкими шипами. Монстр периодически пикировал вниз, захватывая новую жертву, или сбрасывая со стен защитников города.

Заходя на очередной такой маневр, демон заметил, перебегающую от дома к дому девчушку. Во время тревоги она растерялась и вместо того, чтобы сразу отправиться домой, как остальные дети, спряталась в амбаре. Однако страх взял свое, девочка решила покинуть убежище и вернуться к родителям. Когда она выбежала на площадь перед крепостью, в стороне послышались чьи-то взволнованные голоса. Городская стража, укрывшаяся под навесом оружейной, что-то кричала ей, указывая пальцем в небо. Девочка обернулась. Демон на большой скорости пикировал на нее, увернуться или убежать было уже нельзя. Девочка зажмурилась, но вдруг что-то изменилось в ее лице и осанке. Она выпрямилась, широко открыла глаза и подняла перед собой правую руку. Все вокруг замедлилось, чудовище двигалось вязко, словно угадило в кисель, а через пару секунд вовсе остановилось. Девочка осмотрелась: весь мир застыл, стал, словно нарисованная картинка. Страшное и завораживающее зрелище. Девочка отошла в сторону, подальше от демона. Опустила руку, и время снова пошло вперед, сначала даже быстрее, чем обычно, как будто наверстывая свою непреднамеренную остановку. Чудовище со всего размаха врезалось в землю, прокувыркалось пару десятков метров, попыталось встать, но на него тут же налетела городская стража и стала колоть пиками. Девочка все это время стояла в стороне и зачарованно смотрела на свои руки.

В этот раз Лекса не выкинуло в реальность или в ее подобие. Видение погасло, а сознание юноши увязло в темноте, разбавляемой яркими всполохами боли. Казалось, сил терпеть больше нет. Его что-то затягивало и сжимало, давило невидимым весом. Чуждая реальность, чуждая сила, чуждые законы. Архельм предупреждал, но Лекс и так догадывался, на что идет.

Наконец, силой воли алхимик заставил себя успокоиться, раствориться в боли, поплыть по течению и, через некоторое время он почувствовал, что лежит на чем-то твердом.

— Кх-кх-кх, — слабо прокашлялся юноша, со стоном приподнялся и, упершись лбом в прохладную поверхность, глухо простонал. Боль уходила медленно, нехотя, словно шипастые щупальца она соскальзывала с тела, отпускала разум.

Алхимик открыл глаза, их стягивало что-то мокрое и густое, не похожее на слезы. Но разбираться юноша не стал, он принял сидячее положение и осмотрелся. Лекс находился на площади того самого города из видения. Узнать его, правда, было нелегко, так как все строения были разрушены, только полуразвалившийся замок сохранял подобие целостности. Вокруг ни души, кроме маленькой золотоволосой девочки, прыгающей через, нарисованные на мостовой, квадратики. Заметив Лекса, она вприпрыжку побежала к нему. Остановилась в нескольких метрах, выпрямилась и внимательно посмотрела на юношу.

Лекс заметил, что очертание окружающих предметов стали расплывчатыми, не точными, и виделись, словно через розовую кисею, но, если напрячься, он все равно мог

рассмотреть детали. Однако лицо девочки, сколько бы алхимик не старался, расплывалось, словно на свежую картину вылили воду. Только два глаза-сапфира выделялись на размытом лице.

— Они увидели в девушке спасение, — нараспев заговорила она. — И пошли за ней, все до единого. Она обладала невероятной силой! Силой закрывать проклятые дыры. Силой уничтожать демонов. Силой управлять временем. Несмотря на то, что люди увидели первые победы, положение их все еще было тяжелым. Много было утрачено, многое было упущено. После очередного тяжелого боя, девушка открыла в себе еще больший потенциал, еще большие силы. И тогда она вознамерилась дать решающий бой...

Вокруг все мелко завибрировало. Поднялся и все возрастал гул, шипение, скрежет. За спиной замершей девочки развивались белые нити. Лекс спрятал глаза в ладони и наклонился к земле. Не хотелось и думать, что снова придется пройти через эту боль. И неизвестно, сколько раз подобное повторится. Юноша боялся, что не вынесет этой пытки и просто сойдет с ума. И все-таки что-то подтолкнуло его встать, слабо размахнуться и разорвать еще один пучок нитей.

Снова тоннель мук и снова видение.

Лысая, каменистая равнина, поросшая по краям худеньким лесом. На холме небольшой отряд солдат. Измученные, перемазанные грязью и кровью, они отдыхали на склоне, лениво глядя по сторонам. Вокруг сотни и сотни трупов демонов, вперемешку с мертвыми людьми.

На вершине холма стояла девушка ее задумчивое, красивое лицо тоже было перемазано грязью и кровью, золотые волосы стянуты в тугую косу, взгляд сапфировых глаз устремлен куда-то далеко, за горизонт. К ней медленно подошел мужчина. Лекс с трудом узнал в нем Крайма. При жизни он был красив: высокий, статный, широкоплечий, с густыми, вьющимися, черными волосами. Мужчина нежно взял девушку за руку, та благодарно улыбнулась и положила голову на его плечо. Похоже, Юнию и Крайма связывало гораздо большее, чем боевое товарищество.

Мужчина повернулся к солдатам и что-то прокричал. Люди стали подниматься на ноги, взоры их были обращены к Юнии. Девушка что-то говорила с теплой улыбкой на лице. Суровые лица воинов стали мягче, у кого-то в глазах стояли слезы, и никто этого не стеснялся. Юния закончила, взяла Крайма за руку, и они вместе стали спускаться с холма в сторону внушительных размеров разрыва.

Образ померк, сознание Лекса снова застряло в небытии. Боль выворачивала наизнанку, но ощущение уже были не такими острыми, разум устал, смирился. «Не смогу, не смогу, не смогу», — билась в голове пустая мысль.

— Не могу, — передразнил голос Антора. — Обосраться всем теперь?! Давай в позицию!

Его сменил обеспокоенный голос Риона:

— Ты только держись, дружище! Только держись...

Сарида:

— Ну и что ты, как барышня нюни развесил?! Вставай и дерись! Не хрен себя жалеть, нет на это времени!

Учитель:

— Ты никогда не отступал перед трудностями. Не давай слабину и сейчас.

Неил:

— Но мы же еще увидимся, правда?

Эрката:

— Вот ты заноза в заднице! Если не пошевелишься, я так тебя отделаю — все, что здесь было, разминкой покажется!

«Не могу... больше... не могу...»

— Лекс, — грустный голос Цельсии. — Излечимся мы когда-нибудь?

— Ты самый крутой боевой алхимик из всех, кого я видела! — кричала Ирин.

Голоса путались, смешивались, превращались в монотонный гул, в котором, через некоторое время отчетливо прозвучал веселый голос Эмилии:

— А я, вообще-то, тебя спасти собиралась... — затем она тихо и нежно добавила:

— Ты только возвращайся.

Лекс вдруг понял, как невыразимо далеко он сейчас от всего, что было ему дорого. Мысли, которые он часто гнал от себя, скрывал в глубинах сознания, сейчас лавиной пронеслись в голове. Его отношение к людям, его страхи, стремления, его любовь к природе, все, что казалось таким незначительным или даже ненужным там, здесь приобретало сакральный смысл.

Перед глазами мелькнула синяя ленточка, Лекс потянулся к ней. Боль на мгновение отступила... Очень хотелось домой, так сильно, что сердце сжималось от тоски. Хотелось увидеть хотя бы разок ее лицо, коснуться ее...

Щека прижималось к чему-то жесткому и колючему. Похоже песок. Лекс с трудом разлепил глаза. Он лежал на песчаном бархане. Вокруг царилась ночь, но не непроглядная, в небе сиял большой желтый диск, разгоняющий темноту. Берег лизали тихие волны. Черная, морская вода, нежно переливалось в лучах небесного светила. Чуть ниже, по склону бархана спиной к Лексу, сидела девушка, обняв колени, она смотрела на море. Ее длинные, золотые волосы медленно качались из стороны в сторону, словно были под водой.

Юноша попытался подняться, но тело не сдвинулось с места. Он почувствовал, что лицо было мокрым и липким, неужели все-таки слезы. Лекс потянулся правой рукой, вопреки ожиданиям, она поддалась, хоть мышцы и отозвались глухой, забытой болью. Алхимик провел ладонью по лицу. Не слезы — кровь. Не изо рта или носа, кровоточили глаза. Это объясняло розоватый оттенок всего окружающего. Наверное, дело совсем плохо, но Лексу уже было все равно, лишь бы больше не возвращалось то мучительное состояние боли.

Девушка обернулась на звук и нежно улыбнулась. Она поднялась с песка и медленно подошла к Лексу, присела рядом, осторожно положила его голову себе на колени и, нежно поглаживая по щекам, заговорила:

— Здравствуй, Лекс. Сион. Радуга. Хотя, знаешь, в местах, откуда я родом, это слово означало луч, — девушка тихонько рассмеялась. — Для меня это значение особенно близко, потому что ты мой лучик света, — лицо ее вмиг стало грустным и озабоченным. — Прости меня, тебе пришлось пройти через многое. Тебе больно? — она нежно провела рукой по голове Лекса.

— Ты... — прохрипел осипшим голосом юноша. — Ты — Юния? — девушка лишь улыбнулась. — Я... я видел твоих двойников... но ты... ты настоящая? — она покачала головой:

— Все мы — осколки памяти, я лишь самый большой осколок. Настоящая сейчас в нашем с тобой мире. Она сгорает в агонии. Страх, гнев, отчаянье пожирают ее. Оболочка, созданная Юнией много столетий назад, сдерживает силу, но скоро она сломается и Илион потрясут страшные разрушения. Нельзя допустить этого, — девушка задумчиво посмотрела

вдаль. На фоне желтого диска, с неестественно развивающимися волосами, она была словно морок, навеянный измученным сознанием. Ее поведение было под стать: мягкие эмоции, сострадание в глазах, плавный голос, умиротворенное выражение лица. Такая близкая и бесконечно далекая. Непостижимая.

— Я, — слабо простонал Лекс. — Я больше не могу...

— Прости меня, мой мальчик, это моя вина, — по щеке девушки побежала слеза. — Все то время пока я здесь, я наблюдала за вами. Через обрывки сознания, попавших в Нижний мир людей, через разрывы. Твое поколение зовет меня Богиней, поклоняется, — Юния грустно усмехнулась. — А я была обычным человеком, получившим необыкновенную силу, управлять пространством и временем. Использовать силу Бездны.

— Силу... Бездны?

— Да. Существуют три силы: энергия жизни, вы стали звать ее энергией звезд, аура Нижнего мира и сила Бездны, — девушка на секунду задумалась. — Твоя знакомая... Эмилия, называет ее сложным термином — подпространственное поле. Человечество научилось влиять на энергию жизни и даже изменять ее, ауру Нижнего мира преобразовать невозможно, это катализатор восстановления энергии звезд, его цель — поддержание равновесия, гармонии в природе. Сила Бездны даже вашим поколением не изучена, мне известно и того меньше, хоть я и способна пользоваться ей. Могу лишь сказать, что она приводит в движение основы мироздания: энергию звезд и энергию Нижнего мира. Источник ее — безграничная пустота, бесконечное ничто, где не действуют никакие законы, не существует жизни. Потому я и назвала ее — Бездна. Как ее сила проникает к нам, я не знаю, ведь ни Илион, ни Нижний мир с Бездной никак не связаны, — Юния задумалась, ее печальный взгляд блуждал по ребристой поверхности моря.

— Бездна, — слабым голосом прошептал Лекс. — Ее я видел, когда прошел первый барьер? — девушка кивнула. — Но, как ты оказалась там?..

— Всею виной моя гордыня и самоуверенность, — вздохнула Юния. — Когда я осознала границы моей силы, я решила, что смогу уничтожить Нижний мир, всех демонов разом. Тогда я еще, разумеется, не понимала, что наши миры связаны и это приведет к гибели всего живого. Мы с Краймом отправились в обитель демонов. Он обладал той же способностью, что и ты, истинным зрением. С его помощью Крайм нашел место, которого сторонились сущности Нижнего мира, это место отличалось от того, что мы видели раньше. Какой-то другой пласт реальности. Не знаю, как объяснить лучше. В общем, мы решили — это слабое место Нижнего мира, его сердце, — Юния невесело рассмеялась. — В каком-то смысле, так и было. Сила Бездны способна манипулировать пространством и временем, но если ее мощь сочетать с измененной энергией звезд, получится по-настоящему страшное оружие. Я могла бы гордиться собой, — снова невеселый смех. — Мне удалось уничтожить сердце обители демонов. Открылся разлом, через который утекала энергия. Нижний мир медленно, но неотвратно погибал. Поначалу мы с Краймом обрадовались, но очень быстро осознали, что вслед за нашими врагами, настанет и черед Илиона. Все живое будет поглощено разломом. Как ты догадался, это были врата в Бездну, — девушка замолчала, будто предаваясь воспоминаниям, волосы мирно колыхались над головой. — Мне оставалось только одно, — тихо продолжила она. — Запечатать разлом, погрузить распад мира в бесконечно повторяющийся цикл. Две тысячи лет. Две тысячи в созданной мною тюрьме или лучше сказать — саркофаге... Это очень много. Я помню каждую минуту. Нет уже давно человека — наивной и прямолинейной девушки Юнии. Богиня? Да, пожалуй, теперь меня

можно так назвать. Разве что Богиней несчастий. Вот и теперь мои последователи поставили мир на грань уничтожения. Впрочем, — грустно улыбнулась девушка. — Может, благодаря их оплошности мне, наконец, удастся обрести свободу.

— Но, что, в таком случае будет с нами? — прохрипел Лекс.

— Ничего, — пожала плечами собеседница. — Продолжите жить.

— А, как же разлом?

— А. В том-то самая злая ирония, — Юния посмотрела на желтый диск в небе и тяжело вздохнула. — Брешь давно восстановилась. Много столетий назад. Но к тому времени покинуть это место я уже не могла. Мои тело и разум не смогли превратиться в энергию, как это бывает после смерти, но и живым человеком меня уже назвать было нельзя. Я — реликт, артефакт. Разве что, наделенный разумом, но и он за столетия источился...

Лекс попытался подняться, получилось с трудом. Он принял сидячее положение. Тело ломило от боли, голова кружилась, из глаз по-прежнему капала кровь.

— Юния, пойми... я просто...

— Знаю, мой милый, прости меня, я не имею права просить тебя о таком, никто не имеет, — девушка поднялась на ноги и сделала несколько шагов назад, в мольбе, сложив руки, по щекам ее потекли слезы. — Но я прошу не только за себя. Илиону будет нанесен непоправимый ущерб.

Повисло молчание. Лекс тяжело дышал, опустив голову на грудь, Юния не шевелясь, стояла рядом. Наконец, юноша кивнул сам себе и медленно, с большим усилием поднялся на ноги и взглянул в глаза Юнии, в руках его тускло блеснул меч-артефакт, почти утративший силу. Девушка благодарно кивнула и заговорила спокойным тоном:

— Когда последняя связь будет разорвана, я покину этот мир, став частью бесконечного потока энергии, но перед этим мне хватит времени и сил закрыть портал в Нижний мир. Вот только... — Юния запнулась. — Я не знаю... что будет с тобой...

Лекс лишь кивнул, не сводя глаз с собеседницы, лицо его ничего не выражало.

— Прости меня... — прошептала Юния.

— Хватит извиняться. Да, ты открыла разлом в Бездну, но поплатилась за это гораздо больше, чем нужно, к тому же ты все исправила. Из-за ослабления ауры Нижнего мира, все швы закрылись, нападения демонов было остановлено. Спасибо за то, что спасла человечество.

— Спасибо за то, — улыбнулась Юния, — что стал моим лучиком света. Ну, что ж...

Мир вдруг наполнился грохотом разбитого стекла, пространство вокруг стало трескаться и разделяться на куски, словно отражение в расколотом зеркале. Бархан, море, желтый диск, даже Юния — все покрылось трещинами.

— О, нет, оболочка рушится! Тебе надо!..

Мир взорвался осколками и погас.

Далее — калейдоскоп мест и образов. Древний город, на который напали демоны, каменистая равнина, Бездна. Некоторые вещи Юния просто не могла видеть, эти образы принадлежали Лексу: пещера, в которой они с Рионом отдыхали после битвы за Манежр, дворец в Баруде, Академия. Голова раскалывалась от постоянной смены декораций. В груди нарастало все большее беспокойство — время утекало, оболочка могла в любой момент рухнуть, а он застрял в этом водовороте и не представлял, как выбраться.

Смена картин прекратилась, Лекс стоял посреди пустоши Нижнего мира. Обитель сущностей выглядела почти так, как его запомнил юноша, только углы острее, линии резче,

цвета насыщеннее. Так, наверное, Нижний мир выглядел бы, если бы его создали по рассказам Лекса, ведь, как не пытайся, точность ощущений словами не передать.

Позади юноши что-то утробно завывало. Лекс опасливо обернулся. В паре сотне метров от него ползло гигантское существо. Голова — точная копия первого образа Юнии, синюшное лицо, безумные глаза, черная слизь, сочащаяся изо рта, разве что, увеличено все было раз в десять. Массивное, бесформенное тело было облеплено черными и оранжевыми корнями. Передвигалось чудовище при помощи шести огромных рук, с загнутыми, как у паука суставами.

Недолго думая, Лекс побежал прочь. Однако погоня не сулила ничего хорошего. Двадцать шагов алхимика, приравнивались к одному шагу монстра. Равнина перешла в крутой подъем, заканчивающийся обрывом. Чудовище было совсем близко, оно уже тянуло свою пасть к Лексу, намереваясь проглотить его. Алхимик, не сбавляя хода, сиганул с обрыва, у самой головы что-то влажно хрустнуло. С пятнадцатиметровой высоты Лекс упал в воду местного моря — тягучую, вязкую субстанцию. Плыть здесь не было никакой возможности, и алхимик почти сразу пошел ко дну. Жидкость никак не ощущалась на коже, будто Лекса поместили в темноту и каким-то образом лишили возможности свободно двигаться. Некоторое время, юноша даже получал удовольствие от погружения, наконец-то, можно было отдохнуть, даже расслабиться, но отсутствие кислорода быстро дало о себе знать. Лекс занервничал. «Юния», — мысленно позвал он. «Юния! Мне нужна твоя помощь!», — легкие горели огнем. Юноша предпринял попытки плыть — тщетно, только силы потратил. «Спокойно, — говорил он сам себе. — Это все не по-настоящему, иллюзия, я по-прежнему в созданном Богиней мире. Это лишь образы». Стало чуть легче. «Нет никакой жидкости!». Лекс собрал все силы и прокричал:

— Очнись, Ингрия!

Тьма вокруг закружилась ураганом и в этом вихре начала распадаться на лоскуты. Лекс снова обнаружил себя в Нижнем мире, он стоял перед той самой башней из плотного, черного дыма. Только была она значительно меньше. У подножья застыли два человека. Юния и Крайм. Девушка по пояс находилась в плену черного столпа. Мужчина в немом жесте тянул к ней руки. Когда Лекс подошел ближе, картина ожила, время пошло вперед. Крайм схватил Юнию за руки, потянулся к ней, пытался удержать, но тьма неумолимо засасывала девушку. У обоих в глазах застыли ужас и отчаяние, но вдруг лицо Юнии смягчилось, она что-то тихо сказала возлюбленному, их губы соприкоснулись. Но поцелуй длился недолго, девушку затягивало все дальше. Крайм отчаянно тянулся к ней, удерживая за руку. Тело Юнии опутали черно-оранжевые корни, и она совсем скрылась в водовороте тьмы, а мужчину откинуло назад невидимое поле.

Время на секунду замерло, отмоталось назад, сцена повторилась. И так раз за разом. Лекс подошел ближе, почти вплотную. На сей раз время остановилось на том моменте, когда девушку начали оплетать корни, рука Крайма тянулась к ее руке.

Лекс вздохнул, он знал, что нужно делать. Собрав остатки воли, он медленно моргнул. Уже сложно было сказать, изменился ли цвет глаз — все застилала кровь. Но алхимик, преодолевая боль, увидел яркую белую нить, связывающую сердца Богини и ее последователя, нет, ее любимого. Самая сакральная и крепкая связь, то, что вдохновляло Юнию две тысячи лет, помогало, несмотря ни на что, сохранить частичку себя. И теперь, по иронии — это последнее, что удерживало ее в плену, мешало уйти, обрести свободу.

Лекс широко размахнулся и изо всей силы ударил по нити.

Вой, гул, треск, мир, в который раз за последние несколько часов, распался на части. Снова невыносимая боль, но теперь терпеть ее было легче, потому что Лекс знал, скоро все кончится. Белый, мягкий свет нежно заключил его в свои объятия. Невидимая сила несла юношу куда-то высоко-высоко. Постепенно в молочной пелене стали проступать силуэты. Горы, долина, огоньки человеческих тел. Алхимик увидел Эмилию, она сжимала на груди ладони и напряженно на что-то смотрела, в глазах ее застыла тревога. Лекс хотел успокоить ее, но слова не шли из горла, тогда он протянул к ней руку. Девушка потянулась в ответ.

Тело Лекса швырнуло вниз, белая завеса покрылась черными пятнами, и вскоре тьма заполонила пространство вокруг. «Жаль, — пронеслось в голове юноши, — что все так...». Взгляд алхимика зацепился за еще один огонек, совсем уже было погасший в темноте, но стоило Лексу сфокусировать на нем зрение, как светлячок разгорелся с новой силой. Юноша увидел Ирин. Девушка забилась в темном углу одного из многочисленных коридоров замка. Она тихо рыдала. Множество тонких, белых нитей покрывали ее спину, она притягивала к Ирин что-то темное, страшное. Связи эти были намного слабее тех, что сковывали Богиню, и даже той, которая связывала Лекса и Архельма. Маленькие, жалкие волоски, вытягивающие из серебряного алхимика последние силы, еще чуть-чуть и демон окончательно завладеет телом и разумом девушки.

Лекс посмотрел на свою правую руку. Меч Крайма — древний, могучий артефакт, столетиями копивший свои силы в царстве Нижнего мира, был уже почти невидим и неосязаем. Лишь робкие переливы, обозначали его последние минуты жизни. «Ты славно потрудился», — мысленно сказал ему Лекс.

Алхимик взмахнул рукой, нити на теле Ирин легко оборвались, растворяясь без следа. Артефакт последней искоркой исчез в темноте.

Неожиданно в голове возник голос Архельма, он звучал глухо, как будто издалека:

— Даже не дал мне возможности попрощаться, — проворчал он. — Но, будь я проклят, у тебя получилось! Прощай, Лекс, я тоже рад, что напоследок мы смогли подружиться.

Видения, звуки, боль — все исчезло. Лекс вздохнул и улыбнулся, последнее, что он увидел — мягкое и умиротворенное лицо Эмилии.

Люди в ужасе смотрели по сторонам. Гигант на горе больше не атаковал, но в долине начали появляться швы, большая их часть была совсем маленькими, однако три или четыре могли пропустить через себя демонов. Реальность трескалась по швам.

После нескольких минут бездействия, монстр вдруг встряхнулся и заревел, у головы его появилась алая пиктограмма, в утробе разгоралось темно-красное пламя — сила, по сравнению с которой, предыдущие атаки гиганта казались разминкой. Аура разгоралась все ярче, пиктограмма разрасталась. Монстр закинул голову вверх и неожиданно замер. Заклинание взорвалось снопом искр, тело чудовища стало покрываться трещинами и побелело, словно высохший песок. Еще через секунду гигант рассыпался водопадом пыли. Портал, из которого он выбирался, нехотя, с натугой, начал сжиматься, превратился в едва заметную точку и со звуком, похожим на удар стали о сталь, захлопнулся.

Воцарилась робкая тишина. Эмилия с тоской смотрела на гору, ей вдруг привиделась мерцающая искорка вдалеке, девушка протянула к ней руку, но видение погасло.

Люди робко смотрели друг на друга, не зная, что и думать. Из оцепенения их вывел грубый голос Сариды:

— Ну и хрен ли встали столбом?! У нас еще куча работы! Давайте, надо швы запечатать!

Аудитория купалась в утренних лучах солнца. Новый семестр начинался шумно и суетливо, как, впрочем, и всегда. Студенты, покинувшие на время летних каникул стены родной Академии, взхлеб рассказывали о своих приключениях, делилась сплетнями, громко приветствовали друг друга, обнимались, в общем, были в ажитированном состоянии. Те же, кто на лето остался в общежитии легко поддавались общему возбуждению и с удовольствием присоединялись к разговорам.

Одна такая группа студентов расположилась в самом центре аудитории, когда все истории о том, кто и как провел каникулы закончились, ребята переключились на вопросы, связанные с академией.

— А, кто это вообще такая? — недовольно протянул рыжий паренек с надменным выражением лица, глядя в листочек с расписанием. — Я на медицинском, вроде, всю профессию знаю, а об этой не слышал.

— О-о, — обрадовался темноволосый юноша в очках с дорогой, утонченной оправой. — Не слышал еще? Короче, она тут большой фурор произвела! — довольный тем, что все обратили на него свое внимание, юноша встал и вдохновлённо продолжил:

— Золотую птичку она получила в начале лета. Она там серию каких-то лекарств произвела, очень всех впечатлила, но — не суть. Штука в том, что ей и тридцати еще нет! — на лицах ребят появилось изумление. — Но и это не самое главное, — широко улыбнулся очкарик. — Профессор-то наш даже зрением алхимика не обладает!

— Ну, это ты уж гонишь, — недовольны фыркнул рыжий.

— И правда, Альб, — поддакнула красивая блондинка, накручивая локон на палец. — Это ты перегнул...

— Да правду говорю! — возмутился очкарик. — Когда-то, говорят, зрением она обладала, но после того инцидента в Инамии полтора года назад, она его утратила!

— Разве такое возможно? — недоверчиво пробубнила блондинка.

— Не знаю, — нахмурившись, ответил рыжий. — Но, если это так, то мой отец прав — Академия деградирует. Подумать только медицине нас будет учить профессор без зрения алхимика!

— Тихо! — шикнул кто-то из группы. — Идет!

Подростки быстро разбежались по своим местам. В аудиторию вошла на вид молодая еще девушка, хотя густые, каштановые волосы уже были тронуты сединой. Профессор так сильно хромала на правую ногу, что для передвижения ей необходима была трость. Девушка поднялась к трибуне, кивнула выстроившимся возле своих мест студентам. Ребята сели. Профессор открыла журнал, привычным жестом, откинула с лица волосы, обнажив страшный шрам, будто от химического ожога, он тянулся от края щеки, за ухо и вниз, к шее. Девушка вспомнила об увечье, лицо ее зарумянилось, и она поспешно прикрыла шрам волосами.

— В этом году, — хрипло начала она, пытаясь справиться с волнением. — Я буду читать вам курс «Введение в инфектологию». Меня зовут Ирин... кхм, профессор Ирин Мирсет, — закончила она уже твердым, уверенным голосом и внимательно посмотрела на аудиторию.

— Ну, как, хорош? — Рион отвернулся от зеркала и довольно посмотрел на Сариду.

Женщина поставила чашечку с кофе на столик, подошла к герцогу, поправила воротник и, улыбаясь, сказала:

— Да. Истинный первый канцлер! Похоже, я знала, на какую лошадку ставить.

— Коварная женщина, ты ж меня сюда и подтолкнула.

— Хе-хе. Ну, как ты, нервничаешь?

— Еще как! — вздохнул Рион. — Чертова уйма людей, каждый со своими интересами. Многие вообще имеют слабые представления о чести, и к власти пришли только благодаря хаосу и своей наглости, да жестокости.

— Все так, — кивнула Сарида. — И одна из твоих задач, как канцлера — прошерстить парламент и избавиться от таких элементов. После переворота работы будет много, нужно будет тщательно наводить порядок. Потом будет легче.

— Да, понимаю, — Рион опять повернулся к зеркалу, в последний раз придирчиво осматривая мундир. — Как твоя поездка? Что там, в Адэ?

— Как будто спокойно, — Сарида вернулась в свое удобное кресло. — Из-за отсрочки войны, люди простили многие промахи императора. Ривье незаметно сослали куда-то на север, руководить каким-то промышленным городком, но я думаю, дни его сочтены. Правитель старается не привлекать к себе внимание, никого не принимает, лишний раз из дворца не показывается, ждет, пока все успокоится. Самое смешное, я думаю, так оно и будет.

— Ты же сама говорила, что экономика у них, как бы это...

— В жопе, — кивнула женщина. — Да, но разве обычные люди что-то смыслят в этом. Сейчас их закормят какими-нибудь обещаниями, дадут время успокоиться, затем при помощи пропаганды, укрепят веру в императора, и все опять пойдет по старым рельсам. Адэ — закостеневшая страна, менталитет у людей будет меняться медленно.

— Думаешь, риск войны миновал?

— На ближайшие несколько лет — точно. Говорят, Аббадан серьезно пострадал. Вот, что бывает, когда не развиваешь науку и вкладываешься только в железки. Наши гуманитарные отряды незаметно провели инспекцию, у них на двадцать тысяч населения один маг. Представляешь? То есть всего, на всю страну, примерно, тысяча волшебников! И то, большинство — сраные заклинатели погоды, да фокусники. Не то, что шов закрыть — хрен, куда надо, направить не смогут. Да еще этот полудурок Назмар сильно усугубил положение. До последнего верещал, что держит все под контролем, верил, видимо, что разрывы песком засыплет. И пускай швов во время инцидента там открылось не то чтобы сильно много, но представляешь, что они могли натворить за полгода. Там шла настоящая война с демонами, пока наши не вмешались. Но аббаданцам и теперь разгрести еще многое предстоит, спасибо бывшему визирю.

— Тем не менее, он остался у власти.

— А, — Сарида раздраженно махнула рукой. — Власть в Аббадане меняется, как погода на море.

— Кстати, говорят, нашли четвертого лидера той организации.

— Да, — неохотно протянула Сарида. — Тардис Старлетт, я знавала его в молодости — неприятная личность. Это он опередил тебя, предупредил сенат Инамии о готовящейся катастрофе, благодаря чему военные силы так быстро вмешались. Потом старик во всем сознался, и сейчас активно помогает следствию. Его потому и не посадили, правда, лишили

всех занимаемых должностей и половины регалий.

— Он, что, правда, дед Лекса?

— Да.

Рион задумчиво посмотрел в окно и тяжело вздохнул, затем, вспомнив о чем-то, снова повернулся к Сариде:

— А, что твоя главная цель поездки в Адэ?

— Неил? Мальчик умница. Поступил на философский!

— Ого! — изумился Рион, повернувшись к собеседнице. — Ты постаралась?

— Нет, — гордо ответила женщина. — Все сам!

В дверь тихо постучали.

— Да-да!

На пороге оказался золотой алхимик Альт Ригонт.

— Мне передали, вы хотите меня видеть, — мужчина пожал руку герцогу и поклонился Сариде.

— Да, но поболтать толком уже не успею, давайте после заседания. Скажите только, как дела в Университете?

— Сложно сказать, — улыбнулся Альт. — Я ведь только вступил в должность. Но препон никто не строит, я получаю полное содействие.

— Уже хорошо, — кивнул Рион. — Я рассчитываю на вас, может быть, сделаете наш Университет конкурентом самой Академии!

— Приложу все усилия, — улыбнулся Альт и слегка поклонился.

Дверь в кабинет распахнулась и внутрь влетела, запыхавшаяся Эмилия. Она тут же направилась к Риону, но в последний момент сбавила напор и аккуратно, чтобы не испортить мундир обняла дядю.

— Фух, боялась, что опоздаю!

— Ну, так почти и случилось, — укоризненно сказал Рион. — Впрочем, не удивительно, ты у нас дама теперь очень занятая. Все по своим раскопкам разъезжаешь.

Эмилия проигнорировала укол герцога, слегка поклонилась Альту, затем помахала рукой Сариде:

— Здравствуй, тетя!

— Привет-привет, егоза. Зря ты, Рион, наследие той секты имеет большую научную ценность, вот девочка и вносит свой посильный вклад, — Сарида заговорщицки подмигнула Эмилиии.

— Э-эм, — девушка смущенно почесала щеку. — Ну, да, как бы... Ой! А, когда церемония? Я переодеться успею?

— Успеешь, если поторопишься, — вставая, ответила Сарида. — Впрочем, торопиться нужно и нам, — сказала она, обращаясь к Риону. — Надо еще подготовиться.

— Да... да, — засуетился герцог и направился к двери, но на полпути остановился и порывисто обернулся к Альту и Эмилиии:

— Так, вы только после церемонии и заседания никуда не уходите, особенно тебя касается, — он указал на племянницу. — Я хочу вечером посидеть, так сказать, в тесном кругу, пообщаемся хоть, да... отметим, как бы...

Альт и Эмилия кивнули. Сарида взяла под руку Риона и повела к выходу.

— Я слышал, что вы откопали, наконец, ритуальный зал, — мрачно заговорил Альт, когда они с графиней остались одни.

— Да, — кивнула Эмилия.

— И что?

— Ничего. Сломанные Сфера рассвета и Камень страданий, труп архиепископа, — девушка никогда больше не называла его по имени или «дедушка», хоть при этом ненависти не испытывала. — И меч Лекса, воткнутый в грудь камней.

— Ясно, — грустно заключил Альт. Минуту постояли молча. — Эмилия, не обижайтесь, но ваши поиски бесплодны. Выброс энергии был чудовищной силы, никто бы не выжил. Он тоже дорог для меня, но надо смотреть фактам в лицо, не мучать себя.

— Угу, — безэмоционально ответила Эмилия.

— Совсем не так я себе все представлял, — продолжил после паузы Альт. — Думал закончит Академию, видным ученым станет. Преподавать он, конечно бы не согласился, да и лабораторная работа не для него. Но ничего, поездил бы по миру, через парочку лет золотую птичку бы получил (в этом я не сомневался, его способности были куда выше моих), а потом бы, глядишь остепенился, жил бы в своем уютном домике...

— Домике? — удивилась Эмилия.

— Да, наследство родителей, то, что его дядя не успел пропить. Хорошее место, на окраине Имдиль — деревушка такая в Инамии, — пояснил Альт и на минуту задумался. — Ну, или продал бы дом, в Мисурию переехал бы, карьеру делал... А, — махнул он рукой, — что теперь...

Эмилия грустно посмотрела на Альта, похлопала его по плечу и направилась к выходу.

Летний морской ветер. Ясный, но не жаркий день. Впрочем, Рика знала, стоит солнцу подобраться чуть ближе к зениту, от жары придется до вечера прятаться в доме. Правда, когда-то они с Ками часто пренебрегали этой осторожностью и сбегали к морю купаться, расплачиваясь потом сгоревшей кожей.

Рика в неуверенности остановилась у самой кромки пляжа, там, где полузаброшенная дорога, прорывалась через колючий кустарник к морю. Весь путь до дома девушка запрещала себе думать о том, что ее ждет, и сейчас все страхи и переживания обжигающей волной захватили сердце. Рика посмотрела налево: груды камней на своем месте уж не было, их убрали через год после того, как она последний раз была здесь. Девушка перевела взгляд на дом. Пятнадцать лет — это много, но особняк почти не изменился, такой же уютный, цветастый, нелепый... родной.

Рика вздохнула и направилась к дому. Пятнадцать лет... И что? С чем она вернулась? Все это время девушка двигалась от неудачи к неудаче. А ведь последняя надежда была так заманчива! Но и она обернулась ничем. Сфера рассвета разрушена, как и мечты Рики. Впрочем, большой вопрос — смог бы артефакт помочь с ее проблемой.

И вот она здесь. Проклятый алхимик, это все с его подачи. Впрочем, с него теперь не спросишь...

Чем ближе Рика подходила к дому, тем медленнее становился ее шаг, как будто ноги не отпускал пляжный песок. Наконец, она начала подниматься на холмик, на котором стоял дом, и ее взору открылась внутренняя часть веранды. Там, на скамейке у столика, в легком ситцевом платице и элегантной, летней шляпке сидела она. Камина читала книгу. За годы она очень изменилась, что не удивительно. Стала настоящей красавицей: худенькая, хрупкая, воздушная и, вместе с тем, статная и элегантная. Впрочем, Рика тут же отметила, что и детские черты сестры никуда не делись. Ямки на щечках, озорной прищур в глазах, едва

заметная складка на лбу, когда девушка хмурилась.

Переворачивая страницу, Камина краем глаза заметила чужое присутствие, она подняла голову. Сердце Рики замерло, девушка готова была поклясться, что никогда не испытывала такого страха, ноги и руки онемели, лицо одеревенело, во взгляде перемешалось все: мольба, страх, страдание, так, наверное, жертва смотрит на палача.

Камина выпрямилась, глаза ее округлились от удивления, шляпка слетела с головы от порыва ветра, который тут же подхватил белоснежные волосы и растрепал их в разные стороны. Девушка совсем по-детски поджала нижнюю губу, выгнув брови домиком, глаза ее наполнились крупными слезами. Камина протянула руки навстречу сестре.

В ту же секунду Рика сорвалась с места, к черту онемевшие ноги, она в несколько шагов преодолела, разделяющее их расстояние и бросилась Камине в ноги. Обняла ее, уткнувшись в колени и заплакала, зарыдала, как ребенок. Все, что накопилось за эти долгие годы: горе, радость, страх, разочарование, все хорошее и плохое, потоком вырывалось из Рики. Ками же грустно, улыбаясь, нежно гладила сестру по голове, ее лицо светилось от счастья. Так они просидели почти полчаса, пока Камина не сказала тихо:

— Добро пожаловать домой.

Вереска сложно было чем-то удивить. Во-первых, потому что сумеречных, в принципе, учили ничему не удивляться. Во-вторых, и сам Вереск повидал в жизни многое, для того чтобы сохранять хладнокровие в любой ситуации. Но то, что творилась в убежище организации, похитившей Камень страданий, мало кого могло оставить равнодушным.

Вышел сумеречный на это место почти случайно. Выслеживая Лагола, в Этуме он узнал, что юноша входил в состав группы, преследовавшей Эркату с камнем. Дальше пришлось попетлять. Дошёл Вереск до самого Адэ. У храма Ридума-Ми, немногим разминувшись с отрядом наемников, зато нашел Эркату. Пришлось задержаться, придать сумеречного земле — священный долг. Ордену и так нелегко еще и лучшие воины уходят. Впрочем, Вереск знал, печаль его была не столько из-за кризиса ордена, ему нравилась Эрката, и он жалел о ее смерти. Но кажется его бывший ученик не был причастен к случившемуся, не прямо, во всяком случае.

На севере от Сторна Вереск выследил караван наемников, перевозивший какое-то оборудование в Ринт. В городе следы затерялись, но сумеречному повезло, он столкнулся давнишним знакомым — с алхимиком, которого несколько месяцев назад преследовал Лагол. Юноша-то и привел Вереска к логову врага.

За несколько часов наблюдения, сумеречный пришел к выводу, что проникнуть во дворец незамеченным, да еще забрать артефакт — задача невыполнимая, впрочем, как и найти тут Лагола. Но вскоре события приняли немислимый оборот: перед замком появляется разрыв, из него, сначала выскакивает алхимик, а затем лезут демоны. Воспользовавшись неразберихой, Вереск смог незамеченным проникнуть на базу организации.

Блуждая по коридорам и прочим помещениям дворца, избегая встречи с обитателями и, напавшими на них демонами, сумеречный увидел много отвратительных вещей, при всем бы своем желании, Вереск не смог бы сказать, чем занимается эта могущественная организация и какие цели преследует. Впрочем, сейчас ему было не до этого.

В какой-то момент, будто неведомая сила вырвалась наружу, гору затрясло, так, что понадобилась вся сноровка сумеречного, чтобы избежать обвалов. Землетрясение

прекратилась, но через некоторое время повторилось вновь, однако было уже не таким длительным.

Разведка докладывала, что Камень страданий нужен организации для какого-то могущественного ритуала. Не нужно было быть академиком, чтобы понять: ритуал либо завершился, либо идет полным ходом. Артефакт, вероятнее всего, уже не вернуть. Оставался Лагол, но и его в этом хаосе найти будет сложно, да и не факт, что он вообще находится здесь.

Чтобы обойти очередной завал, Вереску пришлось свернуть в странный проход со снижением между двумя массивными, но невысокими лестницами. На одной из стен помещения красовалась искусная фреска. Еще в комнате было два трупа, один — незнакомый мужчина лет сорока, со шрамом на щеке, другой...

Тот, кого Вереск почти полгода пытался вернуть назад и представить совету менторов. Юный сумеречный Лагол. Его ученик.

Вереск вздохнул и присел на корточки рядом с юношей. Что он нашел в нем? Что увидел? Очевидно, что-то особенное, иначе, как объяснить неоднократное нарушение устава. Сначала Вереск сам попросил дать ему в ученики Лагола, хотя так в ордене было не принято, совет сам решал этот вопрос. Но ментору, за выслугу лет пошши навстречу. Потом различные послабления, как-то уж излишне Вереск оберегал юношу, сам того не замечая. Да, что далеко ходить! Взять хотя бы его поручение по представлению опального сумеречного в совет. Это не работа опытного ментора, а игра в кошки мышки. Сначала он дал уйти ему в Араке, затем эта бессмысленная уступка в Патале с предложением явиться на суд добровольно. Разумеется, Лагол этого не сделал.

Через несколько недель Вереску не составило труда выследить бывшего ученика в небольшой деревеньке недалеко от Паталы, там он жил с молодой женщиной, поставившей его после ранения на ноги. И тут ментор не проявил ретивости для выполнения задания. Наблюдал. Зачем? Да он и сам толком не знал ответа. Но что-то вызывало в его душе смятение, видя, какие изменения происходят с его учеником. Что-то, это новое, непослушное поколение — талантливые, молодые ребята вроде Эркаты и Лагола, хотели сказать и показать старикам, но менторы не понимали их посылы. И сейчас Вереск, как никогда остро понял, что, если они так и не поймут, то орден сумеречных ждет бесславная участь — кануть в историю.

Краем глаза ментор уловил едва различимое движение, простой человек ни за что бы его и не заметил, да еще и при таком слабом освещении. Что-то шевельнулось в складках одежды Лагола. Живот? Вереск молниеносно приблизился к своему бывшему ученику и приложил палец к шее. Не может быть, вот тебе и опытный сумеречный, не смог отличить покойника от живого человека.

Пульс и дыхание были очень слабыми, однако надежда еще оставалась. Конечно, Вереск не слишком разбирался в медицине, но каждого сумеречного обязательно обучают ее основам, ведь их деятельность постоянно связана с рисками для здоровья: ранения, отравления, травмы и прочее. Ментор оказал возможную помощь: промыл и перевязал раны, дал, необходимое в таких случаях лекарство, специальный отвар, способствующий нормализации и увеличения объема крови, через силу напоил юношу. Больше тут сделать ничего было нельзя, нужен врач.

Вереск сел напротив Лагола, внимательно всматриваясь в лицо юноши и о чем-то размышляя, затем вздохнул, поднялся и взвалил тело ученика на плечи. До ближайшего

места, где могли оказать необходимую помощь, несколько дней пути. Что ж теперь только от воли Лагола и его желания жить зависит, вынесет ли он этот путь или нет.

Юноша дважды приходил в сознание. В первый раз взгляд его был неосмысленным, блуждающим, во второй, когда Вереск сделал ночной привал и готовил что-то у костра, Лагол посмотрел на него обреченно и сбессильной злостью, поняв, видимо, в чьи руки он попал.

Однако какие бы отношения не были между учеником и наставником, какую бы обиду и злость не держало сердце юноши на своего бывшего учителя, когда Торн, через несколько недель, стоял возле, до боли знакомой калитки, и смотрел на светящуюся от счастья Аделу, он понял, что обязан ментору гораздо большим, чем жизнью и долг этот бывший сумеречный Лагол никогда не забудет.

Конец лета в южной части Инамии — очень пестрое время года. Деревни, пашни, леса и луга играли сотнями красок. Осень, после мягкого, теплого, но короткого лета, приходила в эти края быстро, но тоже была скоротечна. И потому так ярки были контрасты. Пышные, богатые листвой деревья, уже рядили рыжие и желтые краски. Поля — наполовину золотые, от поспевшей пшеницы, наполовину коричневые, от перепаханной земли. До холодов времени оставалось не много, это знал каждый пахарь, садовник и огородник, нужно поскорее собрать урожай и подготовить землю для следующего года.

Деревни южной Инамии тоже были хороши. Еще не успели отцвести поздние цветы, а деревья и кусты ломались от плодов. Жители вовсю принялись выкапывать различный корнеплод. Запахи плодоносной земли, цветов и фруктов нежно витали возле домов.

В Инамии, из-за сурового климата, всегда были проблемы с продовольствием, которые в современной стране решались исключительно договорами на экспорт из Верисии и Адэ. Однако многие южные деревни могли прокормить не только себя, но и ближайшие города, особенно, если лето было урожайным. Инамийцы, занимающиеся сельским хозяйством, знали цену своего труда и почитали благодетель земли. Во время сбора урожая никто не отлынивал от работы и каждый с большим трепетом и вниманием относился не только к общему для поселения хозяйству, но и к собственным садам и огородам.

Деревня Имдиль, на юго-западе Инамии не была исключением. Очередное солнечное утро жители деревни встречали радостными перебивками, звонким смехом. Кто-то уже вовсю трудился в саду или огороде, кто-то шел на пашни. Исключение составлял лишь обитатель уютного, двухэтажного домика на окраине деревни. Впрочем, никто из жителей Имдиль на это внимания не обращал, в силу нескольких причин.

Появление чужака полгода назад взбудоражило всю деревню. Слишком уж таинственным оно было.

Местный лесник обнаружил недалеко от поселения шов, тогда, после катаклизма на северо-востоке Инамии это не было редкостью. Тут же вызвали дежурившую неподалеку бригаду магов. Такие отряды работали по всей восточной части страны, созданы они были как раз для ликвидации разрывов. Шов быстро запечатали и хотели было уже покинуть место, как вдруг один из магов обнаружил в высокой траве неподалеку тело. Сначала подумали — покойник, никто бы не продержался рядом с разрывом так долго, но таинственный юноша был жив, просто без сознания. Волшебники притащили его в деревню, обрадовать близких. Но оказалось никто, ни в деревне, ни в окрестностях, парня никогда не видел.

Юношу доставили в ближайшую больницу и там, через сутки он очнулся. Рассказывал о себе пришелец неохотно и скупое. Вопросов тоже почти не задавал, лишь поинтересовался, где находится и что происходило в последнее время, особенно его интересовали события на северо-востоке.

По рассказу юноши, он направлялся в Имдиль осмотреть дом, доставшийся ему по наследству. Особняк этот в деревне знал каждый, дорогой, хоть и не большой домик пустовал, сколько его помнили. Юноша предъявил свои документы и пароль от ячейки одного из банков Санары, где, со слов пришельца, хранились бумаги, подтверждающие его право на собственность. Молодой человек нанял юриста, так как о самостоятельной поездке в Санару в его состоянии, не могло быть и речи. Поверенный вернулся через пару дней с официальными бумагами. Юноша вернулся в Имдиль и беспрепятственно поселился в особняке.

Местные, за символическую плату (денег у нового члена общины почти не было) помогли привести дом в порядок, да и после, регулярно помогали бедолаге в быту. Но удивительное дело — всего через пару месяцев оказалось, что жители Имдиль нуждались в юноше гораздо больше, чем он в них. Оказалось, пришелец серьезно разбирается во многих вопросах, связанных с медициной, сельским хозяйством и даже с кузнечным делом. Помимо этого мог сделать зелья отпугивающие хищников или долгое время поддерживающие в теле тепло, что было особенно ценно в длинные, суровые зимы. В общем, юноша стал пользоваться в деревне незыблемым авторитетом, и чуть не каждый день, к нему, после обеда выстраивалась очередь. Даже старожилы ворчащие, что, дескать, какой-то чужеземец будет давать тут свои советы, со временем начали навещать юношу и всячески защищать и отстаивать его в любых спорах.

Часто юноша шутил, принимая в очередной раз толпу народа: что они будут делать, когда он уедет? Однако никто этого всерьез не воспринимал. Никому он, похоже, не был нужен, ведь никто за полгода его не искал. Родственников у юноши, по всей видимости, не было, раз особняк пустовал столько времени и он единственный, кто предъявил на него права. Друзей не было, наверное, из-за его странного, нелюдимого характера. Да и жены, видать, никогда не бывало, кому он такой нужен...

Полгода так и было, да. Но сегодня жители деревни поняли, что ошибались. В деревню приехала чужестранка...

Юноша же начинал свой день, как обычно, ни что не предвещало сбоя в привычном распорядке дня. Умылся, теперь это уже не занимало так много времени, как вначале. Пошел готовить завтрак. Собственно, приготовить нужно было чай, горячие пирожки уже ждали на столе — дело рук заботливой соседки Магды. Юноша пошарил рукой по нужной полке и нахмурился. Сколько можно было говорить, чтобы оставляли вещи на одних и тех же местах? Юноша не то, чтобы злился, он понимал, они это не со зла, просто опять уборку делали — знак признательности за помощь, ну, и, наверное, реализация материнских инстинктов. Только вот молодому человеку вреда от такой помощи было больше, чем пользы. Однажды, например, он заварил вместо чая горчицу, в другой раз знатно посластил сахаром отбивную. Потом, конечно, юноша стал осторожнее и прежде чем добавлять приправу, он сначала нюхал содержимое банки или пробовал на вкус. Беда только в том, что до того как понюхать или попробовать, нужно было сначала найти.

О, какая-то баночка. Так. Шалфей. Нет, так дело пойдет очень долго. Юноша прикрыл веки и полминуты простоял с закрытыми глазами, а когда открыл их, белые, выцветшие, они

обрели легкий, едва заметный, фиолетовый оттенок. Молодой человек быстро осмотрел полки. Ага, вот она. Он взялся за банку и закрыл глаза, которые снова становились блеклыми, лицо его исказилось гримасой боли. Свободной рукой юноша вцепился в столешницу. Простоял так с минуту, потом расслабился. Ничего, уже не так больно и не так долго — хороший знак, наверное.

Юноша пошарил рукой по соседнему столику, нащупал металлическую чашку, налил в нее из ковша воды и поставил на уже разогретую печь (видимо, тоже стараниями Магды). После, немного шаркающей походкой, хотя гораздо увереннее, чем было несколько месяцев назад, юноша подошел к обеденному столику и сел на излюбленное место, напротив окна. Пусть он не видел пейзажа снаружи, но ему нравилось чувствовать, как солнышко ласкает кожу на лице. Вдруг на самой границе слуха возник звук. Шаги. Странно, для местных слишком рано, разве случилось что...

Но никто из жителей деревни беспокоить юношу в столь ранний час не решился бы, тем более ничего экстренного в поселении не происходило. А по дорожке, вдоль забора шла та самая чужестранка, приехавшая в Имдиль часом ранее. Это была совсем молодая еще девушка с темными, подстриженными в каре волосами. Внешний вид ее, и стиль одежды выдавали в ней уроженку Верисии, а аристократические черты лица и белая, нежная кожа, намекали на высокое происхождение.

Чужестранка подошла к калитке, привычным жестом поправила волосы и тут же поморщилась, недовольная этим неуместным действием, глубоко вздохнула и вошла во двор. Минуту постояла на месте, осматриваясь, затем направилась к звоночку возле двери, снова глубоко вздохнула и уверенно потянулась к шнурку колокольчика, на конце которого висел искусно сделанный значок в виде синей птички.

Больше книг на сайте - Knigoed.net